

А. М. АСТАХОВА

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

~ 0 ~

БОГАТЫРЯХ

РУССКОГО

ЭПОСА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПУШКИНСКИЙ ДОМ

А. М. АСТАХОВА

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
О БОГАТЫРЯХ
РУССКОГО ЭПОСА

683219

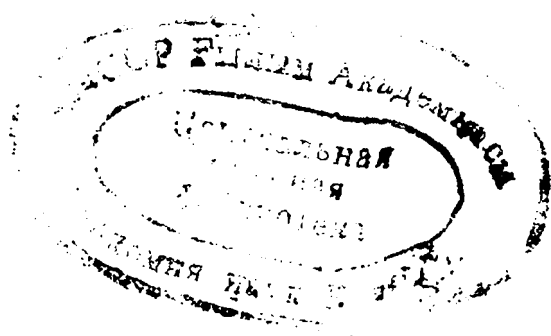
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962 ЛЕНИНГРАД

АННОТАЦИЯ

Книга посвящена возникновению в фольклоре русского народа и других народов СССР сказок о богатырях русского эпоса. В ней рассматриваются художественная природа этих сказок, соотношение их идейного содержания с идеологией героического эпоса, сочетания в них особенностей эпического повествования со сказочным.

К исследованию привлечены не только опубликованные тексты сказок, но и архивные материалы.

Книга рассчитана на литературоведов, преподавателей литературы и широкие круги читателей, интересующихся фольклором.

ВВЕДЕНИЕ

В устной поэтической традиции русского и других народов СССР живут прозаические рассказы, героями которых являются богатыри русских былин, рассказы, отразившие сюжеты или отдельные эпизоды былинного эпоса.

Рассказы эти разного типа. Одни из них не что иное, как разрушенные в своей стихотворной форме былины, сохранившие, однако, былинные фразеологию и интонации. К таким устным рассказам, в которых ощущается еще крепкая связь с былинной и по содержанию, и по стилю, хотя они и утратили не только напев, но и стихотворную структуру, применим термин «побывальщина». Их нередко находим в сборниках былин, так как в районах распространения эпоса всегда встречались в XIX—XX веках сказители, которые уже не могли ту или иную былинную исполнить «истово», т. е. напевно и с сохранением классической ее формы, но все еще живо помнили ее содержание и композицию, и общий склад. Такой, например, типичной побывальщиной является в своей прозаической части текст олонецкого сказителя Леонтия Богданова «Святогор и Илья»,¹ о котором М. К. Азадовский сказал: «...едва ли было бы правильно относить этот текст... к сказкам: перед нами явно былинный текст, утративший напев и целостную

¹ Рыбников, I, № 51. Начальная часть этого текста, повествующая об исцелении Ильи-сидя, еще сохранила стихотворную структуру. См. еще: Рыбников, II, № 172 (вторая часть); Ончуков, № 161; Соколовы, стр. 302—305; Астахова, I, № 47; Соколов — Чичеров, № 173; «Жив. стар.», 1895, вып. III—IV, отд. II, стр. 426—427. О последнем из указанных пересказов А. Шустиков, записавший его, говорит, что он явно не успел принять настоящей формы сказки и еще недавно был настоящей былинной (ук. номер «Жив. стар.», стр. 427).

структуру былины, но сохранились еще во многих случаях размер и другие элементы былинной формы». Поэтому М. К. Азадовский и не включил этот текст в свой сборник «Русские сказки в Карелии (старые записи)».²

Другие рассказы о богатырях сохраняют связь с былинами только в содержании сюжета в целом или в содержании отдельных его эпизодов. Вся же художественная структура, весь стиль полностью соответствуют жанру сказки. Рассмотрение таких именно произведений, подлинных сказок, но на традиционные сюжеты и мотивы русского богатырского эпоса, и является предметом данной работы.

Наконец, некоторые рассказы о богатырях близки к типу преданий и легенд. Их чаще всего встречаем в иноязычном фольклоре.

В сборниках былин встречаются еще сжатые, порой схематические пересказы былин. Они возникли вследствие обращений собирателей к рассказчикам с просьбой припомнить что-либо из слышанных ими или когда-то известных им былинных сюжетов. В таких случаях нельзя говорить о живом бытовании записанных пересказов. Они могут быть интересны исследователю лишь постольку, поскольку пополняют представление о сюжетном составе и некоторых особенностях содержания эпоса в данной местности в прошлом.³

Следует заметить, что грань между побывальщиной и сказкой иногда трудно уловима. Само освобождение от стихотворной формы уже создает условия для переключения сюжета в художественную систему сказочного жанра. Даже в тех побывальщинах, которые в наибольшей степени сохранили связь с былинной, наблюдаются порой рядом с былинными иные, чисто сказовые интонации. В ряде побывальщин находим характерные элементы сказовой фразеологии, иногда — некоторые «обрядовые» черты ком-

² Русские сказки в Карелии (старые записи). Подготовка текстов, статья и комментарии М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947, стр. 213.

³ См., например: Григорьев, I, № 8; Марков, № 66; «Жив. стар.», 1907, вып. II, стр. 30; Соколовы, стр. 301, 306; Б. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губернии. Журн. «Культура», 1922, № 1, Приложение, стр. 14—15; Акимова, стр. 65—66; Астахова, I, №№ 24, 25; II, № 194; Гуревич, стр. 310, 311; Рождественская, № 36.

позиции и стиля сказки. В этих случаях образуется как бы промежуточная форма. Это уже не былина в прозаической передаче, но еще и не сказка в полном смысле этого слова. Совершенно за пределы былинного жанра такой рассказ еще не вышел.⁴

Необходимо еще одно предварительное замечание. В рукописной литературе XVII—начала XIX века имеются тексты произведений, именуемых «повестями», «историями» или «гисториями», «сказаниями», иногда и «сказками» об Илье Муромце и некоторых других богатырях русского эпоса. Природа этих текстов различна. Часть из них представляет, по-видимому, записи или копии записей устной былины. Таких немного. Большинство же является прозаическими переложениями былинных сюжетов, с различной степенью точности отразившими содержание бытовавших былин. В основе некоторых лежит довольно близкий к былине пересказ, в других былинный материал уже значительно переработан, но ни один из этих рассказов не является непосредственной записью бытовавших в таком именно виде побывальщины или сказки: на них всех в той или иной мере лежит печать сознательной или непроизвольной работы книжника.⁵ Поэтому все эти прозаические переложения-переработки былинных сюжетов тоже в данной работе не рассматриваются, так как ее задачи — изучить народную сказку о богатырях русского эпоса, активно бытовавшую и бытующую в живой устной традиции.

Сказки, возникшие на основе былинных сюжетов, с былинными богатырями в качестве действующих лиц, никогда не изучались специально, с целью раскрытия их идейно-художественной природы. Они привлекались как дополнительный материал для решения некоторых вопросов изучения былинного эпоса: вопроса взаимодействия эпических сказаний разных народов, отыскивания древних отзвуков героического эпоса, которых былины уже не сохранили, и, наконец, как свидетельство бытования былины в местах, где они записями XVIII—XX веков не зафиксированы.⁶

⁴ См., например: Зеленин П., № 16; Астахова, I, № 40; II, №№ 113, 161; Соколов—Чичерев, № 239. Много примеров дают записи последних лет: Былины Печоры, №№ 8, 22, 23, 34, 73, 147.

⁵ См.: Былины XVII—XVIII вв.

⁶ См.: Веселовский. Мелкие заметки, стр. 6—18; В.с. Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 370—391.

Так, А. Н. Веселовский, приведя несколько финских вариантов сказок об Илье Муромце, сообщает о своем намерении параллельно «Южно-русским былинам» издать сборник, в котором будут приведены «факты и материалы, касающиеся истории нашего эпоса, его древних отзвуков и свидетельств о нем». «Инородческие пересказы былевых сюжетов, с былевыми именами, — пишет он, — могут явиться здесь подспорьем».⁷

В комментариях к некоторым публикациям сказок на былинные сюжеты иногда раскрывался состав сказки, указывалось общее отношение ее содержания к содержанию былин на те же сюжеты.⁸ Вот все, что отмечалось относительно конкретных сказок о былинных богатырях.

Между тем сказки эти представляют интересное и значительное явление в фольклоре. Уже одно распространение их в устной традиции XIX—XX веков по всей территории Советского Союза заставляет обратить на них серьезное внимание. Сказки о былинных богатырях известны не только русскому народу, но и за пределами русской народности. Их знают белорусы, украинцы и чуваша, а также латыши, эстонцы и многие другие народности финно-угорской языковой группы — карелы, финны, коми, удмурты, марийцы, мордва, некоторые северные народы — якуты, эвенки. Следовательно, в народно-поэтической культуре не только русского народа, но и братских народов Советского Союза они занимали видное место. Образы былинных богатырей и повествования об их подвигах продолжали жить в сознании и памяти народа там, где уже не стало в живой устной традиции классической былины, они жили и там, где ее, может быть, и вовсе не было. В иной художественной системе сказки о богатырях разнесли по всей стране какие-то части замечательного эпического наследия.

Что же представляют собою эти сказки? Что именно из эпоса и как было использовано для построения сказочных повествований? Главное: как соотносится идейное содержание сказок о богатырях с идеологией героического эпоса? Претерпевали ли эпические образы богатырей в сказках

М. З. Левченко. З поля фольклористики і етнографії, вып. I. Кисв, 1927, стр. 3—11.

⁷ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 6.

⁸ См., например: Коргуев, стр. 615—616; Магай, стр. 318—319; Сказкин, стр. 338—339.

существенные изменения или нет? Как сочетаются в таких сказках особенности эпического повествования со сказочными? Когда и как эти сказки возникают?

Все эти вопросы имеют отношение к некоторым проблемам истории и теории фольклора, поскольку они касаются судеб былинных сюжетов и образов на позднейших этапах жизни фольклора и затрагивают проблему жанровой специфики. Освещение их важно также для уяснения места и роли данного явления — сказок о богатырях — в общей поэтической культуре русского и других народов Советского Союза.

В записях, а тем более в публикациях сказок о богатырях былинного эпоса не очень много. В. Ф. Миллер, давший в конце 1890-х годов обзор всех известных ему сказок об Илье Муромце, как русских, так и иноязычных, насчитывал их всего двадцать.⁹ Записи сказок о других богатырях в XIX веке единичны. В собраниях 1900-х годов, начала XX века и советского времени встречаем еще ряд записей, но и их не так уж много.¹⁰ Однако имеются свидетельства собирателей о довольно большом распространении в русском фольклоре сказок о былинных богатырях.

Сравнительно же небольшое число записей объясняется, очевидно, тем, что собиратели былинного эпоса сказок о богатырях не разыскивали, а если такие сказки встречались, их не записывали; собиратели же сказок интересовались в первую очередь традиционными классическими сказками, вследствие чего проходили порой мимо сказок о богатырях.

Что касается национального фольклора, то наличие в нем сказок и преданий с отзвуками русского эпоса тоже, вероятно, недостаточно привлекало внимание собирателей, во всяком случае они специально не разыскивались,

⁹ Из них 5 русских сказок, 4 белорусских, 4 украинских и 7 принадлежащих другим народностям. См.: В. Ф. Миллер. Очерки..., стр. 370—391.

¹⁰ Всего к настоящему времени удалось выявить вместе с прежними записями, учтенными В. Ф. Миллером, несколько более 115 сказок, записанных на территории Советского Союза, из них русских около 75. При этом рассказы промежуточного типа — переходные от побывальщины к сказке — в этот счет не входят. Содержание многих архивохранилищ мне, однако, пока еще осталось неизвестным. Вероятно, найдется также ряд записей и в частных собраниях.

а фиксировались мимоходом, порой в связи с этнографическими изысканиями.

Но и тот материал, который сейчас в нашем распоряжении, дает возможность сделать ряд наблюдений и некоторые обобщения.¹¹

¹¹ В работе по выявлению неопубликованных сказок дружескую помощь оказали мне фольклористы из разных республик и областей, приславшие мне тексты сказок, сведения об их распространении и переведившие иноязычные записи на русский язык: В. А. Василенко (Барнаул), М. Г. Воскобойников (Ленинград), В. Я. Евсеев (Петрозаводск), А. И. Лазарев (Челябинск), А. И. Маскаев (Саранск), А. К. Микушев (Сыктывкар), Э. Норманн (Тарту), И. И. Одюков (Чебоксары), Ф. В. Плесовский (Сыктывкар), В. Ф. Павлова (Казань), В. М. Потявин (Горький), В. Ф. Шмидт (Тарту), Э. В. Померанцева (Москва). Всем им выражаю мою большую признательность.

Глава I

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ БЫЛИННОГО ЭПОСА

1

Среди русских сказок о былинных богатырях огромное большинство имеет своим героем Илью Муромца. В значительной части своей они объединяют по нескольку былинных сюжетов об этом богатыре. Есть такие, которые используют весь или почти весь состав цикла былин об Илье Муромце. Сравнительно мало сказок, построенных на одном-двух сюжетах. Содержание сказок разнообразно. Отличаются они друг от друга и сюжетным составом, и разным сочетанием использованных сюжетов, и особенностями их пересказа. Сказок с повторяющейся композицией, близких друг к другу, немного. Это говорит о том, что сказки об Илье Муромце жили и живут в устной традиции, подвергаясь общему закону вариативности произведений народно-поэтического творчества, с наибольшей силой проявляющемуся как раз в сказочном жанре.

При всем разнообразии сказок об Илье Муромце можно все же выделить в них некоторые устойчивые черты.

Сказки, более полные по составу отраженных в них былинных сюжетов, обычно помещают эти сюжеты в предполагаемой последовательности событий, образуя таким образом поэтическую биографию богатыря. Все они (за единичными исключениями) начинают рассказ с исцеления Ильи-сидня. Построение рассказа традиционно, во многом совпадает с тем, которое встречается в былинах. Обычно повествуется, что Илья много лет, чаще всего 30 лет, сидит

«без рук, без ног». Появляются целители — прохожие, странники, калики (чаще всего двое или трое). По приказу странников Илья встает и приносит им напиться воды, пива, вина, реже меда, они ему предлагают выпить самому, причем после первого, а иногда двух первых подношений Илья получает силу чрезмерную (может перевернуть землю), и тогда вторым или третьим подношением питья странники убавляют силу наполовину. В некоторых сказках эпизод исцеления приобретает легендарно-религиозный оттенок: целителями оказываются ангел или сам Христос и святители — Николай-угодник, Егорий храбрый, Илья-пророк.¹ Но таких сказок меньше. Есть сказки легендарного характера, в которых Илья-богатырь смешан с Ильей-пророком. В тамбовской записи П. И. Астрова² после краткого рассказа об исцелении ангелами Ильи-сидня и последующем его подвиге — поражении Соловья-разбойника говорится, что бог взял богатыря живым на небо, и он вместе с Михаилом-архангелом искоренял на земле чертей. Но сам рассказ об исцелении дан в соответствии с установившейся традицией: целители подносят сидню последовательно четыре чаши с вином, четвертая уменьшает полученную вначале чрезмерную силу.

В отдельных сказках имеются, однако, некоторые отступления от традиционной схемы. Так, в пензенском варианте³ Илья оказывается двенадцатым сыном крестьянина Ивана Тимофеевича. Он захварывает, и его отделяют в «другой терем», где он лежит 33 года. Далее эпизод исцеления развернут традиционно. В варианте известного сибирского сказочника Е. И. Сороковикова⁴ эпизод модернизирован: три странника исцеляют Илью каким-то чудесным лекарством, которое одновременно наделяет Илью и силой: «Один из странников заходит в избу, подает ему выпить какое-то лекарство. Когда Илюша выпил это лекарство, почувствовал в себе необыкновенную силу, слез на пол и стал ходить. Подал он странникам милостыню, и те уходят». В сказке И. К. Лопинцева из Кандалакши⁵

¹ См., например: Ончуков, № 136; Зеленин В., № 99; Иваницкий, стр. 168, примечание; Соколов—Чичеров, № 57; «Этногр. обозр.», 1912, № 3—4, стр. 110.

² Иваницкий, стр. 168, примечание.

³ Анисимова, стр. 55.

⁴ Магай, № 9.

⁵ Астахова, II, приложение III.

«дорожный старичок» тоже поит Илью чем-то целебным из трех маленьких бутылочек. Совсем необычно эпизод исцеления рассказан в одном пинежском варианте: два старца просят Илью перевезти их за реку. Илья отвечает, что он и рад бы их перевезти, да ног нет. Тогда они приказывают ему встать. «Он послушал и завставал на ноги: почувсвовал — у его ноги есь, и в полном действии... Стал он на ноги и пошел, взял карбасок за крайчик одной рукой и понес на воду, перевез он их за реку».⁶

За рассказом об исцелении почти во всех сказках следует эпизод первого приложения Ильеи силы — в крестьянской работе в помощь родителям. Эпизод этот чаще всего встречается в двух версиях: 1) Илья выкорчевывает деревья, расчищая место под пашню⁷ (версия эта традиционна для былин и побывальщин); 2) Илья помогает в косьбе. Выразительно рассказывает, например, А. Н. Королькова: «Выбрал он косу самую большую, да как начал ею помахивать. Не успели они оглянуться, а степь выкошена».⁸ У Сороковикова Илья «за час времени», пока родители спали, выкосил тридцать десятин. «Пробудились отец с матерью и стали озираться во все стороны и видят, что трава вся скошена».⁹ Версия с косьбой встречается часто в сказках об Илье, но былинам она не свойственна. Приводятся в сказках и другие необычные для былин формы первого применения Ильеи силы: по дороге к месту работы родителей он выдергивает дубы и делает мост через реку; убирает двор; выворачивает у двери в избу огромный камень.¹⁰ Но самый эпизод, сразу намечающий демократические черты в облике богатыря, его принадлежность к трудовому крестьянству, прочно удерживается сказкой.

В некоторых сказках рассказывается еще, что родители на радостях созывают соседей и угощают их.¹¹

Знают сказки и эпизод добывания Ильеи богатырского коня. Чаще всего это — выхаживание богатырем шелуди-

⁶ Рождественская, стр. 116—117.

⁷ См., например, омский вариант — Василенко, № 12; рязанский — Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 47, папка 18, № 9 (запись Р. С. Липец); горьковский — Потявин, № 3, и др.

⁸ Королькова, стр. 13.

⁹ Магай, стр. 119.

¹⁰ Тамбовский фольклор, № 1; Коргуев, № 39; Марков, № 91

¹¹ Иваницкий, № 3; Магай, № 9, и др.

вого жеребенка, которого отец или сам Илья покупает у попа, соседей, случайного прохожего. Иногда рассказывается, что Илье во сне дается указание, где и каким образом приобрести коня, иногда такой совет дают Илье исцелившие его калики. Но имеются и сказки, в которых Илья Муромец подобно Еруслану Лазаревичу отыскивает коня в табунах или в конюшнях отца, проверяя силу коня наложением своей руки: «Какого ни пойдет, руку наложит, конь подгибается».¹² Иногда к эпизоду добывания коня присоединяется еще рассказ о приобретении седла, кольчуги, оружия.¹³

Кончается эта первая часть сказки (получение силы и приготовление к отъезду) обычно прощанием с родителями, испрашиванием у них благословения «ехать поганые места очищать», «послужить царю Владимиру красну солнышку» и т. п., причем иногда приводится и наказ родителей — добрых людей не обижать, заступаться за слабых, бить врагов народа.¹⁴ Но в некоторых сказках эпизода прощания с родителями нет, и рассказчик непосредственно переходит ко второй части сказки — к первому подвигу Ильи Муромца. Этой второй частью сказок в огромном большинстве случаев является рассказ о победе Ильи над Соловьем-разбойником. Значительно реже в качестве второй части сказки использован сюжет об Илье Муромце и Идолнице Поганом или о встрече Ильи со Святогором, в таких случаях сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» следует за ними. И совсем мало сказок об Илье Муромце, где данный сюжет совершенно не использован. Это или сказки только об исцелении Ильи-сидя, оканчивающиеся его выездом на подвиги,¹⁵ или сказки, построенные на других сюжетах, но не имеющие начальной части — рассказа об исцелении.

Сама встреча Ильи Муромца с Соловьем-разбойником описана в сказках в большинстве случаев традиционно: она происходит в лесу, где Соловей сидит на дубах (на семи, двенадцати и т. д.); Соловей свистит, пугается конь,

¹² Иваницкий, № 3; см. также: Василенко, № 12; Астахова, II, приложение III; Потявин, № 2, и др.

¹³ Василенко, № 12; Сказки, № 52; Астахова, II, приложение III, и др.

¹⁴ Иваницкий, № 3; Сказки, № 52, и др.

¹⁵ См., например: Марков, № 91; Василенко, № 12; Анисимова, стр. 53.

Илья укоряет его, стреляет в правый глаз разбойника, Соловей падает на землю, и Илья привязывает его к седлу или к хвосту коня. Далее следует сцена в подворье Соловья. Она варьируется в своих деталях еще больше, чем это наблюдается в былинах. То три дочери спорят о том, кто кого везет — Соловей мужика или мужик Соловья, и затем хотят придавить его воротами, то покушается на жизнь Ильи старшая дочь — и богатырь «посадил ее на пику», или пытаются убить Илью подворотней сын Соловья, то играющие на улице дети Соловья бегут сказать матери, что какой-то мужик везет их отца связанным и т. д.¹⁶ Но почти во всех сказках изображена попытка жены Соловья или других членов его семьи выкупить Соловья и отказ Ильи Муромца от подарков и угощения.

Встречаются и отдельные необычные и оригинальные разработки эпизода столкновения с Соловьем-разбойником. Так, в записи П. И. Астрова из Тамбовской губернии Соловей изображен мужиком, который «залезал на деревья, разбойничал». До Ильи доходят слухи о Соловье. Он приезжает к его жилищу, входит в дом, просит засвистать. Соловей свистит, но Илья удерживается на ногах. Затем богатырь схватывает разбойника, завязывает ему глаза — «свистнул его дубиной» и убил. Дети Соловья хотели раздавить Илью в воротах, но бог его спас и взял живым на небо (это как раз отмеченный выше случай смещения Ильи Муромца с Ильей-пророком).¹⁷ Встречается и представление о Соловье-разбойнике как главе целой разбойничьей шайки.¹⁸ В одном из вариантов Горьковской области¹⁹ Соловей изображен сильным, могучим богатырем на коне, никому не дающим проезду в Киев. Когда он засвистел, «у Ильи только волосы раздувались, а когда свистнул Илья Муромец, то Соловей с коня слетел».²⁰ Есть сказки, где Соловей-разбойник именуется Соловьем Будимировичем.²¹

¹⁶ См. эти версии эпизода: Иваицкнй, № 3; «Труды Саратовской архивной комиссии», вып. XXIV, 1908; Коргуев, № 39; Магай, №№ 9 и 9а.

¹⁷ Иваицкнй, стр. 168, примечание.

¹⁸ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, кодл. 165, папка 7, № 44.

¹⁹ Потявин, № 3.

²⁰ Образ Соловья на коне для былин необычен. Встречается только в двух вариантах от сказителя Щеголецка. См. об этом: Былины XVII—XVIII вв., стр. 47—48.

²¹ Былины Печоры, № 74.

По-разному повествуется и о судьбе Соловья. В упомянутой выше записи Астрова Илья убивает его в его же доме. В горьковском варианте, изображающем Соловья богатырем, Илья тут же на дороге струбает ему голову. Иногда разрабатывается былинный эпизод показа Соловья при дворе князя Владимира, когда Соловей, вопреки приказу Ильи Муромца свистеть вполсвиста, свистит в полный свист, отчего люди падают замертво, а в городе происходят разрушения, и Илья тогда казнит Соловья.²² Но часто в этом случае сказка изображает данное происшествие на дворе некоего безыменного царя.²³ В записи Иваницкого сцена свиста происходит где-то на свадьбе, на которую Илья заезжает по пути. От свиста Соловья люди падают на пол, а из окон сыплются рамы. Но о судьбе Соловья ничего не говорится. Е. И. Сороковиков-Магай в обоих своих вариантах (записи 1925 и 1936 годов) оставляет Соловья в живых: в записи 1925 года рассказывается, что Илья отпускает его на волю, взяв с него клятву, «чтобы он больше не беспокоил никого, чтобы не грабил и не убивал»; в записи 1936 года говорится, что Илья Муромец сажает Соловья в темницу, а через много лет во время нашествия на Киев царя Калина выпускает с условием, что Соловей поможет ему одолеть Калина. Соловей сдерживает слово, и Илья Муромец, взяв с него клятву, что он не будет делать вреда на земле, отпускает Соловья на волю.

Как уже было сказано, к числу былинных сюжетов, используемых в сказках об Илье Муромце, принадлежит и сюжет о победе Ильи над Идолищем Поганым. В большинстве случаев столкновение происходит традиционно — изображена прожорливость Идолища, развернут диалог с вопросами Идолища об Илье Муромце, с насмешками Ильи, показана попытка Идолища убить насмехающегося над ним калику. В конце Илья убивает Идолище или, по традиции, шапкой, или клюкой. Но есть сказки, в которых сюжет передан сокращенно, без эпизода переодевания Ильи в каличье платье, с более сжатым диалогом, однако образ Идолища — чудища и обжоры — остается без изменения.

Четвертый сюжет, тоже часто входящий в состав сказок об Илье Муромце, — встреча Ильи Муромца со Святогором и смерть Святогора в найденном ими гробу. Этот сю-

²² См., например: Сказкин, № 52; Тамбовский фольклор, № 1.

²³ См., например: «Этногр. обозр.», 1912, № 3—4, стр. 111.

жет обычно осложняется в сказках поездкой Ильи после смерти Святогора к слепому отцу погибшего богатыря с вестью о гибели сына. По совету, данному умирающим Святогором, Илья Муромец протягивает старику для пожатия вместо руки железную палицу или меч, иногда подставляет для объятия вместо себя железную статую и тем избегает гибели от чудовищной силы отца Святогора. Эпизод этот иногда предшествует рассказу о гибели Святогора. Святогор сам везет Илью Муромца к отцу. Но и в той и другой версии этот эпизод в стихотворном эпосе не встречается, хотя и был известен носителям былин. Характерно, что и в тех случаях, когда исполнители начальную часть былины о встрече Ильи Муромца со Святогором могли спеть или сказать в стихотворной форме, эпизод поездки Ильи к отцу Святогора всегда присоединялся уже как прозаический рассказ, как сказка.²⁴ Аналогичные эпизоды встречаются в древних сказаниях и сказках других народов.²⁵ Таким образом, можно думать, что данный эпизод в сказках об Илье Муромце идет не непосредственно от былин, а что он — сказочного происхождения.

Рассказ о гибели Святогора в гробу обычно сохраняет характерные былинные черты: богатыри наезжают на гроб, примеряют его, сперва Илья Муромец, затем Святогор, которому гроб оказывается по мерке, и из него Святогор уже не может подняться. Рассказ включает обычно также и былинный эпизод передачи Святогором Илье части своей силы через дыханис, смертную пену и т. п. Но имеются сказки, где этот эпизод и опущен.

Сюжет о встрече Ильи Муромца со Святогором и гибели Святогора очень популярен в сказочных обработках, встречается не только в больших сводных сказках, но и в качестве отдельного сказочного сюжета, а также в соединении с некоторыми другими сюжетами.²⁶ Хотя, как указано, преобладает традиционная былинная разработка сюжета, но встречаются и иные вариации. Так, иногда рассказывается, что Илья Муромец находит где-нибудь

²⁴ См., например: Рыбников, I, № 2; Астахова, I, приложение I, № 2.

²⁵ См.: Орест Миллер. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869, стр. 240—242.

²⁶ Например: Григорьев, I, № 130 (166); Рождественская, № 35; Астахова, I, № 5; Королькова, стр. 11; Соколов—Чичеров, № 57.

в ущелье на Святых горах гроб, где уже лежит Святогор.²⁷ В одном горьковском варианте²⁸ также рассказывается, что Илья Муромец наезжает на Святогора в гробу. Но эпизод здесь не заканчивается традиционной гибелью Святогора и передачей им силы Илье. Удары Ильи мечом по гробнице не заковывают ее, как обычно, обручами, а, напротив, рассекают обручи и освобождают богатыря. Святогор встает из гробницы, и богатыри братаются. Есть сказки, в которых сюжет использован для повествования о смерти самого Ильи Муромца. В той же записи из Ленинградской области говорится, что Илья после гибели в гробу Святогора наезжает еще на три гроба. Он по очереди примеряет все, и третий приходится ему по росту, а крышка сама захлопывается. В это время подъезжает богатырь, с которым ездил Илья. Он пробует разрубить гроб, но тот лишь покрывается железными обручами. Илья умирает. «И остался этот богатырь один, а Ильи не стало на свете. И родителей не пришлось посмотреть». Так в сказке возник на основе былинных припоминаний совершенно новый эпизод, давший всей истории законченность. Аналогичный эпизод, завершающий сказку об Илье Муромце, приводит П. А. Бессонов в «Песнях» Киреевского.²⁹

Из других былинных сюжетов в сказках об Илье Муромце используются еще, но реже, чем указанные, сюжеты о встрече Ильи Муромца с разбойниками, о трех поездках Ильи, о ссоре с князем Владимиром, о нашествии Калина-царя и о бое Ильи Муромца с богатырем-нахвалящиком. Два последних сюжета отразились в сказках об Илье Муромце чаще лишь в виде припоминаний, иногда довольно далеких. В записи Иванцкоего говорится сперва о наступлении «некрещеной силы». Илья вырывает березу и за три часа побивает всю силу. В другом царстве он бьется с могучим богатырем, победив которого, допрашивает, откуда он родом. Богатырь сначала отказывается ответить, но потом «сказался он Илье и нашелся ему в родне». Илья зовет ехать с ним «поганые места» очищать, «побратались они и поехали вместе». Доехали до другого царства. Там тоже «могучий богатырь наступает на царство», и царь

²⁷ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 118, папка 18, № 7 (запись из Пашского района Ленинградской области).

²⁸ Потявин, № 1.

²⁹ Киреевский, I, стр. XXXIV, примечание.

просит Илью о помощи. Илья с товарищем побивает силу. «Царь позвал их к себе и сделал пир навеселе, а после того Илья с товарищем домой поехал».³⁰ Так в этой сказке преломились смутные припоминания сюжетов «Илья Муромец и сын», «Илья и Добрыня», «Калин-царь». Довольно часто и в других сказках встречаются эпизоды боя Ильи то с одним, то с двумя богатырями, а также с целым войском неверного царя. Но имеются и сказки, где сюжет о Калине-царе отразился более отчетливо и иногда с характерным для былин включением эпизода ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром.³¹

Сюжет о трех поездках, в особенности его вторая часть — приключение Ильи в тереме коварной красавицы, обрастает в сказках об Илье Муромце новыми сказочными деталями, например рассказывается, что Илья стреляет в тень обольстительницы, и она оборачивается ведьмой.

Кроме былинных сюжетов, связанных в эпосе с именем Ильи Муромца как главного героя, в некоторых сказках о нем встречаем еще включение сюжета о Дюке Степановиче в той версии, где Илье приписывается известная роль в мирном разрешении конфликта, возникшего между Дюком и Чурилой. Но эти сказки образуют особую группу, объединяемую единством источника, о чем будет речь ниже.

Былинные сюжеты, использованные в разной степени близости к их разработке в самом эпосе, составляют главную основу сказок об Илье Муромце. Но помимо этих сюжетов, образующих отдельные эпизоды сказок, и помимо различных, порой смутных реминисценций этих сюжетов, сказки об Илье Муромце, включаясь в общее русло сказочного жанра, начинают испытывать его воздействие не только в поэтике, но и в содержании: в них появляются эпизоды и мотивы совершенно сказочного характера. Это тем более закономерно, что сам эпос при своем формировании уже пользовался некоторыми сказочными ситуациями и что фантастике эпоса не чужд в иных случаях сказочный характер.

Естественно, что сказки, построенные на материале героического эпоса, объединяются преимущественно с теми сказочными сюжетами и эпизодами, которые принадлежат

³⁰ Ивануцкий, стр. 170.

³¹ См.: Магай, №№ 9, 9а; Коргуев, № 39; Сказкин, № 52; Тамбовский фольклор, № 1, и некоторые другие.

сказкам типа «Бовы-королевича» и «Еруслана Лазаревича» или сказкам волшебного-героического.

Мы уже видели отражение сказок о Еруслане в эпизоде добывания богатырского коня. Подобно тому как Еруслан Лазаревич, изгнанный из царства Картауса и не нашедший себе подходящего коня в конюшнях отца, идет к пастуху своего отца и в табуне выбирает коня, испытывая его силу и мощь паложением руки, и Илья Муромец в ряде сказок таким же путем выбирает коня в табунах своего отца или просто в проходящем по полю стаде.³² Иногда происходит в дальнейшем подмена Ильи Муромца Ерусланом. Так, в варианте сказки И. К. Лопинцева из Кандалакши³³ в эпизоде борьбы Ильи с неизвестным сыном, переданном традиционно, по-былинному, сын назван Ерусланом, причем рассказчик дает ему и отчество Ерусланович, сам не замечая нелогичности этого наименования. И далее, в развязке эпизода, Лопинцев совсем уж отходит от былинного эпоса и заканчивает эпизод в соответствии со сказкой о Еруслане: мать Еруслана Еруслановича оказывается верной женой Ильи — Вахрамеевной. К ней и едут вместе Илья Муромец с сыном.

В той же сказке Илья Муромец встречается в поле с Бовой-королевичем, борется с ним и братается, и они вместе сдуют против Соловья-разбойника.

В одной поздней записи из Горьковской области находим также известный эпизод из сказок о Еруслане — встречу героя с богатырской головой, из-под которой он достает себе богатырский меч. «Меч был тяжелый, — говорится в сказке, — но для Ильи Муромца был легковат. Поскакал с этим мечом Илья Муромец как раз на заставу и стал охранять русскую землю».³⁴

Характерным примером проникновения в сказки об Илье Муромце сюжетов, эпизодов и мотивов волшебного-героической сказки является вариант из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, записанный, как предполагают, П. И. Якушкиным.³⁵

³² См. об этом подробнее в моей статье «К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказаний о Еруслане» («Труды Отдела древнерусской литературы», XIV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958).

³³ Астахова, II, приложение III.

³⁴ Потявин, стр. 16.

³⁵ Афанасьев, III, № 310.

Сказка представляет собою образец прикрепления к имени Ильи Муромца сказочного сюжета о победителе Змея: Илья (назван в сказке Ильей Ивановичем) освобождает от двенадцатиглавого чудовища королевну. Это главный подвиг Ильи Муромца. При этом налицо все характерные атрибуты волшебной сказки: три дороги на выбор («сам сыт будешь — конь голоден»; «конь сыт — сам голоден»; «по третьей дороге ехать — самого убьют»); избушка на курьих ножках в дремучем лесу; две бабы-яги, сестры, доброжелательно относящиеся к герою. Из былинных сюжетов использованы сюжет исцеления сидня и чудесного получения им силы (передано в целом традиционно со включением эпизода помощи родителям) и сюжет о Соловье-разбойнике. Но оба эти сюжета подчинены общей сказочной композиции, в центре которой — победа над Змеем и женитьба на царской дочери. Объединены все части сказки следующим образом. Богатырское корчевание леса Ильей порождает слух о нем как о необычайно могучем богатыре. Илью призывают во дворец. Возникает обоюдная любовь Ильи и царской дочери («И показала она ему оченно, и хочет с ней обвенчаться»). Но по законам сказки герой должен сперва совершить подвиг. Этот подвиг есть спасение дочери соседнего короля от Змея. К этому королю и посылает Илью царь. По пути к королю Илья побеждает Соловья-разбойника (о нем предупреждает Илью вторая баба-яга) и привозит его к королю. Изображена традиционная сцена свиста. Король, убедившись в силе Ильи, просит спасти дочь от Змея. Совершив этот подвиг, Илья возвращается в свое государство и женится на царской дочери.

Таковы особенности сказок об Илье Муромце по их сюжетному составу. Какова же их идейная направленность?

2

Содержанием героического цикла былин об Илье Муромце является, как известно, изображение подвигов русского богатыря в защиту родной земли и народа, его независимости, мирного труда и благосостояния от иноземных захватчиков и от разбоя внутри страны. Это патриотическое и гуманистическое значение деятельности Ильи Муромца в основном сохранено и сказками. Илья побеждает Соловья-разбойника, свистом губящего прохожих-проезжих, и либо уничтожает его, либо заставляет его прекра-

тигь наносить людям вред. Он убивает Идолище Поганое, бесчинствующее на русской земле, отбивает вражеские нашествия, бьется с чужеземными богатырями, угрожающими нарушить мирную жизнь народа, побуждает разбойников бросить их ремесло, охраняет на богатырской заставе дорогу в Киев и т. д.

Смысл этой деятельности Ильи Муромца иногда особо подчеркивается. В конце сказки пудожского сказителя М. С. Мякишева³⁶ говорится, что за уничтожение Идолища Поганого князь стольнокиевский вынес Илье «три чаши золота червонного». Но Илья не взял, сказав: «А князь стольне-киевской, я тебе не за золото работал, а работал за отечество». И. К. Лопинцев из Кандалакши заключает свое повествование словами Ильи, обращенными к сыну: «Ой ты гой еси, Еруслан Ерусланович. Ты не бойся никого. Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину».³⁷ В рязанском варианте сказки об Илье Муромце и Соловье-разбойнике изображена такая сцена. После своей победы и уничтожения семьи Соловья Илья останавливается в ближнем селении. Тотчас собирается народ, звонят на колокольне. Люди падают на колени и благодарят Илью. «„О благодетель и спаситель наш! — воскликнули люди. — Мы думали, ему не будет никогда конца“. С честью проводили Илюшу из села».³⁸ В сказке «Илья Муромец и Идол-богатырь» из сборника П. Н. Рыбникова «градские люди смерти Идоловой обрадовались и благодарят Илью Муромца: „Спасибо, Илья, освободил ты нас от великого разорителя... За эту услугу великую возьми из нашего добра, что хочешь“. — „Мне, — говорит Илья Муромец, — вашего добра не надо...“».³⁹

Сказки часто сохраняют известный гуманистический завет родителей. В варианте М. А. Сказкина родители Ильи в ответ на просьбу отпустить его в Киев говорят: «Ах ты, милый наш сын, мы думали выкормить тебя себе на утешение. А видим — не удержишь сокола в тесной клетке. Делать нечего, поезжай к князю Владимиру, да смотри заступайся за слабых, не обижай беззащитных, бей вора-разбойника». Такой же наказ вкладывается и в уста старцев-целителей: «Дали мы тебе ноги, дали силу бога-

³⁶ Соколов—Чичеров, № 44.

³⁷ Астахова, II, стр. 675.

³⁸ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 47, папка 18, № 9.

³⁹ Рыбников, I, стр. 454.

тырскую, — ничто не мешает тебе поехать по русской земле. Но помни: не обижай незащищенных, а бей вора-разбойника». ⁴⁰ «Только добрых людей не обижай», — говорят родители, когда Илья просит их отпустить его ехать «поганые места очищать». ⁴¹ «Однакоже родители ему говорят: „Дитё наше, поедешь ты во Киев-град... не проливай крови понапрасну...“». ⁴² Еще более определен наказ калик в пензенском варианте: «Не убивай крестьян, убивай тех, кто нападет на Русь, на крестьянский народ». ⁴³ В записи от В. И. Головашина из Тамбовской области калики несколько раз повторяют, что жизненная задача Ильи теперь, когда он получил здоровье и силу, спасти Русь. «Дали тебе силу, — страннички говорят, — спасти Русь: забили ее орда и кочевники. (Это орда-то — татары)». ⁴⁴ В том же варианте так изображена сцена прощания Ильи с родителями.

«Стал Илья проситься у родителей спасти Русь. Отец отпускает, а мать — нет.

— Ты, сынок, оставишь вдов и сирот, если ты будешь людей бить.

Он говорит:

— Мамка, не буду я бить людей зря. Только буду бить людей, которые не дают нам покою, нашей России».

А когда «комендант» Чернигова, освобожденного Ильей от осады, приглашает богатыря «быть навсегда в этом городе», Илья говорит: «Я не один буду город забавлять, а всю Русь». ⁴⁵

Однако имеются и сказки, в которых эта основная идея былинного эпоса в известной степени затуманена, и цель подвигов Ильи приобретает характер военных приключений богатыря. В таких сказках не указано осознание Ильей конечной цели борьбы. Ощущая в себе богатырскую силу, он ищет, с кем бы ему силой померяться. «Едет он по дороженьке, — рассказывается в одной сказке, — сам не знает куда — искать себе соперника». ⁴⁶ Такие сказки обычно изобилуют встречами Ильи Муромца с отдель-

⁴⁰ Сказкин, стр. 304.

⁴¹ Иваницкий, стр. 168.

⁴² Ончуков, стр. 326.

⁴³ Аписимова, стр. 53.

⁴⁴ Тамбовский фольклор, стр. 24.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 118, папка 18, № 7.

ными богатырями, включают сказочные эпизоды негероического характера и т. п.

Очень показательна в этом отношении запись И. А. Чеканинского из Красноярского края.⁴⁷ После подробного рассказа об исцелении Ильи-сидня, о его работе по выкорчевке леса и выхаживанию коня в этой сказке говорится, что Илья сел на своего Бурушка-Кавурушка и поехал к Святогору на Святые горы. По пути происходит встреча Ильи с Соловьем-разбойником. Илья «имает» Соловья, кладет в карман и едет к каким-то царю и царице. Далее изображена сцена показа при дворе Соловья и его свиста, после чего Илья «сказнил» Соловья, а сам поехал искать Святогора. Но до встречи с ним происходит еще одно приключение — встреча со слепым стариком, который оказывается отцом Святогора. Далее рассказывается о том, как Илья вместе со Святогором поехал по Святым горам. Следует традиционный эпизод примерки гроба обоими богатырями, гибели Святогора и передачи им силы Илье. По просьбе Святогора Илья сообщает о его смерти отцу Святогора. Старик пытается убить Илью, бежит за ним, но сам падает и умирает. После этого Илья попадает в терем к двенадцати бессмертным «девицам-красавицам», долго живет у них, но, наконец, начинает тосковать и просит отпустить его. Девушки дают ему семикрылого коня и наказывают нигде по дороге не останавливаться, иначе он умрет. Илья Муромец приезжает в Муром, видит, что город весь сгорел, осталась одна избушка. Старуха, которая в ней живет, сообщает о смерти его родителей и о том, что остался в живых сын Ильи Муромца (раньше о сыне ничего не говорилось), но о нем не слышать. На обратном пути Илья Муромец видит лежащего на дороге младенца. Илья, забыв о наказе девушек, пытается остановить семикрылого коня и отсекает ему одно крыло. Конь останавливается, Илья начинает поднимать младенца, «и как только дотронулся до него, тут было ему и скончанье, потому что младенец был его смерть». Таким образом, данная сказка утеряла все идейное содержание былинного эпоса и полностью превратилась в авантюрное повествование.

То же самое наблюдается и в отношении социальных мотивов былинного эпоса. В некоторых сказках они довольно отчетливы. Так, в не раз упоминавшемся тамбов-

⁴⁷ «Этногр. обозр.», 1912, № 3—4, стр. 110—113.

ском варианте сказочника Головашина дважды говорится о столкновении Ильи с князем Владимиром. Первый раз оно возникает вследствие того, что Илью «не кликнули на пир». Илья тогда сзывает «босых» и стрелой сшибает с княжеского дома два золотых «стаковинца». Босые покупают на них вина и пируют с Ильей Муромцем. Испуганный князь посылает «старшего брата» Андрона (вместо обычного в былине в этом случае Добрыни) звать Илью на пир. Илья отвечает, что придет, но только «с братвой». Пришлось князю и босых звать. Илья еще потребовал, чтобы накрыли ему с братвой отдельный стол. Второй раз столкновение богатыря с князем происходит из-за татарской соболиной шубы, которую князь дарит Илье. Богатырь рвет шубу, приговаривая: «Как я татар рвал, так шубку татарскую». Князю доносят, что Илья «недоволен подарком», и разгневанный князь велит заключить Илью в темницу и уморить там голодной смертью. Далее, тоже в соответствии с былинами, рассказывается, как княгиня потихоньку кормит Илью и как во время нашествия татарской орды на Киев Илья спасает родную землю. В той же сказке Илья, найдя в горе клад, отдаст все богатство «братве», т. е. «босым», немущим.

Те же эпизоды бунта Ильи Муромца сохранил и вариант Сказкина (ниже увидим общий источник обеих сказок). В этом же варианте имеется и противопоставление крестьянского богатыря Ильи придворным богатырям, растерявшимся при вести о нашествии Батыя со своими полчищами. «Эх, богатыри могучие, — укоряет их Илья, — трусливы вы, как зайцы. Вам бы только пировать и бражничать. Что толку в вас. А как приходят силы вражни, так вы трясетесь, как листья на осине. Айдайте со мной, едемте встречать силу татарску».

Эпизоды ссоры и сниженный образ князя встречаются и в ряде других сказок. Так, в очень своеобразной сказке из Кенозера «Илья Муромец и три брата нахвальщика» после изображения расправы Ильи с врагами, пытавшимися захватить насильно дочь князя Владимира, дается такая сцена. Илья приходит к князю, и тот, чувствуя себя виноватым перед Ильей, которого он заключил в погреб, «на одно колено стал». «Илья и глядит на него: „Эй, князь Владимир! У тебя всё хитрости. Пошто ты на одно колено стал? А как ты виноват, так на два должен стать. Как бы ни дочь да жена твоя, так я был бы загублен то-

бой". — „Ну, — говорит, — Илья Ивацович, чего тебе надоть?“ — „Мне ничего не надо. А ты меня накорми да и вина дай“». ⁴⁸

В сказках чисто авантюрного характера подобные эпизоды отсутствуют.

Итак, по особенностям идейного содержания намечаются две крайние группы сказок. Одни сохраняют патристическое и демократическое звучание былинного эпоса, другие являются чисто авантюрными, в них это звучание стерто. Само собой разумеется, что, помимо тех сказок, где основные идейно-художественные тенденции выражены совершенно отчетливо, имеются и такие, в которых «авантюренность» сочетается с изображением подвигов, направленных на пользу народа.

Одной из характерных особенностей сказок об Илье Муромце является стирание в них специфической былинной историчности. Сравнительно немногие упоминают Киев как центр, вокруг которого разворачивается оборонительная и освободительная деятельность героя, немногие говорят о князе Владимире, о нашествии татар, называют имена Батыя и Калина. В большинстве сказок всякое историческое приурочение исчезло.

Князь Владимир заменяется безыменным царем или королем, княгиня Апраксия — царицей. Действует Илья часто в каких-то неизвестных «других» царствах. Показателен в этом отношении вологодский вариант Иващицкого. Илья, отпущенный родителями, едет «в иное царство», где, по слухам, некий могучий богатырь изморил «все тамошнее царство: по 12 овец-яловиц за обедом съедал». И далее идет пересказ сюжета об Идолице по обычной традиционной схеме. Последующая часть — встреча Ильи в лесу с Соловьем-разбойником, тоже рассказанная в традиционном плане, завершается, как уже отмечалось выше, сценой показа Соловья в безыменном селении где-то по пути, куда Илья заезжает «на свадьбу». Затем Илья едет опять «в иное царство». Там на короля наступает много «некрещеной силы», с которой Илья и справляется. И снова едет Илья «в иное царство». «Там наступил на православных, — повествует сказка, — сильный, могучий богатырь», и Илья бьется с ним. В этом эпизоде отражен в своеобразном преломлении сюжет о бое Ильи Муромца

⁴⁸ Соколов—Чичеров, стр. 806.

с Сокольников. Илья зовет побежденного им богатыря ехать вместе «поганые места очищать». И вот доезжают оба до «и́нного царства». Там тоже «могучий богатырь» наступает на царство, и тамошний царь просит о помощи. Илья с товарищем побивают врага. Царь делает на радостях пир, после чего Илья Муромец с товарищем едет домой. «Весело встретили их отец с матерью, начали угощать, пировство пошло, а нашей сказке пришел конец» — закончил рассказчик свое повествование.

Мы видим, что бои, которые ведет здесь Илья Муромец, не простые приключения странствующего богатыря. Илья каждый раз выполняет важную богатырскую задачу, совершает подвиги, нужные людям. Это еще не авантюрная сказка того крайнего типа, о котором говорилось выше. Но все происходит совершенно вне времени и пространства, каждый раз в новом «и́нном царстве». Здесь мы наблюдаем полное превращение сцепленных вместе былинных сюжетов об Илье Муромце в героическую богатырскую сказку, которую связывает с эпосом лишь имя и прозвище героя.

Аналогичные явления находим и в других сказках. Так, например, в сказке самарского сказочника Абрама Новопольцева встреча с Соловьем и победа над ним происходят в каком-то «нерусском королевстве». Эта неопределенность времени и места действия — одна из отличительных черт сказочного жанра по сравнению с былинным эпосом — характеризует стиль большинства сказок о былинных богатырях.

В указанном варианте Иваницкого обращает также на себя внимание законченность всей истории. Это тоже характерная тенденция сказок об Илье Муромце. Мы уже видели, что некоторые сказки оканчиваются рассказом о смерти Ильи Муромца: Илья то погибает в гробу, то на пути домой подымает свою смерть — лежащего на дороге младенца. Или дается такое окончание: «На Руси стало тихо и спокойно. Илья Муромец семь годов прожил после войны и скончался. Ему было тогда сто семнадцать годов». ⁴⁹ Часто сказка завершается рассказом о возвращении домой, к родителям. «А отправился к своим родителям домой, а теперь у родителей живет». ⁵⁰ Возвращением домой

⁴⁹ Тамбовский фольклор, № 1.

⁵⁰ Соколов—Чичеров, № 57.

заканчивается и упоминавшийся уже рязанский вариант.⁵¹ Илья, победив Соловья-разбойника, едет домой. «Приехав домой, мать с отцом встретили, тут же сосватали за него невесту, на завтрашний день свадьба была. Все свое село собрали и всех поили вином». Афанасьевская сказка об Илье — победителе Змея заканчивается уже совершенно по-сказочному — женитьбой на царской дочери. «Обвенчались и топерича живут».

Эта завершенность сказок об Илье Муромце — одно из характерных проявлений переключения былинных сюжетов в жанровую систему сказки, так как героические былины даже в контаминированном, сводном виде не дают такого завершенного повествования, сказка же всегда стремится досказать историю героя до конца.⁵² Не случайно одни из сказочников, рассказав про Илью Муромца, добавил: «Конец всей жизни. Вот Илья Муромец каков».⁵³

Сказочная неопределенность времени и места коснулась и начальных частей сказок. Есть сказки, которые сохранили память о Муроме как родине богатыря. В некоторых упоминается также и село Карачарово, Грачарово. Сказки знают и имя отца Ильи (Иван Тимофеевич, Иван Григорьевич, Иван Васильевич, Иван Иванович и т. п.), а изредка и имя матери (Ефросинья Яковлевна). Но многие сказки начинают повествование в соответствии со сказочной традицией: «Жили были старик и старуха», «Жил старик со старухой», «Жили два старика, у них был сын», «У одного крестьянина родился сын. День ото дня, год от году растет. Два года сравнялись — не ходит. Три года сравнялись — не ходит. Отец с матерью: „Ну, как-нибудь будет ходить“». И наконец, даже: «Не-в котором царстве, не-в котором государстве жил-был мужичок и с хозяйскою», «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были такие же старые люди, вот как мы с бабушкой. И был у них сынок, Илюшей звали».

Передаваясь обычно свободной сказовой речью с развернутым диалогом, сказки об Илье Муромце пользуются традиционными устойчивыми сказочными формулами. В одной из сказок так рассказывается о выхаживании Ильей шелудивого жеребенка: «Долго-коротко коняшка

⁵¹ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 47, папка 18, № 9.

⁵² См. об этом: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 182.

⁵³ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 47, папка 18, № 9.

росла, не по дням — по часам. Вырастили коняшку, ни в сказке сказать, ни пером написать». Говоря о передвижении богатыря, сказка обращается к известной формуле: «Ехал много ли, мало ли», «Вот он ехал много ли, мало ли»; «Долго ли, коротко ли едет Илюша на своем Бурушка-Кавурушка, видит — стоит терем, а коло него сад». Встречаются и характерные сказочные концовки. Так, уже не раз упоминавшийся рязанский вариант, оканчивающийся рассказом о свадьбе Ильи по возвращении его домой, присоединяет к этому рассказу концовку, явно связанную с известной «И я там был, и мед-пиво пил...»: «На этот раз и я там был, тоже поднесли винца и мнe. С тех пор я его (Ильи Муромца, — А. А.) стал свадьбу помнить». Зарегистрирован также и случай, когда сказка об Илье Муромце оказалась обрамленной присказками. Вступительная присказка из 32 стихов начинается словами: «Начинается-починается бочечка-сороковочка, про любимого зятя про Лютина...» и кончается традиционным: «Это не сказка, а присказка, а сказка вся впереди». Присказка заключительная имеет 21 стих и начинается словами:

Только я и видал.
Только я и слышал.
Сказку сказал
И на нитку связал
И на погост посылал.
А погоськи ребятки
Нитку перервали
И сказку мою переняли.

Вместе с тем порой удерживаются и отдельные былинные формулы и фразеологические обороты, характерные для эпоса, вроде: «Куды едет, туды улица падет силы, куды перевернется, туды переулочек падат» или: «Какой ты орды и земли... и какого роду-племени... и какого отца-матери сын?». Но такие словесные выражения встречаются преимущественно в сказках, в наибольшей степени удержавших некоторые элементы былинной историчности.

3

Кроме сказок об Илье Муромце, записаны, но уже в значительно меньшем количестве, сказки о Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Дюке Степановиче, Дунае, Садко, Василии Буслаевиче, о царе Соломане, Святогоре (без отношения к Илье Муромцу), Ставре.

Из известных мне четырех сказок о Добрыне три объединяют несколько сюжетов об этом богатыре. Это беломорская сказка⁵⁴ (состав ее: Добрыня и Змей, Добрыня и Настасья Микулична, Добрыня и Алеша), печорская⁵⁵ (Добрыня и Маринка, Добрыня и Змей, Добрыня и Алеша) и воронежская⁵⁶ (женитьба Добрыни, Добрыня и Алеша). Одна сказка построена только на сюжете «Добрыня и Змей».⁵⁷ В сказках об Алеше Поповиче находим пересказы былин о бое Алеша Поповича с Тугарином, об Алеше и сестре Петровичей-Сбродовичей и о Казарине с прикреплением сюжета к имени Алеша Поповича.⁵⁸ Но известен и случай передачи в виде сказки только одного сюжета о победе над Тугарином.⁵⁹ Сюжет о Дюке Степановиче отражен, как уже было указано, в некоторых сказках об Илье Муромце.⁶⁰ Но в последние годы на Печоре была записана отдельная сказка на сюжет былины о Дюке. Несколько сказок имеется о Садко, причем использованы главным образом сюжеты о том, как Садко разбогател и о его пребывании в подводном царстве.⁶¹ Любопытная сказка, объединяющая сюжеты о Садко и Василии Буслаевиче, записана в 1940-х годах в Подпорожском районе Ленинградской области, ниже о ней будет сказано специально. Сказкой передаются «Святогор и сумочка переметная» и «Женитьба Святогора».⁶² О Соломане-царе и Василии Окуловиче записана сказка, в которой к этому основному сюжету присоединены эпизоды из библии, апокрифов и сказок о Соломоне.⁶³ Сказка «Дунай Иванович», записанная от А. Н. Корольковой (личное собрание Э. В. Померанцевой), перекладывает известный сюжет о сватанье Дунаем дочери литовского короля для князя Владимира, о женитьбе самого Дуная на другой дочери, о ее трагической гибели и самоубийстве героя. Сказка талантливой горьковской сказочницы А. П. Марковой

⁵⁴ Коргуев, № 40.

⁵⁵ Былины Печоры, № 75.

⁵⁶ Запись от А. Н. Корольковой из личного собрания Э. В. Померанцевой.

⁵⁷ Астахова, I, приложение I, № 3.

⁵⁸ Там же, II, №№ 198, 212.

⁵⁹ «Жив. стар.», 1907, вып. II, стр. 31.

⁶⁰ Сказкин, № 52; Тамбовский фольклор, № 1.

⁶¹ Ончуков, № 90; Астахова, II, приложение II.

⁶² Рыбников, I, стр. 321—322; Соколов—Чичеров, № 159.

⁶³ Соколов—Чичеров, № 240.

«О прекрасной Василисе Микулишне»⁶⁴ передает содержание былины о Ставре Гоудиновиче.⁶⁵

Названные сказки о былинных богатырях отмечены теми же особенностями, что и сказки об Илье Муромце. Некоторые из них сохраняют в целом или в отдельных частях значительную близость к традиционным в былинном эпосе разработкам использованных сюжетов, сохраняют и эпическую «историчность», другие насыщают повествование сказочными подробностями, удерживая связь с былинами только в каких-то отдельных эпизодах. Так, в сказке Коргуева «Добрыня Никитич» очень точно отражено содержание былины о Добрыне, при этом в совершенно ясной прионежской традиции. Действие концентрируется вокруг Киева. Добрыня — богатырь князя Владимира. Упоминаются и другие киевские богатыри. Имена всех действующих лиц и географические названия — былинные. Вместе с тем по своему речевому строю это подлинная сказка, хотя она и удерживает ряд специфических былинных оборотов и повествование в ней во многих местах отличается ритмичностью, напоминающей былинную. Характерно само начало, типично сказочное: «Ну вот не́ в котором чарстве, не́ в котором государстве был Никита-князь», — и концовка: «И тут стал Добрынька жить да быть».

Такой же характер носят сказка «Дунай Иванович» от А. Н. Корольковой, заканчивающаяся словами: «Сказка про Дуная Ивановича вся, а присказка будет завтра после обеда, поевши мягкого хлеба», и сказка А. П. Марковой «О прекрасной Василисе Микулишне» с характерной сказочной концовкой, завершающей историю героев: «...приехали, стали жить, в любви и согласии поживать, деток и добра наживать».

Таковы же обе пинежские сказки об Алеше Поповиче, восходящие в своей первой части (Алеша и Тугарин) к версии сборника Кириши Данилова. Особенно интересен вариант сказителя А. П. Вехорева,⁶⁶ который не только сле-

⁶⁴ Потявин, № 5.

⁶⁵ О всех названных былинных героях, а также и о некоторых других записано довольно значительное количество различных прозаических рассказов, но все они — или пересказы содержания позабытых былин, переданные собирателю в порядке припоминания в ответ на его расспросы и не бытующие, или рассказы, живущие в виде фольклорщины как результат разложения былины, о чем говорилось выше.

⁶⁶ Астахова, II, № 212.

дует почти во всех эпизодах и подробностях былине Кирши Данилова (лишь заменяя Тугарина в первой встрече Неодолицем), но и совпадает с ней в целом ряде мест текстуально. Однако это не побывальщина в том ее понимании, как мы определили выше: текст, как и вариант «Добрыни» от Коргуева, не воспринимается как разложившаяся былина, сохраняющая еще следы стихотворной структуры, а это сказка, сделанная на материале определенной былины в особом стилевом строе. Сказка Вехорева не закончена, но сопоставление с другим пинежским вариантом, обнаруживающее явное родство обоих по содержанию и композиции, заставляет предполагать общий источник и вскрывает замысел сказки-прототипа. Слияние былинных сюжетов произведено таким образом, что образована как бы биография Алеши Поповича. Алеша со своим слугой и товарищем едут из Ростова в Киев, и здесь Алеша Попович побеждает и убивает врага русского народа Тугарина. Далее используется сюжет о сестре братьев Петровичей. Алеша женится на этой девушке. Затем Алеша освобождает из татарского плена свою сестру, и для завершения всего рассказа включается эпизод женитьбы Екима Ивановича на этой спасенной от татар сестре Алеши.

Второй вариант⁶⁷ уже значительно отходит и по содержанию от былинного эпоса и от той особой стилистики, которой отличается текст Вехорева. «Бывало в Ростове-городе жил поп», — так начинается вторая сказка. И далее следует рассказ о похищении татарами поповой дочери — сестры Алеши Поповича. Затем описывается встреча Алеши с Екимом Ивановичем, на которого переносятся черты пародийных сказочных героев, получающих славу могучих богатырей после того, как они «одним махом» убивают некое количество мух. Алеша и Еким решают ехать вместе воевать, но ни Киев, ни князь Владимир не упомянуты, и действие разворачивается в обстановке сказочной неопределенности. Они едут к некоему «государю», «королю». По дороге Алеша убивает Неодолица, а у «государя» — Тугарина. Вся эта часть, как уже было отмечено, определенно восходит, как и вехоревский вариант, к былинке об Алеше Поповиче из сборника Кирши Данилова, но в противоположность тексту Вехорева уже совершенно стирается, за исключением имени врага, «историческая»

⁶⁷ Там же, № 198.

приуроченность. Далее используется, также без упоминания места и времени действия, сюжет о сестре братьев Петровичей-Сбродовичей в той версии, которая заканчивается женитьбой Алеши. Затем совсем кратко передана история освобождения Алешей сестры из татарского плена и женитьбы на ней Екима Ивановича. Несмотря на некоторую сбивчивость изложения, в нем довольно ясно проступает стройная конструкция сказки, в которой отдельные части, построенные на разных былинных сюжетах, получили органическое единство и сказочную завершенность. Сопоставление обоих линежских вариантов показывает, как от единого источника могут ответвиться сказки разных типов; одна с большим удержанием традиционной былинной эпичности, другая уже с полным от нее отходом.

Интересный случай превращения былины о Дюке Степановиче в богатырскую сказку зафиксирован в 1942 году на Печоре.⁶⁸ Хотя в сказке и указан «стольный Киев-град» как место действия, но остальная эпическая и историческая приуроченность отсутствует: не упоминаются ни князь Владимир, ни противник Дюка Чурила, ни Галич-Волынец — родина Дюка. Забыто и само имя героя. Он просто «богатырев сын». Сказка начинается так: «На дальней стороне ушки был богатырев сын. Он был молодешенек. Отец-от его давно уж умер, а матери была жива. В оно утро взял он трубку подзорную и вышел прогулятьца». Уже само это начало дает представление о свободно-непринужденной сказочной речи произведения. Далее следует известный в печорской былинной традиции эпизод осмотра Дюком окрестностей в подзорную трубку. Показателен для стиля сказки характер обращения героя к матери за разрешением уехать из дому: «Дай, матушка Владимирка (возможно, реминисценция имени князя, — А. А.), благословеньице съездить во чисто поле посмотреть богатырей. Там богатыри борются». Мать не хочет пускать («ты молодешенек да зеленешенек»), слезно плачет, но богатырев сын все же едет.

«Едет день, едет другой, а на третий день на чистом поле, широком раздольице увидел богатырей. Все они в дорогих платьях и дерутся, кто кого может». Богатырев сын принимает участие в этих воинских состязаниях, удивляет богатырей своей силой, и они приглашают его в гости. Вот

⁶⁸ Былины Печоры, № 9.

тут-то на пиру и завязывается основной конфликт. Об этом рассказывается так: «Напились тут богатыри и стали хвастаться платьем: чье хуже, чье лучше; кого худо, с плеча голову прочь. Богатырев сын и отправляет с конем к матери записку, чтобы прислала она ему отцово платье». И далее следует рассказ о том, какой эффект производят ревущие пуговицы на платье героя: «Богатыри с ног улетели. Он превысил всех платьем». Но богатыри не хотят помириться со своим поражением и предлагают померяться своим богатством. Два дня описывают имущество друг у друга, а на третий день едут в дом к богатыреву сыну. В изложении этого эпизода тоже видны определенные припоминания былины о Дюке: «Едут день, едут другой, а на третий увидели из-за леса темного зарево огромное. Богатыри говорят: „Пожар начался“. Подъехали, завидели: стоит дом большой, весь золотой, а и стены огнем зияют». Мать героя угощает приехавших, затем они начинают описывать имущество богатырева сына. «Писали, писали, целую неделю исписали. Нехватило ни бумаги, ни чернила, а имущества неописанного еще полным полно».

В данной сказке стерт весь смысл изображенных в былине состязаний галицкого боярина Дюка с Чурилой, придворным киевским богатырем, и с самим князем Владимиром, и сказка получила чисто внешнюю занимательность, изобразив несколько эпизодов соперничества в силе и богатстве героя с другими богатырями.

С разной степенью отчетливости отражены в сказках и другие былинные сюжеты. Так, например, на Пинеге А. И. Никифоровым в 1927 году записана была сказка о Садко, передающая по содержанию очень близко к былинам (в прионежской традиции) историю о том, как Садко разбогател, и о том, как побывал в подводном царстве у морского царя.⁶⁹ Рассказ же о споре Садко с купцами, выкупить ли ему все товары в Новгороде, отсутствует.⁷⁰ Иначе говоря — и это несомненно не случайно — для сказки оказались отобранными самые «сказочные» части былины. Сохраняя близость к былинке по содержанию даже в мельчайших деталях, они в изложении исполнительницы приобрели характер подлинной сказки.

⁶⁹ Астахова, II, приложение II.

⁷⁰ В комментариях к этому тексту (Астахова, II, стр. 794) ошибочно сказано, что в тексте отражена и эта часть.

Исполнительница, М. А. Титова, былили не знала, но охотно рассказывала сказки. Среди них она сообщила собирателю и сказку о Садко, заключив ее следующей коротенькой побасенкой:

Сказке конец,
Побасёнки конец.
Бык пестряк
Побежал в костряк,
По пироги, по шанежки,
По лук чесной,
По робиновой батог,
По лопату по горбату.

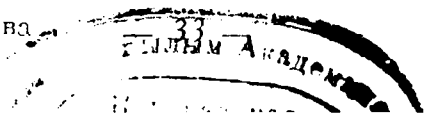
Такое завершение сказки было в общем стиле сказочного мастерства М. А. Титовой, которую собиратель характеризует как «эпика» и «забавницу».⁷¹

В другой известной в печати устной сказке о Садко⁷² связь с былиной по содержанию в большой степени ослаблена. В первой части, в которой рассказывается о том, как Садко разбогател, былинные припоминания очень смутны. Вначале говорится, что у некоего старика было три сына. Один из них идет в Москву, чтобы работать там каменщиком. По дороге какая-то «девка», вышедшая из речки, дает ему письмо для своего брата, торгующего на рынке. Герой — в дальнейшем он именуется Садко — разыскивает этого торговца и передает ему письмо. В этом рассказе с трудом узнаем начальный эпизод былины «Садко богатый гость» сборника Кирши Данилова: послание от Волги-реки через Садко Ильмень-озеру «челобитья великого». Письмо содержит важное для брата известие, и он в благодарность помогает Садко разбогатеть (как и некий пришедший от Ильмень-озера «удалой добрый молодец» в варианте Кирши Данилова). По совету брата речной девушки Садко нанимает рыбаков, закидывает невод и выловленные щепки и мусор сваливает в амбары, где они превращаются в золото и серебро (как в былине из сборника Кирши Данилова рыба, выловленная Садко вместе с «бошлыками» — сибирское наименование рыбаков).

Затем кратко рассказывается, что Садко на эти деньги в три дня скупает весь товар, который был в Новгороде, и на двенадцати кораблях везет его продавать за море

⁷¹ Советский фольклор. Сборник статей и материалов, № 4—5, М., 1936, стр. 150.

⁷² Ончуков, № 90 (запись А. А. Шахматова).

(по сибирскому варианту Кирши Данилова Садко также выкупает все новгородские товары). Затем довольно точно, хотя и кратко, переданы эпизоды: остановка в море кораблей, опускание Садко на дощечке в воду, игра его на гусях в палатах морского царя и пляска морского царя, вызывающая бурю. Вместо святителя Николая, по совету которого Садко рвет струны на гусях и тем останавливает пляску царя, прекращает пляску, а вместе с тем и бурю «глас с небес».

Далее следует эпизод выбора невесты в подводном царстве. Он передается в соответствии с известной сказкой о Марье Моревне или Василисе Прекрасной: одна из девиц, «роду крещеного», потихоньку в «снях» указывает Садко приметы, по которым он сможет узнать ее среди всех тридцати девиц (около нее будет мушка летать; второй раз она будет башмак на ноге «перелаживать»; третий раз платком взмахнет). Садко выбирает эту девицу, царь даст тогда шестерку лошадей, и она вывозит Садко и его невесту к тому месту, где проходят корабли. Кончается по сказочному: «...там он и обвенчаётся, все свое получиёт, и тут Садко сам богатый купец и торговать стаёт».

Так сказка, явно восходящая в своей основе к былине о Садко из сборника Кирши Данилова (а записана она в Заонежье, в Петрозаводском уезде), отступает от нее в целом ряде деталей и воспринимает чисто сказочные мотивы.

4

Некоторые из собирателей, записывавших сказки о былинных богатырях, интересовались происхождением этих сказок в фольклорном репертуаре исполнителей и расспрашивали их об этом. В комментариях к сказкам можно встретить поэтому соответствующие пояснения, полученные собирателями от сказочников, а также домыслы самих собирателей на основе первоначальных впечатлений от характера рассказа и исполнения.

Исполнители чаще всего сообщают, что переданные ими произведения они уже слышали «россказью», т. е. в прозаическом изложении, а не в форме «старины», и что усвоили их от стариков. Другие же ссылаются на какие-то «книжки», в которых они видели или читали эти рассказы. Имеются указания и на «листы с картинками», т. е. на лубочные издания. Некоторые объединяют оба источника,

Устный и книжный, говоря, например, что «слышал и от дедушки, и запомнил из книги», что данный рассказ «помещен в книгах», но слышал его от местных крестьян и т. д. Гораздо реже встречаются указания, что содержание сказки было усвоено от того или иного сказителя, который еще пел произведение как старину. Публикаторы сказок о богатырях часто предполагают влияние книжных источников, главным образом лубочной литературы.⁷³ Однако встречаются и предположения о самостоятельном сложении сказок исполнителями.⁷⁴

Всестороннее исследование вопроса о возникновении сказок на былинные сюжеты, внимательный анализ самих сказок в сопоставлении с устной былинной традицией подтверждают возможность всех путей образования сказок. В иных случаях сказки действительно образуются путем творческого переоформления былинного материала или самим исполнителем, или кем-либо из сказителей и сказочников в прошлые годы. Это становится особенно ясно, когда сказка определенно отражает местную традицию.

Так, можно с вероятностью предполагать, что проанализированная выше сказка «Про богатырева сына», записанная в Печорском крае в 1942 году, образовалась на почве местной традиции былин о Дюке Степановиче, возможно сложена и самой исполнительницей или кем-либо из тех мест. То, что случаи такого самостоятельного превращения полузабытой или забываемой былины в сказку могли иметь место и действительно были, подтверждается и многими фактами записи прозаических пересказов и побывальщин, в которых уже явны сказочные черты. Многие из таких пересказов мы можем рассматривать как переходную ступень к сказке. Не всегда, конечно, в результате сказка получалась, но тенденция к ее образованию была налицо.

Иногда же перед нами уже сказка, но некоторые очень явные связи с былиной и по содержанию, и по фразеологии заставляют предполагать недавнее, быть может именно

⁷³ См., например: Б. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губернии. Журн. «Культура», 1922, № 1, Приложение, стр. 15; Тамбовский фольклор, стр. 311; Русские народные сказки. Составитель, автор предисловия и примечаний Э. В. Померанцева. Под общей редакцией проф. В. И. Чичерова. Изд. Моск. унив., 1957, стр. 502.

⁷⁴ Гуревич, стр. 175; «Жив. стар.», 1895, вып. III—IV, отд. II, стр. 427.

в репертуаре данного сказителя, переоформление былины или побывальщины в сказку. В этом отношении интересен, например, текст «Юнка Степанович» сказительницы Дмитриевой из Петрозаводского уезда, записанный П. Н. Рыбниковым.⁷⁵ Начало рассказа — отъезд Юнки (Дюка) Степановича из дому, наказ матери, приезд Юнки в Киев — находится в таком близком соответствии с былиной, что если бы и дальнейший рассказ сохранял стиль этой части, мы бы должны были говорить о типичной побывальщине. Но потом рассказ все более и более отходит от былины по содержанию и стилю и сближается со сказкой. Вводится новый персонаж, никогда не фигурирующий в былинах о Дюке, — старый слуга отца Юнки, играющий роль советчика. Присланный в Киев матерью Юнки, он дает следующий совет своему господину, побившемуся о заклад с Чурилой, кто кого перецеголяет в платье: «Одевай, дитятко, платье похуже, а матушке напиши, чтобы выслала такое платье, которое вошло бы в яичную скорлупу, а от пуговиц чтобы змеиный голос был». И вот надел Юнка в последний день состязания платье с пуговицами «змеиного голоса», а сверху «накрутил платье похуже». И далее рассказывается о том эффекте, который произвел Юнка, когда скинул верхнюю одежду: «и платье так засияло, что все на колена пали».

Также совсем не по-былинному рассказывается о пребывании князя Владимира с Чурилой, с князьями-боярами и «приказными» в Юнковом доме для оценки «Юнковых животов». Взял Юнка князя за руку и ведет в палаты — «ии половицы в полу стеклянные, под ними вода течет, вов воде играют рыбки разноцветные; а хлеснет рыба хвостом, половица точно треснет. Упирается князь, бонется ступать по половицам; однакож ведут, так надо идти», и т. д., в том же стиле. В результате князь оказывается совсем посрамленным и должен, согласно условию, поступать «во услужение Юнке». Но Юнка отказывается от выигрышного, и сказка получает морализирующую концовку. Юнка говорит: «Мне твоей службы не надо, у меня своих животов много, а ты поезжай домой да соблюдай, чтобы впрядь у вас чужого человека незнакомого в доме не обижали».

Интересно, что собиратель уже в процессе рассказа уловил переход от одной манеры сказывания к другой.

⁷⁵ Рыбников, I, № 88.

«Доселе, — пишет он в примечании к начальной части текста, — рассказчица соблюдала некоторую плавность речи, но дальше стала говорить отрывисто и без ладу».⁷⁶

От Дмитриевой записаны, кроме «Юнки Степановича», еще три, как их назвал А. Е. Грузинский, побывальщины, из которых две восходят к былинному эпосу («Святогор» — Рыбников, I, № 86 и «Илья Муромец и Идол-богатырь» — там же, № 87) и одна — к духовным стихам («Оника-воин» — там же, № 88). Тексты о Святогоре и об Онике-воине настолько хорошо сохранили, первый — былинный ритм и фразеологию, второй — ритм и фразологию эпических духовных стихов, что П. А. Бессонов опубликовал оба с разделением на стихи подобно упомянутой выше записи «Святогор и Илья» от Леонтия Богданова.⁷⁷ А. Е. Грузинский предпочел все же во втором издании напечатать их сплошь без стиха, поскольку они не пелись, а сказывались, и сам Рыбников записал их как прозу. Думаю, что П. А. Бессонов имел полное основание представить оба текста как стихотворные, и что здесь мы имеем не случай «рассказывания» содержания былины (во втором случае — духовного стиха), т. е. превращение стихотворного произведения в прозаическое, в побывальщину или сказку, а случай сохранения стихотворного произведения во всем его былинном или стиховном облике, но лишь переданного не напевно, а мерной декламацией.⁷⁸

Наоборот, запись от Дмитриевой «Илья Муромец и Идол-богатырь» есть вполне прозаическое произведение, почти уже сказка, но сохраняющая значительную близость к былине по содержанию в центральной своей части, излагающей встречу и столкновение Ильи Муромца с Идолом-богатырем (т. е. Идолищем Поганым). Из рассказа совершенно выпали Киев как место действия и князь Владимир. Действие происходит в Идольском царстве, куда Илья Муромец едет, прослышав, что там есть сильный богатырь Идол. А Илья Муромец был так силен, что «под конец не стало никого, кому бы с ним силою померяться». Так, совершенно по-сказочному, в духе авантурных героических сказок оформлена завязка. Весь дальнейший рассказ близок по своему содержанию былине, но передан свободной

⁷⁶ Там же, стр. 456, примечание.

⁷⁷ См. стр. 3.

⁷⁸ См. об этом: Астахова, II, стр. 681—682.

сказовой речью. Вот как, например, передана насмешка Ильи над прожорливостью Идола:

«Говорит Илья Муромец: „У нашего батюшки была большая корова бурая: как дают лохань поила, двое несут. Батюшко-то скажет матушке: дадим другую лохань, может ли стрескать? Дали другую лохань, и ту стрескала“. Противно стало такое слово Идолу-богатырю: „Как же ты, поскудный, смел так говорить со мною?“ И кинет в него вилкою». Конец рассказа тоже оформлен в духе сказки с сохранением былинного образа бескорыстного Ильи. «Градские люди», обрадовавшись смерти Идола, который совершенно их разорил — поел почти весь скот в городе, благодарят Илью и предлагают взять из их «добра» сколько он хочет. «Мне, говорит Илья Муромец, вашего добра не надо, владейте сами меж собою». «Посхал домой Илья Муромец, — заканчивает Дмитриева, — жив ли теперь али нет, не знаю».⁷⁹

Рыбников не оставил никаких сведений о том, от кого и в каком виде слышала и усвоила Дмитриева свои былины и сказки. Но по характеру самого материала ясно, что он был передан не в порядке припоминания, что это живой, бытующий материал, и вполне возможно, что обе сказки возникли на основе устной былинной традиции если не в репертуаре самой Дмитриевой, то у кого-либо из предшествующих сказителей.

Бывают, однако, случаи, и они довольно многочисленны, когда сказки никоим образом нельзя возводить к местной эпической традиции, когда они отражают совершенно очевидные черты какой-то иной традиции. В таких случаях (если только не было условий для устной передачи из одного района в другой) остается предполагать книжный источник. Но при этом путь от книги к сказке мог быть двойным.

Во-первых, сказка могла образовываться путем самостоятельного переложения исполнителем или кем-либо из его предшественников былин, ставших известными из книги.

Во вторую половину XIX века былины из сборников Кирши Данилова, Рыбникова, Киреевского, а затем и Гильфердинга стали включаться в школьные хрестоматии, а также издавались отдельными дешевыми книжками для

⁷⁹ Рыбников, I, стр. 455.

народа, представляющими то небольшие антологии избранных сюжетов, то подборку текстов былии об одном богатыре, то публикации одной-двух былии. Тексты в этих книжках или перепечатывались полностью из указанных научных сборников, или объединяли отдельные части разных вариантов былии на определенный сюжет. При этом в основу обычно брали один какой-либо ведущий текст, который затем дополняли небольшими фрагментами или отдельными стихами других текстов. Такой же метод публикации былии применялся и в хрестоматиях.

Собиратели былии не раз упоминают о таких книжках, попадавшихся им в районах их собирательской работы; на «книжки с былинами» ссылались не раз и сами исполнители. Так, через народную книгу и хрестоматии в те или иные места активного бытования былии с определенной устоявшейся эпической традицией заносились элементы традиций, характерных для других былинных районов. Воздействие книжных источников на репертуар отдельных исполнителей былии в настоящее время в ряде случаев уже установлено. Выявлено, например, беспорное восхождение некоторой части репертуара известных беломорских сказительниц Аграфены и Марфы Крюковых к текстам хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия». Обнаружено влияние на отдельных исполнителей альбома А. Каспари «Русские былины и сказания» (премия журнала «Родина» в 1894—1895 годы) и «Книжки былии» Авенариуса.⁸⁰

Общедоступные издания былии, распространяясь и в очагах былинного сказительства, и в местах, где былина в живом устном бытовании не была известна, могли, конечно, стать источником для создания сказок о былинных богатырях. Процесс возникновения сказок на основе таких прочитанных былии по существу был подобен процессу их образования на основе устных былии, с той только разницей, что осваивались и оформлялись в сказки былины не местной, а иных областных традиций.

Совершенно очевидно, что именно таким образом, например, возникла упомянутая выше сказка «О прекрасной Василисе Микулишне», записанная в Горьковской области

⁸⁰ О роли книги в позднем былинном сказительстве подробнее см. в моих работах «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948, глава VI) и «Былины в народной книге и других общедоступных изданиях конца XIX—начала XX века» («Сов. этнография», 1960, № 4).

от А. П. Марковой, которая очень умело и выразительно пересказала в сказочном стиле содержание былин о Ставре Годиновиче.

Другой путь от книги к сказке — непосредственное усвоение сказочниками из книги или лубка уже готовых сказок, которые затем переходили в устную традицию.

* *
*

Среди рукописных «повестей», «историй» и «сказаний» об Илье Муромце XVII—начала XIX века, о которых говорилось выше, довольно широко представлены тексты так называемой краткой черниговской редакции.⁸¹ В этих текстах объединены сюжеты об исцелении Ильи Муромца, встрече его с разбойниками, победе над Соловьем-разбойником (с предваряющим эту победу эпизодом поражения несметной рати, осадившей город Чернигов) и об освобождении Киева от насильника Идолища. Все эти тексты в большинстве случаев почти дословно повторяют друг друга и совпадают тоже почти полностью с текстом лубка, известного в изданиях начала XVIII—середины XIX века.⁸² По всей вероятности, в конце XVII или начале XVIII века на основе бытовавших в устной традиции былин об Илье Муромце был создан текст «истории» об Илье Муромце специально для лубка. Некоторые из рукописных текстов, очевидно, ведут начало непосредственно от этого первоначального, сделанного для лубка текста, другие списаны уже с лубка, о чем свидетельствуют отдельные своеобразные в них детали, объяснимые только копированием лубка.⁸³

Возможно, что, создавая текст для лубка, автор ориентировался на устную былинную традицию, которая уже объединяла часть отраженных в лубочном тексте сюжетов, так как в записях XIX века такие точно объединения встречаются, за исключением последней части — былины об Идолище, которая, вероятнее всего, была внесена в состав лубочного текста уже самостоятельно автором. И лубочные листы

⁸¹ О ней см.: Былины XVII—XVIII вв., стр. 23—25.

⁸² См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, стр. 2—7.

⁸³ См. об этом: Былины XVII—XVIII вв., вступительная глава.

с текстом «Истории», и списки с этих листов имели, по-видимому, большое распространение в народе — не раз они упоминаются собирателями и самими исполнителями. Влияние лубка на позднюю былинную традицию можно порой предполагать даже в некоторых хорошо сохранных стихотворных текстах.⁸⁴ Что касается сказок об Илье Муромце, то какая-то часть их несомненно восходит к лубку. Укажу некоторые из замеченных мною случаев.

В 1884 году А. А. Шахматов записал в дер. Пурга Петрозаводского уезда от старика Митрофана Иванова сказку об Илье Муромце.⁸⁵ Сказка сложная. В нее входят: рассказ об исцелении с эпизодом помощи родителям по чистке пожни; нападение разбойников; освобождение Чернигова; победа над Соловьем-разбойником и его смерть от руки Ильи Муромца в Киеве; поездка Ильи с Добрыней в Подсолнечное царство, где Илья вступает в связь с женщиной; возвращение обоих богатырей в Киев и столкновение Ильи с Идолищем; борьба Ильи Муромца с богатырем Соколиком, который оказывается его сыном (передан и эпизод покушения Соколика на жизнь отца); снова возвращение Ильи в Киев, где «зачаю он тут служить князю стальнокеевскому верой и правдой».

Многие эпизоды этой сказки (встреча с разбойниками, освобождение Чернигова и прием Ильи князем черниговским, победа над Соловьем и покушение на Илью старшей дочери Соловья-разбойника, приезд Ильи к князю и сцена свиста Соловья, столкновение Ильи с Идолищем) рассказаны очень близко к лубочному тексту с отдельными своеобразными деталями, которые в таком виде встречаются только в лубке. Например: разговор между собой разбойников о том, что следует отнять у проезжающего Ильи коня; вся сцена торжественной встречи Ильи Муромца в Чернигове; обращение Соловья к своим дочерям и зятевьям, чтобы они не дразнили богатыря; вся сцена свиста Соловья в палатах князя Владимира; братание Ильи с Добрыней и их отъезд; встреча Ильи Муромца с каликой.

⁸⁴ Полное совпадение иногда в деталях лубка и былины в значительной мере следует объяснить тем, что лубок действительно оттачивался от живой традиции XVII века, которую хорошо сохранила былина XIX века. Но в отдельных случаях могло быть и обратное явление: заимствование исполнителями деталей лубка. Вопрос этот еще не исследован.

⁸⁵ Ончуков, № 136, стр. 325—334.

В некоторых случаях наблюдается текстовое сближение с лубком в указанных эпизодах. Вместе с тем все части сказки, близкие к лубку, переданы более развернуто, чем в лубке, и вся сказка дополнена еще рассказом о борьбе Ильи с неузнанным сыном, причем включена и предыстория — встреча с будущей матерью Соколика в Подсолнечном царстве. Рассказ об исцелении отличается от лубочного, передающего сюжет в нескольких словах, пространностью и носит житийный характер. Таким образом, ясно, что или сам исполнитель, или кто-либо раньше взял лубочную версию за основу и, зная былины, развернул ее добавочными подробностями. Рассказ же об исцелении был почерпнут из какого-то особого источника — устной легенды, рукописи, книги. Возможно, что и вся сказка была заимствована из книжного источника, в котором она уже имела указанные состав и композицию.

Совершенно определенно восходят к лубку следующие тексты: сказка об Илье Муромце в фонетической записи М. Е. Соколова,⁸⁶ «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — запись П. Г. Ширяевой в Вишницком районе Ленинградской области от М. А. Фешкова,⁸⁷ мезенский вариант 1928 года⁸⁸ и запись 1937 года в Зимней Золотице от А. В. Бронниковой.⁸⁹

В первом из названных вариантов, саратовском, следование лубку очень точное, за исключением того, что совершенно выпущен эпизод столкновения с разбойниками и после отъезда из дому сразу рассказывается о победе над татарской ратью под Чернигом. Однако из эпизода с разбойниками сохранен и перенесен в эпизод освобождения Чернигова следующий мотив: благодарные черниговцы предлагают Илье Муромцу (как разбойники в лубочном тексте, когда Илья устрашает их стрельбой из лука) коней, платья, золото. Илья отказывается — ему не надо, «и не с руки ему» везти с собою обозы. Имеются и отдельные мелкие отступления от лубка. Под Чернигом Илья выдергивает десять дубов с корнем и связывает из них мстлу; татары над ним смеются, а он их побивает (эпизод заимствован из сказания о Бове-королевиче). По пути в Киев

⁸⁶ «Труды Саратовской архивной комиссии», вып. XXIV, 1908.

⁸⁷ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 118, папка 15, № 10.

⁸⁸ Астахова, I, № 47.

⁸⁹ Былны Печоры, № 145.

Илья просит реку Самороднику «перепустить» его. В последней части Илья едет в чистое поле не вдвоем с Добрыней, а втроем — едет и Алексей Попович. Из диалога с Идолицем выпущен его вопрос: «Какой Илья?». Идолице вместо ножа бросает в богатыря «костку».

В варианте из Ленинградской области отсутствует не только встреча с разбойниками, но и освобождение города. Победа над Соловьем следует непосредственно после рассказа об исцелении. Все же остальные сохраненные сказкой эпизоды переданы очень близко к лубку. В этом отношении характерно самое начало, где совсем кратко, просто, как и в лубке, говорится, что, когда Илье-сидню исполнилось 30 лет, «стал Илья Муромец ходить крепко на ногах. Слышит в себе силу непомерную» (ср. в лубке: «И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую»). Встречаются и другие близкие к лубку образы и выражения. Сцена перед палатами Соловья-разбойника явно навеяна лубочной картинкой, изображающей на балконе над воротами одну или трех дочерей Соловья и под ними приспущенную на цепях подворотню, а Илью Муромца на коне перед воротами с привязанным к коню Соловьем и с копьём, устремленным в дочерей Соловья. В тексте Фешкова говорится: «Приезжает Илья Муромец в белокаменные палаты Соловья-разбойника. Видят дочери и сестры, что везет Илья Муромец отца ихнего — Соловья-разбойника. Встречают его сестры и дочери. Выходят на потолок, а потолок был на железных цепях, и хотят спустить да Илью Муромца убить. А Илья Муромец увидел, что они хотят убить, взял и посохом своим убил...».

Из эпизода столкновения с Идолицем, завершающего, как и в лубке, всю историю, выпущено участие в поездке с Ильей Муромцем Добрыни. Но встреча с каликой и его внешний образ соответствуют лубочному изображению: «У калики пятьдесят пудов гуня на себе, двенадцать пудов колпак на голове, двенадцать пудов посох в руках» (ср. в лубке: «...гуня на нем в 50 пуд, шляпа в 9 пудов, костыли в 10 сажень»). В диалоге с Идолицем Илья уподобляет его «обжорной кобыле» подобно лубку («...была у моего батюшка кобыла обжерланва») — в былинах обычно уподобление «прожорливой корове» или «волочащей» собаке.

Таким образом, в тексте Фешкова при несомненной его близости к лубку видим и сокращение повествования, и

некоторые отступления по композиции и отдельным деталям, что объясняется явным забыванием исходного текста. Эпизод с Идолицем, между прочим, предпослан расправе с Соловьем-разбойником: убив Идолице своим колпаком, Илья затем убивает и Соловья. Кончается, как во многих других сказках, возвращением Ильи Муромца домой. Заканчивается сказка словами Ильи: «Я людей повидал, сам себя показал».

Вариант Зимнего берега следует за лубком по общей композиции, а начиная с рассказа об отъезде Ильи — по построению и деталям отдельных эпизодов, иногда совершенно точно передавая формулировки лубка. Таковы, например, наказ родителей, выражение «стала рвать стрела на косую сажень землю» в эпизоде столкновения с разбойниками, изображение пути к Соловью, обращение Соловья к зятям и многое другое. Сама А. В. Бронникова отметила происхождение своего текста от лубка: «У отца была картина, и все было списано, было печатно, и я выучила, „Илья Муромец и Идолишко“ тоже на картинке была».

Однако имеются и некоторые отступления от лубочного текста, которые обусловлены, с одной стороны, забыванием исполнительницей отдельных мест (например, уstraшенные богатырем разбойники предлагают ему не казну, как в лубке, а быть у них «царем»), с другой стороны, тем, что А. В. Бронникова слышала, а может быть, и читала те же эпизоды в других версиях и редакциях. Совершенно по-иному рассказано об исцелении и получении силы. Бронникова включает в свой рассказ приход калик и получение Ильей силы от вина и пива (с традиционным повторением подношения), приход Ильи к родителям на пожню (но без эпизода помощи родителям). В остальных случаях внесены некоторые детали, отсутствующие в лубке, но традиционные в изустных записях. Так, в рассказ о встрече с Соловьем Бронникова вставила традиционный упрек Ильи коню, споткнувшемуся от свиста Соловья. В сцену расправы с Соловьем-разбойником внесена такая деталь: Илья убивает Соловья «столетним дубом». Для данного эпизода деталь эта необычна, она возникла у Бронниковой, очевидно, как припоминание расправы Ильи или другого богатыря с врагом из какой-либо другой былины.

Наконец, в мезенском варианте 1928 года к довольно точному пересказу лубочного текста присоединяется еще

рассказ о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром из-за шубы и о нашествии татар под предводительством Идолища (сюжет «Илья Муромец и Калин-царь»). Исполнитель говорил, что он усвоил свой рассказ от деда, который «как будто пел». Но это, очевидно, может относиться только к последней части, которая, действительно, отразила черты мезенских обработок былины о Калин-царе. Восхождение же остального текста Иванова вплоть до «Ссоры» к лубку не вызывает никаких сомнений: здесь те же композиция, фразеология, отдельные формулировки.

Приведенные примеры показывают разные формы возникновения сказок на основе лубка: 1) довольно точные пересказы лубка с небольшими отклонениями и добавлениями; 2) значительное развертывание отдельных частей лубка эпизодами и деталями, заимствованными из местной традиции или из других печатных источников; 3) присоединение к материалу лубочного текста новых частей тоже из разных источников; 4) сокращенные пересказы.

* *
*

Еще большую роль в образовании сказок о былинных богатырях сыграли распространяемые в дешевых изданиях для народа переложения былин в виде сказок.

Начиная с 1860-х годов и главным образом в 1870—1900-е годы издаются для массового распространения не только самые былины (в подлинных записях, в сводных вариантах, в литературных обработках), но и прозаические их пересказы и созданные на их основе сказки и повести.⁹⁰ Качество их, идейное и художественное, весьма различно.

Прежде всего среди книжек, озаглавленных по именам былинных персонажей, следует выделить такие, которые по существу никакого отношения к народному эпосу не имеют, а представляют своего рода спекуляцию на былинных именах. Такова, например, книжечка «Илья Муромец и боярская дочь или русские в начале XVII века во время черного года. Историческая повесть» (М., 1875, 102 стр.).

⁹⁰ Список таковых см.: А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 285. Но этот список далеко не полон.

Издатель — книгопродавец Манухин. На обложке и титульном листе крупно выведено: «Илья Муромец», видимо, с той целью, чтобы это название сразу бросалось в глаза, все же остальное дано только на титульном листе и совсем мелким шрифтом. «Илья Муромец» в повести оказывается прозвищем героя, сперва спасающего от насильников-поляков боярскую дочь-сироту, затем дважды в бою Михаила Скопина Шуйского. Кончается повесть свадьбой влюбленных. Прозвище героя основано лишь на том, что его зовут Илья, и он родом из-под Мурома. Никаких других аналогий с былинным богатырем не устанавливается. Написана повесть литературно безграмотно.

Подобной же спекуляцией на популярном богатырском имени является «Добрыня Никитич, русский богатырь, повесть из времен великого князя Владимира» (соч. Н. Истомина, М., 1876, 36 стр., изд. Яковлева). Кроме Добрыни, в повести действуют еще персонажи с былинными именами: Чурила, обруселый печенег на службе у князя Владимира, и Пленко, добродушный, хвастливый и трусливый дружинник опального боярина Гостомыша. Добрыня тоже ничего общего с былинным героем не имеет. Он приемный сын Гостомыша, влюблен в его дочь Светлану. Девушкой стремится овладеть Чурила. Он изменяет князю в битве с печенегам, но погибает от руки Добрыни, который и женится на Светлане.

Никакого отношения к былинке «Илья Муромец и Соловей-разбойник» не имеют ни книжка «Соловей-разбойник. Старинное предание» (изд. второе, М., 1862, 31 стр., типогр. П. Глушкова), представляющая пересказ баллады «Братья-разбойники и сестра», дополненный целым рядом трагических эпизодов (казнь разбойников, смерть матери, помешательство сестры), ни книжка с близким заглавием — «Соловей-разбойник. Русская сказка в трех частях» (соч. В. Шмитановского) — нелепый наивный сюжет о дочери купца, попавшей к разбойникам и освобожденной посланным судьей войском. Последняя книжка известна в многочисленных изданиях 1870—1910 годов.

Насколько удалось проследить, подобная «литература» на содержании сказок о былинных богатырях ни в чем не отразилась. Но самый факт, что былинными именами прикрывалась недоброкачественная литература, знаменателен: издателями учитывался интерес широких масс к эпическим сюжетам.

Различны по своему качеству и те сказки, составители которых непосредственно ориентировались на содержание былинного эпоса. Было бы неправильным предполагать, что все специально сделанные для народных книжек сказки на былинные сюжеты стоят на низком художественном уровне и искажают идейное содержание былинного эпоса. Были, конечно, и такие. Например, в сказке, изданной торговым домом Е. Коновалова и К^о (М., 1908), отец Ильи Муромца изображен богатым мужичком-добряком, который «выручал частехонько бедных людей из нужды», а в честь рождения Ильи Муромца «простила долги всем своим должникам». В этой же сказке Илья Муромец освобождает от Соловья-разбойника красавицу княжну черниговскую Марию, на которой в конце концов и женится после совершения еще ряда подвигов. Есть в сказке и целый ряд других привнесений, чуждых былинному эпосу. Изложена вся сказка крайне безвкусно. В «Сказку о Илье Муромце» некоего Ф. М. Исаева (М., 1864) вставлен большой отрывок из псевдонародной поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец», а в авторском изложении заметна тенденция к «галантному» стилю.

Но были и сказки, хорошо написанные, сохранившие демократические тенденции народного эпоса. К ним следует отнести составленную неизвестным автором и изданную И. Д. Сытинским в Москве сказку «Илья Муромец на большой богатырь земли Русской» (108 стр.). Книжка получила широкое распространение, многократно переиздавалась без каких-либо изменений в 1890-х, 1900-х и 1910-х годах и оказала, как увидим ниже, значительное влияние на устную народную сказку.

Сказка «Илья Муромец на большой богатырь земли Русской» построена на пересказе 10 былинных сюжетов: 1) исцеление Ильи-сидя; 2) Илья Муромец и Соловей-разбойник (с эпизодом освобождения Чернигова, предваряющим встречу с Соловьем); 3—4) Илья и Святогор: Святогор и сумочка, смерть Святогора в гробу; 5) Илья и богатырь-нахвалящик; 6) Дюк Степанович; 7) бунт Ильи Муромца против князя Владимира; 8) Илья и Калин-царь (в сказке — Батыга); 9) Илья и Идолище; 10) три поездки Ильи Муромца.

Во многих местах этой сказки совершенно ясно проглядывает определенный источник — изустные записи былин. Так, например, добывание и выхаживание коня Ильей Му-

ромцем рассказаны близко к соответствующему эпизоду у кижского сказителя Леонтия Богданова;⁹¹ прощание с родителями и их гуманистический наказ явно взяты из текста собрания Киреевского;⁹² к тому же тексту восходит рассказ о бсе под Черниговом и победе над тремя царевичами с дарованием им свободы, а также и заключительная сцена в палатах князя Владимира: Илья Муромец теснит князей и бояр; эпизод с сумочкой переметной, рассказ о которой вкладывается в уста самого Святогора, в деталях совпадает с текстом Дмитриевой из Пстрозаводского уезда;⁹³ глава V сытинской сказки — о богатырской заставе и бое Ильи Муромца с чужеземным богатырем — использует, по содержанию очень близко к оригиналу, известный шенкурский текст сборника Киреевского, где богатыри на заставе выведены с социальной характеристикой,⁹⁴ и т. д. Но имеются эпизоды и детали, не находящие прямого соответствия с былинными текстами и явно придуманные составителем. Например, развернута вступительная часть — о родителях Ильи Муромца, горюющих по поводу своей бездетности, вставлена глава, повествующая о жизни Ильи Муромца у родителей после совершения им ряда подвигов, и др. Однако и эти придуманные места, и характер пересказа былии, известных в записи, демократической направленности русского эпоса не нарушают.

Сохранен весь благородный облик Ильи Муромца, его патриотические стремления, его бескорыстие и т. п. Всюду подчеркивается задача, которую ставит перед собой богатырь: служить земле русской, отмечаются его неподкупность (сцена в подворье Соловья-разбойника, где Илья отказывается от предложенного ему за Соловья богатого выкупа), его забота о народе. Так, найдя в последнюю свою поездку несметные богатства, Илья отдает их князю Владимиру с условием, чтобы половину роздал бедным вдовам и сиротам. Используются социальные мотивы русского эпоса об Илье Муромце: конфликт с боярами и придворными богатырями уже в первый приезд в Киев Ильи Муромца, столкновение Ильи Муромца с князем, связь богатыря с беднейшими массами, с «голями». Очень остро пересказана былина о бунте Ильи Муромца: князь Влади-

⁹¹ Рыбников, I, № 51.

⁹² Киреевский, I, стр. 34.

⁹³ Рыбников, I, № 86.

⁹⁴ Киреевский, I, стр. 46.

мир забыл пригласить его на пир, и разгневанный богатырь отстреливает с княжеского терема золотые маковки, на которые устраивает собственный пир с мужиками; когда же по поручению князя Добрыня Никитич просит Илью сменить гнев на милость и прийти к князю, Илья Муромец приводит в терем своих товарищей-бедняков, отказывается сесть на указанное ему почетное место и садится с приведенными бедняками (глава VII). Используется в сказке и другой сюжет о ссоре Ильи с князем Владимиром — из-за подаренной богатырю шубы, доставшейся князю с плеча татарского хана: оскорбленный Илья рвет шубу пополам, о его поступке доносят князю, и тот велит заключить богатыря в погреб и умерить голодной смертью. Дана социально острая сцена между Ильем Муромцем и князем: последний униженно просит богатыря о помощи, когда хан Батыга подступает к Киеву, а Илья напоминает князю о его издевательствах над богатырями в угоду боярам и вельможам (глава VIII сказки).

С начала 1870-х годов стала издаваться московским книгопродавцем А. В. Морозовым книжка «Илья Муромец и Соловей-разбойник. Русская народная сказка» (35 или 36 стр.). Она включает четыре главы под следующими подробными заглавиями: I. Сидень Илья Муромец. Калики перехожие. Сила богатырская; II. Богатырство Ильи Муромца. Нападение разбойников. Осада Кинешмы. Победа Ильи Муромца. Благодарность князя; III. Соловей-разбойник. Богатырство Ильи Муромца. Освобождение Кракова; IV. Стольный град Киев. Красное солнышко князь Владимир. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Смерть Соловья-разбойника. Почести Илье Муромцу.

Таким образом, сказка основана, по существу, на двух былинных сюжетах — об исцелении Ильи Муромца и его победе над Соловьем-разбойником.

Написана книжка простым сказовым языком с включением иногда отдельных былинных формул. Повествование начинается как в сказке: «В некотором царстве, в Русском то было государстве, во граде во Муроме, во селе Карачарове, жил был старичок со старушкою...». Указаны имена их — Иван Тимофеевич и Ефросиния Яковлевна. Эпизод исцеления рассказан в полном соответствии с устной былинной традицией: Илья — сидень в течение тридцати лет с половиною; прохожие калики, нищая братия, исцеляют его, заставляя выпить брагу, причем происходит,

как обычно в былинах, троекратное поднесение питья и убавление в третий раз первоначально дарованной чрезмерной силы наполовину. Так же традиционно Илья Муромец просит родителей отпустить его на богатырские подвиги и на служение князю киевскому Владимиру, а родители ему наказывают «зря силы не тратить, людей не обижать и христианской крови не проливать». Затем также побылинному рассказывается, как Илья выхаживает шелудивого жеребенка.

Глава II тоже начинается сказочной формулой: «Едет Илья Муромец путем-дорогою запущенной, скоро ли, долго ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...». В дальнейшем глава II, а также главы III и IV традиционно излагают историю первой поездки Ильи Муромца: его встречу с разбойниками, освобождение по пути в Киев осажденного врагом города (наименование его нетрадиционно — Кинешма,⁹⁵ враг — литва), победу над Соловьем-разбойником, приезд в Киев (с традиционным изображением недоверия князя к рассказу Ильи Муромца) и финальную сцену — свист Соловья и расправу с ним Ильи.

Краткость изложения, при которой отсутствует ряд деталей, препятствует определению конкретных былинных вариантов, на которые опирался составитель, как это можно было сделать в отношении сытинской сказки. Все же влияние некоторых чувствуется, например варианта сборника Киреевского (I, стр. 34) в изображении эпизода освобождения города. Возможно, что в передаче ряда эпизодов (встреча с разбойниками, столкновение с Соловьем-разбойником и его семьей) составитель ориентировался и на текст лубочной картинки, однако отсутствие точных текстуальных соответствий не позволяет утверждать это категорически. Своеобразной особенностью сказки является только вторичный эпизод освобождения города (на этот раз Кракова), в чем Илье Муромцу помогает плененный им Соловей-разбойник.

В общем сказка, хотя и не очень ярко, но умело пересказывает содержание былины об исцелении и Соловье-разбойнике, не искажая героического облика богатыря и не снижая патриотической направленности. Однако социаль-

⁹⁵ Город Кинешма упоминается лишь в одном рукописном пересказе былины об Илье Муромце в списке середины XVIII века. См.: Былины XVII—XVIII вв., № 14.

ные мотивы в ней не выделены. В этом отношении она значительно уступает сытинской сказке.

В те же 1870-е годы появляется в печати другая сказка об Илье Муромце, уже с именем автора, но близкая к морозовской: «Илья Муромец, богатырь-крестьянин времен Владимировых, и Соловей-разбойник. Народная сказка, написанная со слов приезжего мужичка в Макарьеве на Унже М. Евстигнеевым» (изд. Манухина, 35 стр.). Сопоставление обеих сказок показывает несомненную зависимость манухинской от морозовской. Из последней сказки перенесены в первую целые куски текста. Но повествование более развернуто и дополнено новыми главами об Идолице Поганом и о смерти Ильи Муромца. В текст включены подробности, взятые из определенных былин сборников Киреевского и Кирши Данилова. Глава «Илья защитник г. Чернигова» целиком основана на нижегородском тексте из с. Павлово.⁹⁶

Влияние этого текста видно в конце первой главы (наказ родителей) и в главе пятой — «Владимир красное солнышко» (эпизод утеснения богатырей на скамье). Влияние же текста сборника Кирши Данилова (№ 49) можно проследить в описании первой поездки Ильи. В главе второй («Станичники») использованы текст на стр. 4 выпуска I «Песен» Киреевского и былина № 68 Кирши Данилова.

Внесены еще такие изменения: необычное название освобожденного города (Кинешма) заменено Черниговом, эпизод освобождения Кракова снят. Кроме того, в сказку введены (в текст или в виде эпитафии к отдельным главам) цитаты из былин «Песен» Киреевского и сборника Кирши Данилова. Первая из дополнительных глав, «Идолице», передает сюжет близко к лубочному тексту. В ту же главу вошла встреча со Святогором, но без упоминания имени этого богатыря и без рассказа о смерти его в гробу (Илья Муромец только насмается на лежащего на горе великана и убеждается, что «есть еще сильнее его»). В последней главе использовано изложение П. А. Бессоновым слышанного им рассказа о бое Ильи с богатырем Невеличкой и смерти Ильи Муромца в найденном им, Добрыней и Алейшей Поповичем каменном гробу.⁹⁷

В заключение составитель сообщает о другом известном ему конце истории жизни Ильи Муромца: «По онежским

⁹⁶ Киреевский, I, стр. 34—39.

⁹⁷ Там же, стр. XXXIV, примечание.

песням г. Верещагина⁹⁸ Илья Муромец, нажив огромные богатства, начал заниматься делами благочестия». Как и морозовский вариант сказки, книжка, сохраняя героические и патриотические мотивы эпоса об Илье Муромце, не использует в противоположность разобранной выше сытинской сказке его социальную тематику. Текст Евстигнеева многократно переиздавался Морозовым и Сытиным с разными картинками на обложках.

В 1870-е и 1880-е годы в издании книгопродавца Манухина распространялись и другие сказки, составленные «из былин» М. Евстигнесвым, помимо сказки об Илье Муромце: «Добрыня Никитич (Золотой пояс). Богатырь времен киевского князя Владимира» (36 стр.) и «Алеша Попович» (36 стр.). На титульном листе последней сказки М. Евстигнеев назван «питерцем». Метод пересказа источников тот же, что и в сказке об Илье Муромце: многие части перекладывают определенные былины очень близко к их текстам не только по содержанию, но и по фразеологии, включается и ряд точных цитат. Вместе с тем отдельные места дополняются и собственными привнесениями, стиль которых порой значительно отличается от стиля фрагментов, построенных на былинных текстах.

Так, например, начав повествование обширной цитатой из текста Киреевского о рождении Добрыни,⁹⁹ составитель следующим образом переходит к рассказу о детстве Добрыни: «Так знаменуется рождение Добрыни Никитича от торгового гостя по одним преданиям и от князя по другим. Как бы то ни было, но Добрыня имел отца Никиту Романыча и мать Афимью Тимофеевну». В таком стиле ведется весь рассказ о детстве до момента испрашивания Добрыней у матери благословения, когда в текст вставляются былинные фразеология и образы: «Не дуб к земле клонится, не листочки преклоняются и по сырой земле расстилаются, сын ко матери преклоняется, молодой Добрыня сын Никитьевич: „Ох ты гой еси, моя матушка, свет Афимья Тимофеевна. Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. . .“» и т. д. В дальнейшем вся I глава, повествующая о бое Добрыни со Змеем и о его женитьбе, значительные части глав III и IV — о Доб-

⁹⁸ Верещагин — один из корреспондентов П. В. Киреевского, чьи записи помещены в «Песнях».

⁹⁹ Киреевский. II, стр. 11.

рыне и Маринке и о Добрыне на свадьбе своей жены — основаны на текстах Кирши Данилова (№№ 9 и 48) и разных текстах собрания Киреевского.¹⁰⁰ Что касается центральной части сказки — о нашествии Тугарина Змеевича и о бое с ним Добрыни, то она, а частично и рассказ о Маринке передают, иногда очень точно, а иногда сокращенно, сказку Сахарова, помещенную в собрании Киреевского,¹⁰¹ в которой рассказ о Тугарине заимствован из сказки В. А. Левшина «Повесть о славном князе Владимире киевском».¹⁰² Прозвание Добрыни (на титульном листе книжки «Золотой пояс», на обложке «Златый пояс») нигде в самой сказке не объясняется.

Сказка Евстигнеева об Алеше Поповиче построена в первых двух разделах — «Неодолище» и «Победа над Тугарином Змеевичем» (в данной книжке все разделы, или главы, имеют заглавия) — на тексте Кирши Данилова № 20 и в третьем и четвертом разделах — «Встреча с плененною сестрою» и «Беда от сватовства Алеша» (сюжет «Алеша и сестра Петровицей-Сбродовицей») — на текстах собрания Киреевского.¹⁰³ Следование указанным текстам в большинстве случаев очень точное, вплоть до формулировок. В III раздел включаются даже небольшие стихотворные фрагменты. Авторские привнесения в данной сказке незначительны. В разделе II эпизод первой встречи с Тугарином превращен во встречу с Неодолищем, голову которого Алеша, по совету калики, везет князю Владимиру «в подарочек». Из содержания этой части выключено все, что относится к склонности княгини Апраксии к Тугарину. Стиль сказовый, он поддерживается частым обращением «братцы» и иногда авторскими репликами. См., например, на стр. 9: «Вот, братцы, какие злые были встарь чудища», на стр. 28: «А то еще, братцы, скажу я вам про Алешу Поповича». Употребляются сказочные формулы: «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли», «Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается». Текст Кирши Данилова автор имел в перепечатке Киреевского, о чем свидетельствует перенесение им одного пояснения из

¹⁰⁰ Там же, стр. 11, 15, 36—40. Вероятно, и тексты Кирши Данилова были известны Евстигнееву по собранию Киреевского.

¹⁰¹ Там же, Приложения, стр. I—XVII.

¹⁰² Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях. . . , ч. 1. М., 1780.

¹⁰³ Киреевский, II, стр. 80—82 и 67—69.

сборника Киреевского.¹⁰⁴ Текст сказок об Алеше Поповиче из всех богатырских сказок Евстигнеева самый удачный по стройности композиции.

У Евстигнеева замечается стремление к некоторым историческим экскурсам. Говоря о рождении Добрыни Никитича, он в сноске сообщает «исторические сведения» о его отце. Сказка об Алеше Поповиче заключается «исторической заметкой», сделанной по «Заметке» П. А. Бессонова в сборнике Киреевского (II, стр. XXIII—XXIV) с буквальным сохранением некоторых фраз.

В 1890-х и 1900-х годах в издании Сытина печатается «Сказка об Алеше Поповиче русском богатыре» (106 стр.), построенная одинаково со сказкой Евстигнеева: те же четыре главы и в том же порядке (изменены только заглавия главы III — «Алеша Попович спасает сестру» и IV — «Как спознался Алеша Попович с Настасьей Сбродовишной»). Связь с манухинской сказкой выражается также в заимствовании из нее ряда своеобразных подробностей: совет странника привезти в «подарочек» князю голову Неодолица, описание Неодолица, оживление Алеша «зельем заморским» из скляпочки, хранящейся в «сумочке-безответнице» странника и ряд других. Одинаково в обеих сказках изображено появление на пиру Тугарина. Но текст другой, значительно более развернутый, и другой стиль, без фразеологической близости к былинному.

В главу I включено предсказание некоего старца о будущих ратных успехах Алеша, рассказ о рождении сестры Алеша, о ее красоте, о похищении девушки татарами, об отъезде Алеша с Акимом из Ростова, прощание Алеша с Акимом перед боем с Неодолицем. Значительно расширен эпизод встречи с Неодолицем. Во второй главе в сцену пира внесено столкновение приехавших богатырей со слугителями. Появился и эпизод: когда Алеша угрожает разделаться с Тугарином, тот смеется и говорит, что один Неодолице мог бы тягаться с ним; тогда Алеша и приносит голову Неодолица. В сказку вводятся еще: развернутый диалог Алеша с Тугарином перед боем, возвращение Алеша к родителям, встреча со странником, который говорит, что Алеша нужно спасти девицу, она давно его ждет. Подробно повествуется о радости родителей, когда

¹⁰⁴ См. примечание на стр. 16 книжки — объяснение слов «палатный брус» (там же, стр. 75).

рождается у них сын Алеша. В порядке разворачивания сюжетной линии сказки говорится о любви Акима к сестре Алеши и женитьбе на ней. Гораздо подробнее рассказывается история отношений Алеши и Настасьи Сбродовишны, заканчивающаяся свадьбой их в Киеве, куда перевозит Алеша и родителей.

С конца 1880-х годов сказки о богатырях русского эпоса издавались также в популярной серии «Библиотечка Ступина». Это приятно, со вкусом оформленные книжечки ценою в 10 коп. каждая, иллюстрированные художниками К. В. Лебедевым и М. В. Нестеровым. Ступиным в его «Библиотечке» были выпущены следующие книжки: «Сказка об Илье Муромце, крестьянском сыне», «Сказка о Добрыне Никитиче», «Сказка о смелом Алеше Поповиче» и «Сказка о Садко-купце и Ваське Буслаеве, удалом молодце». Имя автора этих книжечек известно, оно отмечено на титульном листе. Это известный литератор П. Н. Полевой, сын Николая Алексеевича, автор магистерской диссертации «Опыты сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской», нескольких работ по учебной литературе и исторических романов. Будучи преподавателем русской литературы и народной словесности в средних учебных заведениях и затем доцентом Новороссийского университета в Одессе, где он читал лекции по русской и всеобщей литературе, в том числе и по истории народной словесности, П. Н. Полевой являлся пропагандистом и популяризатором русского народного поэтического творчества. Полевому принадлежит, например, большая антология русских народных сказок в его изложении.¹⁰⁵

Из сказок о богатырях наиболее удачно и наиболее близко к устной традиции написана сказка об Илье Муромце. В ней рассказано об исцелении Ильи-сидня каликами персхожими, о первом применении силы на тяжелой крестьянской работе по расчистке пашни от деревьев и пней, об освобождении Чернигова от басурманской рати, о победе над Соловьем-разбойником и об освобождении Киева от Идолица Поганого. Построение всех этих частей в основном традиционно, и хотя и имеются отдельные детали, которые в изустных записях не встречаются, но они

¹⁰⁵ П. Н. Полевой. Народные русские сказки в изложении П. Н. Полевого. СПб., 1874.

не становятся в противоречие с эпосом и лишь варьируют или дополняют некоторые эпизоды. Так, Илья рождается в самый Ильин день, отчего и получает свое имя; калики не просят Илью дать им напиток, а сами подносят ему меду; при свисте Соловья князь Владимир с испугу залезает под крыльцо; Илья Муромец не ударяет шапкой Идолице, а нахлобучивает ее ему на голову и рукой придавливает к земле. На протяжении всей сказки подчеркивается сущность богатырской задачи Ильи Муромца, его освободительная и оборонительная миссия. Изложена сказка просто, языком сказа, без стилизаторской слащавости.

Близка по методу пересказа былины к сказке об Илье Муромце и ступинская сказка о Добрыне Никитиче. В ней использованы сюжеты «Добрыня и Змей», «Добрыня и поляница Настасья Никулична», «Добрыня в отъезде». Наибольшие отступления от традиции — в пересказе второго сюжета: вместо обычного описания встречи с неизвестным богатырем, который потом оказывается женщиной (Добрыня, догнав его, трижды ударяет его сзади, но богатырю эти удары нечувствительны), здесь изображен длительный и безрезультатный бой Добрыни и богатыря; Добрыня, наконец, предлагает ему побрататься, тот называет себя, и Добрыня предлагает тогда Настасье выйти за него замуж.

Два других сюжета пересказаны в основном совершенно традиционно и с сохранением наиболее значительных в идейном плане мотивов: в пересказе первого сюжета удерживается патристический характер подвига Добрыни — убив Змея, он освобождает не только племянницу князя, но и много русских, плененных Змеем; в пересказе третьего сюжета сохранен укор князю с княгиней, которые, как иронически говорится в сказке, за верную службу его, Добрыню, «крепко пожаловали», «позаботились» о его жене и матери, — «от живого мужа жену просватали». «И молчат князь с княгиней, — прибавляет сказка, — в глаза не смеют глянуть Добрынюшке».¹⁰⁶

Кончается повествование по-сказочному — на радостях Добрыня устраивает пир на весь Киев — и завершается традиционной прибауткой: «И я на том пиру был, мед-

¹⁰⁶ Сказка о славном русском богатыре Добрыне Никитиче и его славных подвигах. По древним былинам переложил П. Н. Полевой. С рисунками М. В. Нестерова. 2-е изд. А. Д. Ступина, М., 1894, стр. 30.

брагу пил, дары богатые получил; за песню — холста ко-
нец, за сказку — денег ларец».¹⁰⁷

Гораздо больше личных привнесений и отступлений от эпоса в менее удачной сказке об Алеше Поповиче. Подробно рассказывается о детстве и ранней юности Алеши, когда уже проявляется его богатырская мощь: назначенный пономарем, он, звоня в колокола, обрывает колокольные языки и выбивает бока колоколов; определенный в певчие, он так рявкает, что с церковного свода сыплется штукатурка. К пересказу сюжета о Тугарине Змеевиче присоединяется зачем-то пересказ сюжета о сорока каликах. Очевидно, чтобы выделить участие в данном сюжете Алеши, включается неизвестный эпосу эпизод временной потери Алешей богатырской силы, когда он находит в котомке старца золотую чару, подложенную княгиней Апраксией молодому калике, который приглянулся ее дочери (котомки старец переменил). В заключение рисуется встреча Алеши Поповича с Микулой Селяниновичем, где используется известный эпизод с сошкой из былины о Вольге и Микуле, но в ином освещении. Алеша Попович говорит с презрением: «Что это за труд землю пахать!». Но не может поднять сохи из борозды.

Вместе с тем, как и в сказках об Илье и Добрыне, здесь подчеркивается значение богатырской деятельности Алеши. Из Ростова он едет «на подвиги, сражаться с татарвою поганою, вырубать чудь белоглазую и сорочину долгополую». После победы над Тугарином Алеша становится третьим старшим богатырем» князя Владимира и названным братом Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Братья-богатыри дают ему наказ: «Очищай дороги от разбойников, защищай вдов и сирых, от сильного слабых» и т. д., и Алеша выполняет его. В конце говорится, что он «бодро стоит на страже родной земли, поминая труд Микулы Селяниновича и его меньшей братии», т. е. крестьян-пахарей.

Еще более своеобразно и далеко от эпоса пересказаны былины о Садко и Василии Буславе. П. Н. Полевой делает попытку органически объединить в одно повествование былины о двух этих богатырях. Садко, по прозвищу Сытинец, с самого начала сказки изображен «богачейшим» купцом, торгующим с заморскими странами. Закадычный друг его — Буслай. С ним Садко бьется об заклад, что он

¹⁰⁷ Там же, стр. 32.

скупит все новгородские товары. Проигравшего заклад Садко Буслай посылает за море простым корабельщиком, а сам остается править его делами. Он просит Садко после смерти его, Буслая, не оставить его жены и сына Василия. Садко берет с собой гусли и золотую шашечницу. Далее идет рассказ о Садко в подводном царстве. Царь дает ему работу — камни таскать, вить из песка веревки и заставляет играть на гусях. Следует традиционное изображение пляски царя и поднявшейся от этого бури. Садко решает порвать струны. Царь лапсёй своей «дает шлепка» Садко, и того пучина выносит наверх. Оказывается он у Новгорода. Таким образом, эпизод выбора невесты в подводном царстве отсутствует. Садко узнает, что Буслай умер, а сын, Васька Буслаевич, озорует. У Буслаева дома Васька вызывает подошедшего незнакомца померяться силами, но узнав, что незнакомец — Садко, приглашает к себе и угощает. Садко выговаривает ему за поведение и рассказывает о себе, о проигранном закладе. В это время Ваське сообщает Костя Новоторженин, что на мосту завязалась драка и мужики новгородские бьют молодцов Васьки. Васька собирает свою ватагу и спешит на мост. Побеждают новгородцы. Садко лечит раны Васьки и читает ему наставление: «... и мне мое богатство, и тебе твоя силушка великая не нами дана, а господом богом. Не нам его дарами величаться, а ему же служить ими, всеильному». Далее Садко посылает Василия на Волгу, на татар, разбить их и освободить пленных. Сам же решает построить церковь и при ней приют для бедных и немощных. Василий между тем едет на татар, бьется с ними и освобождает пленников. Садко ждет его возвращения, ходит каждый день на Волхов. Но вот возвращаются корабли. Молодцы Васьки рассказывают, что он убился, перескакивая камень. В конце дается снова та же мораль в словах Садко: «Не от нас сила и богатство. Не себя ими величайте, а творцу всеильному хвалу и радость воздавайте».

Из приведенного краткого пересказа сказки видно, что в изложении Полевого оказался утерянным идейный смысл былины о Садко и Василии Буслаевиче, а образы героев искажены. Неприятное впечатление производит религиозно-моралистическая тенденция сказки. Следы этой тенденции видны и в сказке об Илье Муромце, где дважды говорится, что «в живете нашем и в смерти один бог волеи». Но здесь эти слова как бы растворяются в общем героическом

ческом строе сказки. В пересказе же былии о Садко и Василии Буслаеве религиозно-правственная идея резко выступает. Стремление к морализации заметно и в сказке об Алеше. Там и Илья Муромец с Добрыней, и Микула Селянинович читают наставления Алеше, но характер этих наставлений иной. Таким образом, идейно-художественное качество сказок о богатырях в «Библиотечке Ступина» далеко не равноценно.

В 1870-х годах была выпущена еще одна сказка о Добрыне в издании Д. П. Преснова под заглавием «Былина из времен князя Владимира красное солнышко о Добрыне Никитиче, славном богатыре русском, о исполине Полкане, Змее Горыниче и о княжне Милолике» (36 стр.). Но это не что иное, как первая из «Русских сказок» В. А. Левшина, перепечатанная, очевидно, с текста лубочных картинок.¹⁰⁸

Таковы известные мне тексты сказок о богатырях, распространявшиеся в дешевых книжках для народа.

* * *

*

Каково же было воздействие этих книжек на устную народную сказку о былинных богатырях? А ргіогі можно предположить, что широкое распространение в народе книжек со сказками о богатырях не могло не отразиться в том или ином отношении на устной былинной традиции, поддерживая определенные сюжетные ситуации, вызывая внутреннюю перестройку и т. п. В отношении же устной народной сказки о богатырях удалось установить определенную зависимость некоторых из них от сказок в народных книжках.

Несколько устных сказок явно восходит к тексту сытинской сказки «Илья Муромец набольший богатырь». Во-первых, это сказка, записанная в 1939 году Н. Д. Комовской от М. А. Сказкина из Горьковской области.¹⁰⁹ Мне уже пришлось отмечать несомненную генетическую зави-

¹⁰⁸ См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, стр. 9—39.

¹⁰⁹ Первое издание см.: Сказки, № 24. Перепечатывалась: Русские народные сказки. Составитель Э. В. Померанцева. М., 1957, № 61; сб. «Илья Муромец». Подготовка текстов, статья и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1958, № 57.

симость этой сказки от сытинского издания, о чем убедительно свидетельствуют и одинаковая композиция их, и текстуальные совпадения.¹¹⁰ Отмечены были также главные особенности передачи Сказкиным источника — свобода пересказа с некоторыми личными привнесениями, героическое и патриотическое звучание — и высказывалось предположение, что, возможно, Сказкину случалось читать, а может быть, и слышать былины и сказки об Илье Муромце и в других обработках, кроме указанной, которая явилась главным источником.¹¹¹

Другая сказка, тоже несомненно восходящая к сытинскому изданию, была записана С. Г. Лазутиным в том же 1939 году от В. И. Головашина из Тамбовской области.¹¹² По своему сюжетному составу она вполне совпадает как с сытинским изданием, так и с текстом Сказкина, от которого отличается только большей краткостью и несколько иным расположением составных частей, основанных на определенных сюжетах. Рассказ об Илье и Идолище следует в ней непосредственно после передачи сюжета «Илья и Соловей-разбойник», тогда как у Сказкина, как и в книжке, отнесен почти к самому концу. С другой стороны, сюжет о Дюке предпослан рассказам о бунте Ильи Муромца и о нашествии татар, подобно тому как это мы видим в сытинской сказке, в то время как у Сказкина он занимает предпоследнее место, перед заключительным рассказом о трех поездках. Есть и другие отличия от композиции текста Сказкина. Вместе с тем подобно Сказкину Головашин komponует отдельные части в полном соответствии с тем, как это сделано в книжке. Так же своеобразно истолкован сюжет о Святогоре и сумочке переметной, которую богатырь не мог поднять (сам Святогор рассказывает об этом Илье Муромцу, чтобы объяснить, почему он, Святогор, перестал ездить по русской земле и лежит на горах). В обеих сказках, как и в их источнике, объединены две версии «ссоры» Ильи Муромца с князем Владимиром: из-за приглашения Ильи на пир и из-за подаренной Илье татарской шубы.¹¹³ Одинаково также сюжет о бое Ильи Муромца с неверным богатырем-нахвалящиком соединен с рассказом о татарском нашествии, причем этот рассказ

¹¹⁰ «Илья Муромец», стр. 504—506.

¹¹¹ Там же, стр. 506—507.

¹¹² Тамбовский фольклор, № 1.

¹¹³ См. об этом выше, стр. 48—49.

(сюжет о Калине-Батыге) не развернут, о наступлении «орды» лишь упоминается, а излагается поединок с богатырем, которого выставляет татарский хан.

Заключительная часть — «Три поездки» — также во всех трех сказках построена одинаково, с близкими, иногда совпадающими деталями: раскрыв обман колдуньи-обольстительницы на дороге, «где женату быть», Илья Муромец сжигает бесовский терем или саму ведьму; подземелье с сокровищами охраняется особыми сторожами, которые раскрывают подвалы перед Ильей Муромцем, и др. Много в точности совпадающих мест во всех трех сказках и в начальных частях. Таким образом, сопоставление сказки Головашина с сытинским изданием, а также с текстом Сказкина не оставляет сомнения в определенном и одинаковом источнике обеих устных сказок.

Но, как и в тексте Сказкина, в рассказе Головашина имеются эпизоды, которые в их книжном источнике отсутствуют. Подобно горьковскому варианту тамбовская сказка включает рассказ о первом применении Ильей Муромцем полученной силы в физическом труде, но содержание эпизода разное. У Сказкина Илья в помощь родителям рубит лес, у Головашина Илья, чтобы пройти к родителям, которым он несет еду, делает мост через реку из вырванных им деревьев. Каждая из сказок включает и отдельные свои детали в передаче одинаковых эпизодов. Пересказ книжного источника Головашиным еще более свободный, чем у Сказкина. Совпадений фразеологических почти нет.

Сам Головашин, по сообщению составителей сборника «Тамбовский фольклор», был неграмотен, но любил слушать чтение вслух и мог таким образом перенять сытинскую сказку. Но возможно, что сказка Головашина восходит к сытинскому изданию уже не непосредственно, а через рассказы других. Как и в горьковском тексте, в сказке Головашина удержано из указанного источника и еще более выделено все наиболее ценное в идейном содержании. Составители сборника «Тамбовский фольклор» правильно высоко оценили с этой стороны сказку Головашина, сказав о ней: «Образ Ильи Муромца в этой сказке глубоко демократичен, с исключительной силой подчеркивается непреклонная воля и патриотическая устремленность Ильи».¹¹⁴

¹¹⁴ Тамбовский фольклор, стр. 311.

Влияние сытинского издания в какой-то мере сказалось и на сказке об Илье Муромце воронежской сказочницы А. Н. Корольковой, записанной В. А. Тонковым в 1940 году.¹¹⁵ Эта сказка не имеет таких очевидных соответствий с текстом «Илья Муромец набольший богатырь земли русской», как разобранные выше горьковская и тамбовская сказки. Сказка Корольковой короткая, включает всего 3 былинных сюжета: «Исцеление», «Три поездки», «Илья и Святогор» (смерть Святогора в гробу), при этом расположение этих частей в тексте инос («Три поездки» не завершают повествование, а изображают начальные приключения Ильи). Буквальных словесных совпадений совсем нет. В то же время наблюдаются некоторые, правда отдаленные, соответствия в изложении отдельных эпизодов. В рассказе о второй поездке Илья Муромец стреляет в тень красавицы, и красавица превращается в ведьму, которую Илья и убивает. Тот же эпизод находим и в сытинском издании с небольшими вариациями: Илья стреляет в сердце, происходит превращение красавицы в ведьму. Имеется соответствие и в рассказе о третьей поездке. В книжке описан столб с колоколом, по звону которого выходит старик с ключами и предлагает Илье груды золота, жемчуга и самоцветных камней. У Корольковой столб с чугушной доской, рядом палка, чтобы ударом по доске вызвать сторожа. По звону выходит старик, показывает Илье богатства (золото, серебро, жемчуг, самоцветные камни) и предлагает их ему.

Больше всего соответствий в части, повествующей о встрече Ильи со Святогором. В обеих сказках показывается, что Илья едет очень долго (у Корольковой по сказочному: «Ехал он год, ехал два, а может и все три»). Однако изображена гора, на которую лезет Илья, сойдя с коня. Она окутана облаками, на вершине ее лежит Святогор. Одни и те же детали в эпизоде примерки гроба: когда наезжают на гроб, видят сбоку крышку, которая потом сама захлопывается над Святогором. В обеих сказках нет передачи силы, но показано, что Илья Муромец проследился, прощаясь со Святогором (у Корольковой: «Утер

¹¹⁵ Сказка под заглавиями «Илья Муромец и Святогор-богатырь» и «Об Илье Муромце» публиковалась неоднократно. См.: Сказки А. Н. Корольковой. Воронеж, 1941, стр. 11; А. Н. Барышникова (Куприянича), А. Н. Королькова. Сказки. Воронеж, 1950, стр. 69; А. Н. Королькова. Сказки. Воронеж, 1956, стр. 3.

Ильюшенька слезу крупную, горячую...»). Похожи и концовки. В книжке говорится, что Илья жил полтора ста лет и совершил много подвигов на пользу земли русской (у Корольковой: «Жил после этого Илья Муромец двести лет. Много за двести лет побил врагов земли русской»). Эти отдельные соответствия, в которых ощущаются отдаленные припоминания сытинского текста, побуждают предполагать, что на какой-то из предшествующих ступеней бытования данной сказки книжка была одним из ее источников. Конечно, были и другие источники, устные и книжные, но, возможно, окончательное оформление принадлежит самой Корольковой, несомненно очень талантливой рассказчице, владеющей хорошей сказочной традицией.

С поразительной точностью пересказана была мне в 1928 году евстигнеевская сказка об Алеше Поповиче линежским сказителем из дер. Шотова Гора Карпогорского района А. П. Вехоревым.¹¹⁶ Сохранена не только полностью вся композиция со всеми деталями, но и вся словесная ткань вплоть до характерного обращения «братцы» в авторской реплике в связи с изображением калики: «Вот какие, братцы, раньше хаживали, какие тяготы на себе нашивали».¹¹⁷ Комментируя в 1937 году этот текст, я указала, что, по словам исполнителя, он усвоил его из какой-то им купленной книжки. Теперь ясно, что это и была сказка Евстигнеева. В молодые годы Вехорев еще не знал грамоты, но слышал, как читали эту книжку. Это было еще лет за 40 до моей с ним встречи.¹¹⁸

Вероятно, впоследствии, когда А. П. Вехорев научился читать, он не раз возвращался к этой книжке и неоднократно пересказывал ее другим. В результате заучил ее наизусть. Менее твердо он помнил часть, повествующую о встрече с сестрой-полонянкой. Эту часть он передал с некоторыми небольшими пропусками по сравнению с источником, причем сам замечал это. Так, рассказав о том, как, отняв у татар девушку, Алеша сел на коня, Вехорев начал было продолжать: «Спасибо тебе, батюшка добрый конь», но прервал, воскликнув: «Ох и не ладно!» — и сразу перешел к вопросам Алешы о роде-племени спасенной девушки.

¹¹⁶ Астахова, II, № 212.

¹¹⁷ Там же, стр. 597.

¹¹⁸ Там же, стр. 699—700.

В источнике же приводятся в этом месте четыре следующих стиха, взятых из «Песен» Киреевского:

Спасибо тебе, добрый конь,
Что донес меня в степь Саратовску,
Получил я себе обручницу,
Обручницу, подвенечницу.¹¹⁹

Далее следуют ласковые, ободряющие слова Алеши, обращенные к девушке, и его расспросы о ее роде-племени, к чему и перешел Вехорев, оборвав позабытый им фрагмент.

После этой части, законченной, как в книжке, Вехорев хотел рассказать «о женитьбе Алеши», но тут запись была прервана пришедшими к нему по делу крестьянами. Когда составлялся сборник (1937-й год), евстигневская сказка была мне неизвестна, и слова Вехорева о том, что далее следует рассказ о женитьбе Алеши, мною ошибочно были поняты в том смысле, что речь пойдет о попытке Алеши жениться на Добрышиной жене, тем более, что об этом сюжете исполнитель тоже упоминал.¹²⁰ Но теперь ясно, что это должен был быть пересказ сюжета о сестре Петровицей-Сбродовичей.

К книжному источнику определенно восходит также другая записанная мною на Пинеге сказка, от Е. А. Дорофеевой,¹²¹ но на этот раз не непосредственно — исполнительница усвоила ее от своего свекра. Дорофеева, вообще хорошая сказочница, данную сказку передала довольно сбивчиво, явно подзабыв ее. Однако по содержанию и построению легко узнать конкретный источник ее когда-то в прошлом — это та же сказка Евстигнеева. В тексте Дорофеевой при помощи композиции, в целом соответствующей вехоревской сказке, имеются эпизоды, присущие только сытинскому изданию: в начале — похищение сестры Алеши Поповича татарами на гулянье, в конце — женитьба Екима на ней. Сохранены и такие детали сытинской сказки, как столкновение Алеши Поповича и Екима со служителями князя Владимира, не пускавшими их на пир, как свидание Алеши с девушкой, когда она с подругами идет купаться. Вместе с тем имеются и особые детали, внесенные, очевидно, самой Дорофеевой отчасти влествие забывания (Алеша освобождает сестру от татар не в поле,

¹¹⁹ Киреевский, II, стр. 82.

¹²⁰ Астахова, II, стр. 602.

¹²¹ Там же, № 198.

а «из татарского дома»), отчасти под воздействием других сказок (Еким в образе пародийного богатыря).

Отразился в устной сказке и переложения П. Н. Полевого в «Библиотечке Ступиша». В Подпорожском районе Ленинградской области в 1947 году П. Г. Ширяевой от И. Я. Тимачева была записана сказка «Про Садко, новгородского кунца»,¹²² которая оказалась очень точным по содержанию пересказом разобранной выше сказки Полевого «О Садко-купце и Ваське Буслаеве, удалом молодце».

Указанные случаи восхождения ряда изустных сказок к книжным, «сделанным» сказкам несомненно свидетельствуют о значительной роли, которую эти последние сыграли в устной традиции. Совершенно очевидно, что, помимо отмеченных, были и другие, аналогичные случаи, которых не удалось обнаружить. Кроме того, влияние книжных источников могло сказываться в частности, в отдельных эпизодах, деталях.

Как же расценивать это явление в истории русской народной культуры? Выше уже было отмечено, что качество книжных сказок не равноценно. Были и такие, которые, как сказка П. Н. Полевого о Садко и Василии Буслаеве, не сумели передать идейной сущности былинных сюжетов и богатырских образов и вносили чуждые народной поэзии религиозно-моральные сентенции. Но такие и не имели в народе большого успеха. Характерно, что в сказке из Ленинградской области при полном следовании содержанию и композиции ступишской совершенно исключена указанная выше морализующая тенденция. Здесь наблюдается то же явление, которое было уже отмечено мною в отношении усвоенных из книг и обработанных текстов былии: чуждое народному сознанию и творчеству обычно отбрасывается.¹²³ В большинстве же книжек, как мы видели, сохранены патристические тенденции былинного эпоса, богатыри изображаются как могучие, свободолюбивые и бескорыстные защитники родины и народа. Книжки заносили эти традиционные образы, созданные народом, в те места, где не было устной былинной традиции, знакомили со многими сюжетами русского эпоса. В тех же местах, где жил эпос в устной традиции, они поддерживали и расширяли былинное знание.

¹²² Рукоп. отд. ИРЛИ, р. V, колл. 118, папка 22, № 45.

¹²³ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 299—332.

Русские народные сказки о былиных богатырях, возникавшие то в результате разложения былины, разрушения ее классической стихотворной напевной формы, то под воздействием сказок, распространяемых в лубке и книжках для народа, — явление, главным образом характерное для позднейшего этапа жизни эпоса, для XIX и начала XX века.¹²⁴

Образование этих сказок — одно из интересных и важных явлений в народно-поэтическом творчестве XIX—XX веков. Былинное сказительство уже с середины XIX века все более и более замыкается в пределы отдельных районов. Сказки же получают повсеместную распространенность, проникают и в иноязычную среду. Лучшие из них, сохранившие демократические тенденции героического эпоса (а таких сказок, мы видели, было немало), явились проводниками этих тенденций в народные массы и широко пропагандировали замечательные художественные создания русского народа — образы богатырей.

Многие сказки, как мы видели, — книжного происхождения. Однако записи свидетельствуют о том, что источник усваивался обычно творчески, о чем говорят привнесения новых эпизодов и мотивов, вариации, дополнения, изменения.

Рассмотрение сказок на былинные сюжеты подсказывает два важных вывода: 1) на основе одних только записей сказок в определенном районе нельзя утверждать, что здесь существовала раньше былинная традиция и сказки являются переоформленными остатками ее, так как эти сказки могли быть занесены и устным, и письменным путем; 2) к вопросу о следах полузабытой древней традиции, которые могли быть донесены сказкой, следует подходить с крайней осторожностью, чтобы не впасть в ошибку и не принять за эти следы вымысел авторов в народной книге.

¹²⁴ Можно предположить, конечно, что отдельные случаи возникновения подобных сказок могли быть и в более ранние эпохи бытования былины, но как факт определенной традиции это явление позднего фольклора. Для более ранних периодов скорее можно предположить бытование рядом с классической былиной прозаических пересказов-побывальщин.

Кроме сказок, в которых богатыри русского эпоса являются главными героями, сказок, построенных в основном на былинных сюжетах, имеются у русского народа и такие, где богатыри эпоса действуют в сюжетах небылинных, часто в роли второстепенных персонажей. Иногда они замещают собой в некоторых эпизодах других сказочных героев, а порой выступают в качестве помощников главного героя.

Это прежде всего сказки о мнимом богатыре, самонадеянном хвастуне, случайно или с помощью хитрости одерживающем победы: Фоме Беренникове, Голе Воянском, Голи-Голете, Иване Сарафанчикове и др.¹²⁵

Как известно, в этих сказках повествуется о некоем мужике, никудышном хозяине, глупце и лентяе, который возомнил себя богатырем после того, как одним ударом убил много мух, оводов, комаров. Он распускает о себе славу как о сильном богатыре («одним махом сто побиваю», «сразу побивает двенадцать могучих богатырей да опричь того силу несметную» и т. п.), и эта слава привлекает к нему настоящих богатырей. В разных вариантах выведены Илья Муромец, Алеша Попович, иногда Чурла вместе с Бовой-королевичем и Ерусламом Лазаревичем. Все они изображены могучими богатырями, побеждающими несметные войска, но одновременно и простаками, искренне считающими себя «меньшими братьями» сильнейшего, по их убеждению, героя сказки. Их роль в сказке, таким образом, подсобная. Они помогают сатирически оттенить мнимую доблесть народийного героя.

Сказки эти довольно широко распространены в русском фольклоре, встречаются и у других народов СССР.¹²⁶

Чаще всего в сказках на небылинные сюжеты упоминаются Илья Муромец и Алеша Попович. Выше мы видели, что к имени Ильи приурочены многие небылинны

¹²⁵ Афанасьев, III, №№ 430—432 и стр. 429; Записи Красноярского полотдела Восточно-Сибирского отдела РГО, 1902, стр. 96, № 49, и др. (см.: Андреев, № 1640).

¹²⁶ См., например, коми сказку «Сын вдовы господин Иван Сарафанчиков», опубликованную в сборнике, составленном И. Осиповым, «Висер вожса сьсыланкывъяс да мойдкывъяс» (Сыктывкар, 1941, стр. 247—256).

сюжеты и эпизоды. Они входят в состав сложных сказок об Илье, где вступают в различные композиционные связи с сюжетами и эпизодами, заимствованными из былин.

Имеются случаи прикрепления к имени Ильи Муромца сюжетов героической сказки и без объединения их с былинными. Так, в Омской области был записан, по сообщению В. А. Василенко, «краткий рассказ о том, как Илья Муромец пахал землю на Змее, после чего остались громадные рвы, якобы сохранившиеся и до наших дней»,¹²⁷ т. е. сюжет сказки-предания о Никите (Кирилле) Кожемяке.¹²⁸

Популярен в сказках и Алеша Попович. В сказке «Кузьма скоробогатый»¹²⁹ Алеша Попович дважды побивает по целому вражескому войску. В конспектированной записи о силаче и его спутниках Усыне и Горыне, помещенной во втором томе «Сборника великорусских сказок из Архива Русского географического общества»,¹³⁰ имя Алеши Поповича придано главному герою, которому удается расправиться с мужичком с ноготок, вредящим герою и его товарищам.¹³¹

Главным героем сказки Алеша Попович является и в интересной записи, произведенной Л. В. Домановским в 1938 году в Калининской области от 14-летнего колхозного пастуха.¹³² В сказке объединены два сюжета: о том, как герою (в данной сказке — Алеше Поповичу) остроумно удается выполнить трудные задания, назначенные ему его отцом с целью погубить его, и о победе героя над Змеем с помощью чудесных спутников Горыни, Усыни и Морыни. Упоминается Алеша Попович и в сложной сказке, объединяющей сюжеты №№ 315, 576, 590 по указателю Н. П. Андреева и записанной от современного сказочника И. Ф. Ковалева.¹³³

¹²⁷ Василенко, стр. 173.

¹²⁸ См.: Афанасьев, I, № 148. См. там же, стр. 621, комментарий Н. П. Андреева о распространении аналогичных преданий в русском, украинском и белорусском фольклоре с приурочением к разным лицам (Борису и Глебу и др.).

¹²⁹ Иваницкий, стр. 197.

¹³⁰ Смирнов, II, № 361.

¹³¹ Прикрепление этого же эпизода к Илье Муромцу находим в ряде сказок.

¹³² Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 99, папка 1, № 54.

¹³³ Сказки И. Ф. Ковалева. М., 1941, № 18.

Во всех этих случаях персонаж, получивший имя Алеша Поповича, является положительным героем сказки, наделенным смелостью и смекалкой. Однако некоторые отрицательные черты морального облика Алеша Поповича в былинах привели к прикреплению его имени к другого рода действующим лицам.

В сказке «Василий-царевич и Елена Прекрасная»¹³⁴ именем Алеша Поповича наделен клеветник, оговаривающий жену Василия-царевича, Елену Прекрасную, в неверности. В конце сказки Алеша разоблачен и расстрелян. В сюжетной ситуации чувствуется смутное припоминание былины «Алеша Попович и сестра Сбродовичей-Петровичей». Ту же ситуацию и с тем же участием Алеша Поповича находим в сказке «Данило Бесчастный»,¹³⁵ где Алеша наделен эпитетом «бабий пересмешник», часто встречающийся и в былинах.

В неприглядной роли интригана изображен Алеша Попович и в белорусской сказке «Иван Прекрасный и князь Ладымяр»,¹³⁶ представляющей особый вариант сказки о Даниле Бесчастном — с припоминанием былинного сюжета «Данила Ловчанин». Алеша Попович, именуемый в сказке просто Алешкой, сперва наговаривает князю Владимиру на Ивана Прекрасного, что он будто бы обижен на князя, у которого не выслужил «ни платья цветного, ни слова доброго». Затем, когда Иван женится на Алене Сиволабовне, Алешка доносит князю, что Иван нашил себе жену, краше которой в свете нет. Это побуждает князя дать Ивану опасное поручение (достать «самограйные гусли»), выполнение которого должно погубить героя (ситуация «Данилы Ловчанина»). В этой сказке Алеша получает выразительную характеристику — «легок на язык, сладок на слова».

Значительно реже появляется в сказках на небылинных сюжетах Добрыня Никитич. Вместе с Алешей Поповичем он фигурирует в одной вятской сказке (записанной еще в 1870-е годы), где они оба оказываются победителями Идола Идолыча.¹³⁷ В сказке имеются отдельные припоминания об Идолище Поганом, объединенные со сказанием

¹³⁴ Афанасьев, III, № 314.

¹³⁵ Там же, № 313.

¹³⁶ Беларускі эпас, стр. 78.

¹³⁷ Зеленин В., № 100.

о Вии (брови Идола поднимают семью вилами, чтобы он мог увидеть своих противников).¹³⁸

В некоторых сказках богатыри русского эпоса упоминаются только в завязке и в дальнейшем развитии действия участия не принимают. Так, в двух вариантах сказки о Балдаке Борисьевиче, испытавших на себе заметное воздействие былинного эпоса,¹³⁹ в самом начале выводятся: в первом — Илья Муромец, во втором — Илья и Алеша Попович. Изображен пир у князя Владимира. На пиру идет речь об ответственном поручении, которое князь предлагает выполнить (увести у султана коня, убить кота-бахаря, самому султану в глаза наплевать). В первом варианте вызывается выполнить поручение Илья Муромец, но дочь князя предлагает Балдака, которого следует искать по кабакам (припоминание известной ситуации былины о Василии Игнатьеве). Во втором варианте сам «стар казак» Илья Муромец указывает на Балдака (в данном варианте — Булдака) как на возможного исполнителя «службы великой», а за Булдаком в кабак идет Алеша Попович. Но Булдак прогоняет Алешу. Тогда идет в кабак Илья Муромец и приводит Булдака к князю. Далее ни тот, ни другой богатырь уже более в сказке не действуют.

Из сказанного видно, что и в сказках, построенных на сюжетах типично сказочных — волшеббно-фантастических и новеллистических, кроме того, что в них выступают богатыри былины в роли второстепенных и эпизодических персонажей, встречаются некоторые отражения былинных ситуаций, эпизодов и образов даже тогда, когда обычные герои этих эпизодов в былинах не выведены и имен их нет.

Приведу еще примеры. Припоминания из былины о Ставре находим в сказках «Василиса Поповна» и «Царица-гусляр»,¹⁴⁰ из былины о Садко — в сказках «Мужик и водяной»¹⁴¹ и «Об Иване несчастном»,¹⁴² припоминания из «Дуная» — в сказках «Как князь Владимир женился»¹⁴³ и «Князь киевский Владимир и Илюшка, сын Матросов»,¹⁴⁴

¹³⁸ Ср. с аналогичным эпизодом белорусской сказки, упомянутой ниже, стр. 82.

¹³⁹ Афанасьев, III, № 315; Смирнов, II, № 298.

¹⁴⁰ Афанасьев, III, №№ 316, 358.

¹⁴¹ Смирнов, II, № 280.

¹⁴² В. С. Шурьгин. Сказки Смоленского края. Смоленск, 1952. стр. 63.

¹⁴³ Соколовы, № 111.

¹⁴⁴ Зеленин П., № 96.

из былили о Василии Окуловиче — во многих сказках.¹⁴⁵ Припоминания из былили о Василии-пьянице мы видели в вариантах сказки о Балдаке, находим также в вологодской сказке «Про царя и про Михайлу Трунщикова».¹⁴⁶

Образ Идолища Поганого как врага героя встречается в сказках часто, порой с теми же чертами, что и в былинах: о трех головах, о шести, о девяти,¹⁴⁷ чудовищно прожорливого.¹⁴⁸ Аналогично былинам бывает изображено и столкновение героя с Идолищем (характерный диалог, способ поражения Идолища героем).

Но все эти случаи былинных реминисценций — явление уже иного порядка, чем то, которое рассматривается в данной работе. Вопрос здесь касается характера воздействия былинного эпоса на сказку, которое проявляется в ее композиции и стилистике, а это — часть общей проблемы взаимодействия обеих эпических жанров, живших бок о бок в устной традиции.¹⁴⁹

¹⁴⁵ Соколовы, № 113; Афанасьев, III, № 315, и др.

¹⁴⁶ Иваницкий, стр. 165.

¹⁴⁷ См., например: Соколовы, № 112.

¹⁴⁸ Беларускі эпас, стр. 85.

¹⁴⁹ Особой темой является также изучение преданий о богатырях. Выше указано предание об Илье Муромце, основанное на сказочном сюжете о Кожемяке. В Эстонии среди русского населения записан ряд преданий, также связывающих определенные места — горы, курганы, озера — с именами Ильи Муромца и Добрыни. В некоторых таких преданиях Добрыня смешивается с Калевичевым (сообщение В. Ф. Шмидт).

Глава II

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ О БОГАТЫРЯХ РУССКОГО ЭПОСА В ФОЛЬКЛОРЕ ДРУГИХ НАРОДОВ СССР

1

Как уже говорилось в начале работы, в устной поэтической традиции многих народностей СССР тоже встречаются рассказы, героями которых являются богатыри русских былин и в которых отразились сюжеты или отдельные эпизоды былинного эпоса. Большинство этих устных рассказов носит характер сказок, некоторые близки к типу преданий и легенд.

Наличие в фольклоре народов СССР сказок о богатырях русского эпоса несомненно заслуживает внимания. Если сказки о былинных богатырях занимают видное место в русской народно-поэтической культуре, способствуя широкому распространению образов русского эпоса, то тем более велико их значение в поэтической культуре других народов. Былины в их классической стихотворной форме почти не усваивались в национальном фольклоре даже самыми ближайшими соседями русских в районах активного бытования былин. По крайней мере нам известны лишь немногие случаи, когда среди иноязычного населения находились отдельные лица, знавшие и исполнявшие русские былины на своем языке. В сборнике Ф. В. Плесовского «Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс» (Сыктывкар, 1956) опубликована на стр. 193—197 былина об Илье Муромце.¹ Это довольно длинная былина в 187 стихов на

¹ Она переведена на русский язык научным сотрудником Коми филиала Академии наук СССР А. К. Микунцевым.

сюжет «Илья Муромец и Идолище», записанная примерно в середине 1920-х годов на Печоре.² В те же годы, по сообщению А. К. Микушева, поэтом В. Т. Чисталевым был записан на коми языке фрагмент эпического сказания о Федоре Тироне-змсеборце. Сам А. К. Микушев слышал и записывал в 1956—1957 годах на Печоре и верхней Вычегде эпические песни о Красивом Романе («Мича Роман») — сюжет былины-баллады о князе Романе и его жене Марье Юрьевне. О том, что среди коми есть сказители, поющие русские былины на своем языке, слышал во время своих поездок А. Д. Григорьев. Один крестьянин из Усть-Цильмы говорил ему, что на Печоре в Красноборской волости «поют старины и зыряне, но на зырянском языке. . . поют, например, про Платова-казака, Илью, Добрыню, Ивана».³ Но сообщение это осталось в те годы непроверенным.

В 1930-е годы в Сегозерском районе Карельской АССР был известен карел Т. Е. Туруев, хорошо знавший русские былины и исполнявший их не только по-русски, но и по-карельски.

Значительно чаще случаи исполнения отдельными представителями некоторых народностей СССР былин и близких к ним произведений других эпических жанров на русском языке. Еще П. Н. Рыбниковым были записаны в дер. Прятки Святозерской волости Петрозаводского уезда от карелки Дмитриевой былина о Святогоре, побывальщицы об Илье Муромце и Идоле-богатыре (т. е. Идолище) и о Дюке и эпический духовный стих «Оника-воин».⁴ От другого представителя карельского народа, Василия Лазарева, крестьянина дер. Кяменицы Повенецкого уезда, Рыбников записал пять былин и две старших исторических песни.⁵ К сожалению, об этих исполнителях Рыбников почти никаких сведений не дал, не сообщил ни о происхождении их былинного знания, ни о том, не сказывали ли они оба известные им сюжеты на карельском языке и в какой именно форме и т. п. Упомянув о Дмитриевой как исполнительнице, он только сообщает, что Святозерская волость, расположенная поблизости от границы с Финлянд-

² Точной датировки нет. Оригинал на коми языке хранится в фольклорном фонде Республиканского музея г. Сыктывкара.

³ Григорьев, I, стр. 16.

⁴ Рыбников, I, №№ 86—89.

⁵ Там же, II, №№ 103—109.

дией, наполовину была населена карелами.⁶ Факт этот важен: через Дмитриеву некоторые сюжеты и образы русского эпоса могли стать известными ее землякам-карелам.

О знакомстве карел с былинами П. Н. Рыбников говорит в своей «Заметке собирателя»: «Прежде я полагал, что карелы совсем не знают былины; но после убедился, что они, растеряв и позабыв свои лирические и эпические песни,⁷ переняли из русских первые и отчасти последние. В настоящее время я лично знаю кареляка и карелку, которым известны старины: Василия Лазарева из дер. Кямениц Повенецкого уезда и Дмитриеву из дер. Пряток Петрозаводского уезда. Кроме того, я слышал об одном старике кареляке из Святозера, который будто бы помнит много былин».⁸

Карел Т. Е. Туруев, исполнявший былины на карельском языке, передавал их, как уже было сказано, и по-русски.⁹

Отдельные случаи исполнения русских былин иноплемennыми соседями русских в районах живой эпической традиции наблюдались и у некоторых других народностей. В 1928 году Е. В. Гиппиусом и Э. В. Эвальд на Мезени в коми деревне Латьюга, граничащей с русским селением Вожгоры, был записан фрагмент былины «Василий Буслаевич», спетый коми сказителем на русском языке.¹⁰ Знание былин встречалось эпизодически и среди обруселых ненцев на Печоре, исполнявших былины только по-русски.¹¹ Автору данной работы в 1929 году в Усть-Цильме тоже встретилась ненка, исполнившая, правда очень путано, былину об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

Все отмеченные случаи, свидетельствуя о проникновении русского эпоса в иноязычную среду, показывают и возможности дальнейшего, более широкого распростране-

⁶ Там же, I, стр. 153.

⁷ Собрание фольклора среди карел в советское время показало ошибочность этого утверждения П. Н. Рыбникова.

⁸ Рыбников, I, стр. С1, примечание.

⁹ Записанные от него тексты хранятся в Архиве Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. Об особенностях былин Т. Е. Туруева и источниках его знания см.: А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 299—314.

¹⁰ См.: Астахова, I, Наневы мезенских и печорских былин, Приложение.

¹¹ См., например, в сборнике Н. П. Леонтьева «Печорский фольклор» (Архангельск, 1939) былины В. П. Тайбарейского.

ния в ней былинные сюжеты, образов богатырей, рассказов об их подвигах и похождениях. Карелы, коми, ненцы, знавшие русский язык, могли знакомиться с образами русского эпоса непосредственно из устной традиции, слушая исполнение былины в их классической форме. Некоторые, как мы видели, усваивали их и исполняли на русском же языке. Но те же сказители могли если не перекладывать усвоенные ими по-русски былины на свой язык, сохраняя былинные стиль и стихотворный склад (такие случаи, мы видели, были исключительными), то пересказывать содержание былины прозой в виде побывальщин и сказок. Такой путь более широкого проникновения русского эпоса в иноязычную среду — наиболее естественный и закономерный. Другой путь — усвоение от русского населения былинных сюжетов, переданных уже не в форме классической былины, а прозой, как побывальщины или сказки. Очевидно, на основе таких именно прозаических пересказов и складывались у народов СССР в местах, где собственно былинной традиции не было, различные сказки и предания о героях русского эпоса.

Сказки и предания о былинных богатырях, как уже было сказано в начале книги, известны у белорусов, украинцев, эстонцев, карел, финнов, коми, удмуртов, марийцев, чувашей, мордвы, якутов, латышей, эвенков. Записей не очень много. Сейчас в поле моего зрения имеется 20 опубликованных вариантов (многие в русских пересказах) и 26 рукописных в точных переводах на русский язык. Сравнительная скудость выявленных материалов еще не говорит о малой распространенности подобных произведений. Во-первых, еще не все, что имеется в этой области — и в архивохранилищах, и в частных собраниях — мне удалось получить. Так, в архивохранилищах Украины, наверное, найдутся еще сказки об Илье-Муромце, кроме опубликованных. В чувашском фольклоре известны мне пока лишь сказка об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, изложенная В. Магнитским в его книге «Материалы к объяснению старой чувашской веры» (Казань, 1881), и запись сказки на тот же сюжет в архивном собрании Н. В. Никольского.¹² Возможно, что имеются в местных архивах и

¹² Переведена И. И. Одиюковым. Оригинал на чувашском языке хранится в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чув. АССР, фонд проф. Н. В. Никольского, лл. 16—18.

еще записи. По сообщению М. Г. Воскобойникова, записи сказок о богатырях русского эпоса производились не раз и от эвенков, но пока мне стал известен лишь один вариант. Во-вторых, предполагаю, что наличие в национальном фольклоре сказок и преданий с отзвуками русского эпоса недостаточно привлекало к себе внимание собирателей фольклора и фиксировалось часто мимоходом, порой в связи с этнографическими изысканиями, как это мы видим, например, у В. Магнитского и Гр. Верещагина.

Все же материал, которым мы располагаем, достаточно показателен и позволяет сделать некоторые выводы.

Как и в отношении русских сказок о былинных богатырях, основной вопрос, который должен быть поставлен при изучении данного явления в национальном фольклоре, это вопрос о соотношении идейного содержания этих сказок с идеологией героического эпоса и о сочетании в них эпического повествования со сказочным. Кроме того, существенным в изучении именно нерусских сказок о богатырях представляется вопрос о национальной специфике сказок различных народностей.

2

Огромное большинство иноязычных сказок на былинные сюжеты связано с образом Ильи Муромца. Только у карел и коми встретились сказки, основанные на сюжетах о Добрыне Никитиче, а у карел еще и сказки, отразившие сюжет былины о Дюке Степановиче. Наличие у карел и коми сказок, специально посвященных не только Илье Муромцу, но и другим богатырям, обусловлено, конечно, культурными взаимоотношениями этих народов с русским как раз в местах наиболее интенсивной былинной традиции. В сказках других народностей тоже порой упоминаются и другие богатыри — Добрыня, Алеша Попович, часто Святогор, иногда сказки используют сюжеты об этих богатырях и отдельные эпизоды из былины о них, но всегда увязывают все это с Ильей Муромцем.

Так, в белорусской сказке, записанной С. И. Василенком в 1949 году в Гомельской области, после рассказа о победе Ильи над Соловьем-разбойником следует совсем кратко изложенный эпизод о бое Ильи с неким богатырем (очевидно, чужеземным), вызывавшим киевских богаты-

рей на единоборство. Сперва едут против него один за другим Алеша Попович и Добрыня, и оба погибают. Тогда едет Илья и побеждает богатыря.¹³ В этом эпизоде нетрудно увидеть смутное припоминание былин о заставе богатырской и бое Ильи с богатырем-нахвалящником.

В якутскую сказку об Илье Муромце, сообщенную И. А. Худяковым,¹⁴ вставлен пересказ сюжета «Алеша Попович и Тугарин» (в сказке он именуется «Смерть Тамарович»). Сюжет в основном пересказан традиционно, лишь с некоторыми своеобразными деталями. Например, Смерть Тамарович дважды пытается на пиру убить Алешу — бросает в него сперва меч, затем, после второй насмешки Алеша над его прожорливостью, — стальную шляпу с острыми краями; утром в день поединка Смерть Тамарович взлетает вверх на огромной птице с бумажными крыльями.

Как же увязан этот сюжет о Тугарине с повествованием об Илье Муромце? На пиру, где происходит указанное столкновение, присутствует Илья. После победы Поповича над Смертью Тамаровичем Илья и Алеша братаются и дают друг другу слово помогать один другому. В дальнейшем Илья Муромец вместе с Поповичем одолевают железные и огненные войска, принадлежащие прекрасной царь-девице, на которой Алеша и женится. Илья Муромец гуляет на его свадьбе.

В одной белорусской сказке находим рассказ о встрече Ильи Муромца с «сильным-пресильным» богатырем-пахарем.¹⁵ Они спорят, кто из них сильнее, и неизвестный богатырь предлагает Илье вытащить из земли его сошку. Илье не удастся этого сделать, и он признает, что богатырь-пахарь сильнее его. Так, в совершенно переоформленном виде в сказку об Илье Муромце включен центральный эпизод былины о Вольге и Микуле.

Одна из финских сказок¹⁶ заканчивается рассказом о состязании Ильи Муромца и некоего калики в перепрыгивании через камень «спиной вперед» — известный эпизод былины о смерти Василия Буслаева. Также с Илеей связан в одной коми сказке¹⁷ эпизод соперничества Чурилы

¹³ Беларускі эпас, стр. 59.

¹⁴ Верхоянский сборник, стр. 254—268.

¹⁵ Беларускі эпас, стр. 60.

¹⁶ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 12—15.

¹⁷ Коми филиал, запись 1945 г. из Железнодорожного р-на.

и Дюка. Характерно, что при полном переосмыслении эпизода сохранился образ чванного задиры Чурилы. Положив Соловья-разбойника, Илья прибывает в Киев. В это время в церкви идет служба. Илья входит в церковь и становится впереди киевского богатыря Гурины Пленковича. «Крепко разозлился Гурина», — говорится в сказке. На улице он останавливает Илью Муромца и говорит ему: «Почему ты передо мною стал? Меня перед всеми людьми осрамил, я Киев-град охраняю, я здесь главный, а ты впереди меня смел стать». Илья предлагает состязаться, кто кого выше бросит. Гурина совсем не смог поднять Илью. Илья же бросил его высоко, а затем поймал, как мячик. После этого следует сцена свиста Соловья в присутствии киевлян. Гурина Пленкович, как и многие другие, падает без памяти.

Однако такие вкрапления в сказки об Илье Муромце сюжетов других циклов сравнительно редки.

Сюжетный состав нерусских сказок об Илье Муромце и их композиция чрезвычайно разнообразны. Но почти все они начинаются, как и русские сказки, с рассказа об Илье-сидне, об его чудесном исцелении и получении им силы. Почти все включают в эту часть эпизод крестьянской работы Ильи Муромца в помощь родителям в разных версиях (корчевание леса под пашню, косьба, огораживание поля, колка дров) и рассказ о добывании Ильей богатырского коня.

Сюжет былины об исцелении Ильи-сидня — несомненно один из самых популярных и распространенных в национальных сказках, использовавших мотивы русского эпоса. Имеются даже сказки, где только эта, начальная их часть, неизменно включающая традиционные подробности исцеления, помощи родителям и выбора коня, связывает эти сказки с русским эпосом об Илье Муромце, даже если исчезло само имя героя, а далее сказки разворачиваются уже без опоры на эпос, разрабатывая ряд чисто сказочных эпизодов. Такова, например, латышская сказка о богатыре Илине из собрания Ф. Я. Трейланда.¹⁸ После исце-

¹⁸ Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дапковском этнографическом музее, вып. II, М., 1887, № 99, стр. 144—151. Точно такая же сказка напечатана под заглавием «Илинъ» в сб. «Латышские народные сказки» (Рига, 1958) с указанием времени записи — 1898 г. и источника — сб. «Латышские народные предания и сказки» («Latviešu tautas, teikas un pasakas», т. VII, 1898). Однако

ления и получения богатырской силы Илья уходит из дому, встречается и борется поочередно с тремя великанами, которых, победив, делает своими работниками, странствует вместе с ними, вызволяет из пещеры подземного царства заключенную там красавицу, убивает ее жестокого отца — старика с большой седой бородой — и поселяется вместе с ней в замке старика. Словами «Там он и поныне живет да поживает, коли не умер» сказка заканчивается. В ней использованы широко известные сказочные ситуации и мотивы — борьба с мужичком с ноготок, обмен «сильной» и «слабой» воды, предательство спутников героя, пытающихся завладеть добытыми им сокровищами и красавицей и др.¹⁹

Другая, эстонская сказка,²⁰ тоже использовавшая сюжет об исцелении, развернута далее как авантюрно-героическая сказка. Герой, поступив в слуги к королю, совершает под чужим видом ряд подвигов, но по пересвязке, сделанной ему самим королем после его ранения, его узнают. Кончается по-сказочному. Герой женится на королевской дочери и живет с ней счастливо много лет, управляя после смерти короля страной. Само имя героя (Адольф) явно взято из рыцарских авантюрных повестей, хотя в начальной части он изображен крестьянским сыном и припоминания былинного сюжета об исцелении Ильи Муромца совершенно очевидны.

Эпизоды исцеления, добывания коня и оружия на первый взгляд роднят и белорусскую волшебную сказку «Безногі багатыр» с былинами об Илье Муромце.²¹ Но сказка безыменна, а переключка с былиной здесь — лишь в общности мотивов, но не в деталях их разработки. Это случай, когда переключка может быть объяснена общностью источника — сказками об исцелении сидня, ведь как раз на основе таких сказок возникла и сама былина об исцелении.

составление обеих публикаций (1887 и 1958 года) не оставляет никакого сомнения в том, что латышский оригинал обеих идентичен, что это одна и та же сказка. Очевидно, указание на год записи во втором случае ошибочно.

¹⁹ См.: Андреев, № 301.

²⁰ Лит. муз. Крейцвальда, Н III 7, 772/8 (2) (запись 1890 г. от портного М. Каура).

²¹ Беларускі эпас, стр. 68—73.

Очень интересна одна из эстонских сказок, построенная исключительно на теме исцеления.²² Некоторые детали в этой сказке (просьба старика-целителя дать ему пить, помощь родителям в чистке покоса и корчевании, чрезмерная сила, которой наделяет героя Яана старик, формула измерения силы — «чтобы я мог стащить небо на землю») побуждают видеть в ней припоминания сюжета об исцелении Ильи Муромца. Но сюжет этот совершенно переосмыслен. Он перестал быть прелюдией к рассказу о подвигах героя и получил самостоятельное значение, выражая определенные крестьянские стремления и интересы. Яан — крестьянин и должен быть здоровым и сильным, чтобы успешно выполнить тяжелую крестьянскую работу. Но старик наделяет его такой силой, что сразу же обнаруживается ее обратная сторона. Увидя во дворе толстые бревна, которые с большим трудом отец привез для постройки новой избы, Яан, думая, что они привезены для варки каши, ломает их. Но неразумное желание, высказанное Яаном, — «стащить небо на землю» — вызывает уменьшение силы. «И был уже не сильнее, чем всякий другой человек», — говорит сказка. «Он стал теперь работать, научился всему, как и другие, и отец с матерью радовались, что эта большая сила у него пропала».

Другие наиболее часто используемые былинные сюжеты в нерусских сказках о богатырях: победа над Соловьем-разбойником (в одной белорусской сказке — над «негидным Соколом»),²³ уничтожение Идолища (Обжоры, Прожора, Мироеда), встреча Ильи со Святогором, смерть Святогора и передача им силы Илье — одним словом, те же, что обычно входят и в русские сказки об Илье Муромце. Встречаются в сказках также эпизоды военных столкновений Ильи Муромца с разными чужеземными богатырями, из которых один иногда оказывается его сыном, с вражескими полчищами и т. д. — эпизоды, в которых отразились былины о заставе богатырской, о Калине-царе, о Сокольнике и т. п. В некоторых сказках встречаются припоминания сюжета о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром.

Состав и композиция сказок различны. Рассказов, в которых был бы использован подобно некоторым рус-

²² Лит. муз. Крейцвальда, II 56, 976/80 (7).

²³ Беларускі эпас, стр. 51—56.

ским сказкам весь или почти весь цикл былин об Илье Муромце, в национальном фольклоре нет. Чаще всего повествование о подвигах чудесно исцеленного богатыря ограничивается сюжетом о победе над Соловьем-разбойником. Нередко к нему присоединяется еще рассказ о столкновении с Идолицем или о встрече со Святогором. Последние два сюжета следуют иногда каждый в отдельности за рассказом об исцелении или оба вместе с сюжетом об исцелении образуют сказку. Таким образом, преобладает тип сказки, отразившей два или три сюжета. Сказки, в которых отражены четыре сюжета, редки. Думается, что это некоторое отличие сказок об Илье Муромце в национальном фольклоре от русских сказок проистекает от того, что на русские сказки в большей мере, чем на сказки других народов, оказывала непосредственное влияние народная книга второй половины XIX и начала XX века, предлагавшая широкому читателю как специально созданные на основе научных сборников своды былин об Илье Муромце,²⁴ так и сложенные на той же основе сказки о главном герое русского эпоса, о чем была речь в предыдущей главе.

Но, кроме эпизодов явно былинного происхождения, в национальных сказках о богатырях встречаются, как и в русских сказках, эпизоды, перенесенные из волшебных или авантурных сказок. О том, что встречаются сказки, в которых отражен только сюжет об исцелении, а последующее повествование представляет собой чистейшую волшебную сказку, говорилось выше. Но и сказки, определенно построенные на былинных сюжетах, включают одни в большей, другие в меньшей мере сказочные элементы.

В упомянутой уже белорусской сказке из Гомельской области²⁵ последний подвиг Ильи Муромца — борьба его с двенадцатиглавым змеем. В одной из украинских сказок, зафиксированной еще в 1860-е годы,²⁶ тоже имеется эпизод победы над змеем, на этот раз тридцатиглавым, от которого Илья спасает плененную змеем красавицу. В той же сказке используются некоторые мотивы сказаний о Еруслане Лазаревиче: Илья разыскивает того, кто

²⁴ См. о них мою статью «Былины в народной книге и других общедоступных изданиях конца XIX — начала XX века» («Сов. этнография», 1960, № 4).

²⁵ Беларускі эпас, стр. 57—61.

²⁶ Миллер. Материалы, стр. 122. 125.

сильнее его, и ту, которая краше встретившийся ему де-
вушки; он возвращает зрение родителям, ослепленным и
брошенным в тюрьму; встречает исполинскую голову,
из-под нее достает меч, которым можно убить богатыря-
чародея. В одну коми сказку²⁷ включен еще подвиг Ильи
Муромца — его бой с Полканом-богатырем, получелове-
ком-полукошем. После своего поражения Полкан, совсем
как в сказании о Бове-королевиче, обещает быть верным
слугой Ильи. Конь Ильи Муромца в этой сказке подобно
сказочному Сивке-Бурке прибегает к Илье каждый раз
по зову: «Сивка-Бурка, Косматушка, явись ко мне!». По-
сказочному изображен конь и в одной белорусской
сказке.²⁸ Сделав себе булаву и пику, Илюша вышел в чи-
стое поле и крикнул по-молодецки, свистнул по-казацки:
«Каб мой конь сычас тут быў!». Конь прибегает —
«бязыць, земля дрыжыць». Спрашивает: «Чаго, Ілюшка,
жалася?».

Сказочные элементы порой совершенно преобразуют
привычные эпические образы. В финской сказке из де-
ревни Ниталати близ Олонца²⁹ Илья Муромец — это
ожившая, вырезанная мужем и женой из ольхи детская
фигурка. Дитя живое, но без рук, без ног и не говорит.
В отсутствие родителей некий старик исцеляет дитя и да-
рует ему силу. В одной белорусской сказке находим изо-
бражение Прожора (Идолница) в виде Вия — от жира
у него глаза заплыли и заросли брови, которые ему поды-
мают вилами.³⁰

Но в наибольшей степени воздействие сказки на пове-
ствование о богатырях русского эпоса проявляется во
внесении новых эпизодов, расширяющих круг приклю-
чений и подвигов героя. Выше отмечено прикрепление
к Илье Муромцу в белорусском и украинском фольклоре
темы змееборчества. В эстонской сказке из дер. Воронко-
вой Сатсериннаской волости (запись 1934 года) Илья Му-
ромец по дороге к Соловью-разбойнику встречает одного
за другим трех чертей — одноглавого, двуглавого и трех-
главого, кнутом сбивает их головы и прячет под большой
камень.³¹ В эвенкийской сказке, записанной в 1960 году

²⁷ Коми филнал, запись 1948 г. на Удоре.

²⁸ Беларускі эпас, стр. 53.

²⁹ Веселовский. Малые заметки, стр. 15—17.

³⁰ Беларускі эпас, стр. 51—56. Ср.: Зеленин В., стр. 302.

³¹ Лит. муз. Крэйцвальда, S 89892/900 (4).

в Иркутской области³² и отразившей сюжеты былины об исцелении и о встрече Ильи со Святогором, за рассказом о смерти Святогора следует, как и в латышской сказке из собрания Трейланда, сюжет волшебной сказки о трех царствах: Илья Муромец встречается с двумя другими богатырями (один из них Алексей, сын попа), борется с неизвестным стариком (сказочный мужичок с поготовок, борода с локоть), освобождает девушек из медного, серебряного и золотого домов, затем, предательски оставленный спутниками под землей, спасается при помощи орла (используется известный эпизод кормления в пути орла кусками мяса со своей ноги) и женится на одной из спасенных девушек.

Примеры включения сказочных эпизодов и мотивов в сказки, построенные на былинных сюжетах, можно значительно умножить.

Сами сюжеты и отдельные эпизоды былинного эпоса пересказаны по-разному: то довольно близко по содержанию к былинам, более традиционно, то в сильно измененном виде, со многими своеобразными и необычными в былинном эпосе деталями.

Интересны в этих случаях постоянные переклички с русскими сказками. Например, в одной карельской сказке, записанной в 1939 году в Пряжинском районе,³³ чудесное исцеление через питье воды, кваса, браги, пива, поднесенных Илье прохожими, заменено целебным действием принесенных стариком капель. Приведу этот эпизод.

«Берет старичок из портфеля бутылочку, подаст каплю пить и говорит: „На, возьми, выпей!“. Парень выпил. „Как себя чувствуешь?“ — спрашивает старик. „А ровно как потяжелел“, — отвечает парень. „Еще ли, сынок, второй раз надо?“ — „Дал бы ты, дяденька, так очень хорошо стало бы“. Взял он и второй раз дал пить каплю. На второй раз парень выпил, встал на пол, ходит по нему, даже половицы на полу гнутся. Вот хорошо, старик и спрашивает: „Надо ли еще третий раз?“ — „А дал бы ты, дяденька, так еще лучше стало бы“».

В другой карельской сказке³⁴ три странника, зайдя в избу, садятся за стол, вытаскивают из котомки бутылку

³² Записал и перевел с эвенкийского на русский язык М. Г. Воскобойников (архив собирателя).

³³ АКФАН, колл. 114.

³⁴ Там же, колл. 148.

и рюмку и дают сидню, тоже трижды, выпить. И в эстонской сказке³⁵ старик дает Илье Муровичу принесенного с собой вина, «от которого можно стать здоровым». В эвенкийской сказке прохожий старик тоже поит Илью из какой-то «бутылочки», при этом Илья получает сперва силу чрезмерную, а затем от последнего глотка она уменьшается.

В русских сказках И. К. Лопничева из Кандалакши и сибирского сказочника Е. И. Сороковикова (Магая) странники тоже исцеляют Илью-сидня каким-то чудесным лекарством, одновременно наделяющим Илью и богатырской силой.³⁶

Во всех этих случаях ясно стремление более реалистически истолковать эпизод исцеления.

В ряде русских сказок встречается эпизод врубания Ильей топоров в дерево во время корчевания (помочане не могут затем этих топоров вытащить),³⁷ точно такой же эпизод находим в сказках удмуртской и финской.³⁸ В той же удмуртской сказке и в другой финской³⁹ эпизод смерти богатыря в гробу перенесен со Святогора на Илью Муромца — это же находим, как было указано, и в некоторых русских сказках.⁴⁰ В иноязычных сказках подобно русским иногда происходит смешение Ильи Муромца с Ильей-пророком, что придает сказкам легендарный характер. То Илья, после ряда подвигов возвратившись к родителям, умирает, становится святым и заведует грозовой тучей;⁴¹ то рассказывается, что Илья получил дар провидения, и бог его взял на небо «с телесами»;⁴² то с самого начала Илья назван Ильей-пророком, а в конце сказки говорится, что он взят живым на небо за то, что освободил из расщелины в горе человека, который находился в ней более 300 лет.⁴³

Такие переключки иноязычных сказок с русскими в необычных для былинного эпоса мотивах говорят о том, что сказки об Илье Муромце других народностей возникли

³⁵ Лит. муз. Крейцвальда, S 89892/900 (4).

³⁶ См. предыдущую главу, стр. 10—11.

³⁷ См., например: Сказкин, № 24.

³⁸ Верещагин, стр. 142; Веселовский. Мелкие заметки, стр. 12—15.

³⁹ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 15—17.

⁴⁰ См. стр. 16.

⁴¹ Беларускі эпас, стр. 51—56.

⁴² Там же, стр. 77.

⁴³ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 12—15.

кали порой не под непосредственным влиянием былин, а под воздействием уже сложившихся русских сказок и легенд.

3

Рассмотрим особенности построения отдельных частей сказок и отклонения их от эпической традиции в передаче былинных эпизодов.

Исцеление Ильи-сидня и получение им силы. Чаще всего сама сцена исцеления изображена традиционно, но встречаются и любопытные отклонения. Так, в нескольких карельских сказках обычная формула параличного состояния героя — «без рук, без ног» — раскрывается в прямом, буквальном смысле. «У сына не было ни рук, ни ног, одни чурки, на которых он с боку на бок перекатывался», — говорится в одной сказке.⁴⁴ По совету старика, который просит впустить его в избу, Илья переваливается с боку на бок, подкатывается к двери и открывает ее. Старик дает ему выпить воды, «и тогда у калеки появляются руки и ноги». В другой сказке⁴⁵ тоже говорится, что Илья кубарем выкатывается с печи на лежанку, с лежанки на пол, головой открывает дверь, и тогда «у парня появились и руки и ноги». О замене в некоторых сказках обычного способа исцеления через подношение прохожими Илье воды, пива, браги, кваса целебным действием принесенных капель или вина уже говорилось. В одной из карельских сказок старик излечивает Илью омовением.

Очень устойчиво в сказках эпическое определение Илье полученной им силы: он мог бы перевернуть землю или стянуть небо с землей, был бы столб с кольцом, за который можно ухватиться (вместо кольца упоминается иногда скоба как рукоятка). После этого признания Ильи обычно следует уменьшение целителями силы богатыря наполовину.

В латышской сказке из собрания Ф. Я. Трейланда этот мотив получил своеобразную разработку. Илья сам вместе с пришедшими к нему нищими строит каменный столб и поворачивает землю. Тогда нищий уменьшает его силу. Необычное определение Илье силы находим в одной эстонской сказке. На вопрос старичка-целителя: «Чувст-

⁴⁴ АКФАИ, колл. 93 (Пряжинский р-н, дер. Сысыйло).

⁴⁵ Там же, колл. 3 (Лоухский р-н, дер. Карелакша).

вуешь ли в себе силу?» — богатырь отвечает: «У меня столько силы, что я мог бы своей рукой свернуть все облака, как шелковый платок».⁴⁶ В украинской сказке⁴⁷ Илья, получив силу, тут же во дворе трижды перекидывает скалу, после чего уже заявляет, что если бы был в земле железный столб, он перевернул бы землю. В финской сказке Илья пробует силу, поднимая горницу выше колена.⁴⁸ Свообразно определяет в эвенкийской сказке Илья полученную им силу после первого глотка из бутылочки: «Коня за гриву поднял бы». Старик решает, что «еще мало», дает снова отпить, и тогда следует уже традиционное определение силы (за столб поднял бы землю).

Чудо исцеления происходит обычно по традиции во время отсутствия родителей, ушедших на крестьянскую работу. Чаще всего говорится об уходе их в лес расчищать лесной участок под пашню, корчевать, жечь пал. В этом тоже сказалась эпическая традиция. Но иногда говорится, что они идут заготавливать дрова, ставить изгородь, косить сено, а в одной карельской сказке «неводом рыбу ловить».⁴⁹ Соответственно изображено и приложение Ильею силы в крестьянской работе. Эпизод этот так же устойчив в сказках иноязычных, как и в русских. Очень мало сказок, где он отсутствует. Из восьми, например, известных мне карельских сказок, отразивших сюжет об исцелении Ильи Муромца, только в одной нет эпизода помощи родителям.

В большинстве сказок изображено корчевание. Илья выворачивает, как в былинах и в русских сказках, огромные деревья. Иногда говорится, что он запружает этими деревьями реку (в белорусских сказках она именуется то Дунаем, то Десной). Есть сказки, где корчевание заменено косьбой, что необычно для былинной традиции, но тоже встречается в русских сказках. В двух финских сказках Илья рубит дрова, в карельских и финских он ставит изгородь.

В разработке некоторыми сказками эпизода крестьянской работы Ильи Муромца явно сказались впечатления от местной природы и быта. Так, например, в карельских сказках огораживается поле, засаженное репой, а изгородь

⁴⁶ Лит. муз. Крейцвальда. Н III 7, 772/8 (2).

⁴⁷ Миллер. Материалы, стр. 122—125.

⁴⁸ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 7—9.

⁴⁹ АКФАН, колл. 3.

делается из толстых елей и сосен. В одной карельской сказке говорится, что Илья делает изгородь из жердей, для чего валит в пятнадцать вершков толщиной ели, сосны и осины. Северный характер леса упоминается в одной из карельских сказок и в другом эпизоде. Страшники просят Илью проводить их. Илья пошел. «Повел их по лесу, простился с ними и направился домой. Шагает по лесу, это был густой сосновый лес».⁵⁰ В эстонской сказке рассказывается, что родители косили в лесу: «сенокос был нехороший, росли довольно толстые елки»; Илья вытаскивает по очереди все елки и кладет их в ряд, «чтобы их легче было увезти».⁵¹ В финских сказках обычно говорится о заготовке дров. В одной из них Илья раскалывает шесть финских саженьей дров.

Образ богатырской работы Ильи Муромца усиливается некоторыми дополнительными деталями. Запрудив вначале вырванными деревьями реку, он бревном расчищает ее русло.⁵² Изгородь он делает такую, что отец и мать едва могут из-за нее выбраться, и т. д. Орудия, которыми Илья Муромец пользуется во время работы, часто не выдерживают его силы. Например, когда он попробовал валить деревья топором, «топор затрепал, топорнице не выдержало». И пришлось тогда Илье руками выдергивать деревья.⁵³ В указанной выше финской сказке Илья, после того как сложил изгородь, пробует пахать, но плуг вязнет в земле.

Для некоторых сказок характерно, что родители, радуясь выздоровлению сына, не радуются, однако, чрезмерной силе его. В этом выразились узко крестьянские соображения и интересы: такая сила в приложении к обыденному крестьянскому хозяйству имеет и свою оборотную сторону. «Не будет мне толку с этого сына, слишком он силен», — рассуждает отец Ильи Муромца в карельской сказке.⁵⁴ Мы уже видели, что сюжетный конфликт одной эстонской сказки⁵⁵ об исцелении сидня основан именно на идее о непригодности в крестьянском быту чрезмерной силы. Когда Яан, чтобы облегчить труд матери, ломает большие бревна

⁵⁰ Там же (Лоухский р-н, дер. Карелакша).

⁵¹ Лит. муз. Крейцвальда, II II 56, 976/80 (7).

⁵² АКФАН, колл. 148 (Калининская обл., Козловский р-н, дер. Захарово).

⁵³ Там же, колл. 93 (Пряжинский р-н, дер. Сыссойло).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Лит. муз. Крейцвальда, II II 56, 976/80 (7).

в щепки, отец сетует: «Если старик дал тебе ноги для ходьбы, то почему же он еще наделил тебя такой силой, от которой одни только неприятности?». И когда сила Яана уменьшилась, родители радуются, «что эта большая сила у него пропала» — Яан остается крестьянствовать.

Здесь особенно ярко проступает отличие сказки от былины. Идея, заложенная в указанных сказках, совершенно немыслима в эпосе, так как чудесное получение героем силы всегда дается в эпосе как пролог к предстоящим подвигам богатыря на благо народа.

Иноязычные сказки об Илье Муромце, как и русские, знают эпизод добывания богатырского коня. Так же, как и в русских, это рассказ о том, как Илья или его отец покупают негодного с виду жеребенка (иногда старую бессильную кобылу) у попа, соседей, вдовы, случайного прохожего, на базаре и в течение определенного срока выхаживают его.

Очень распространен эпизод троекратного выторговывания жеребца — эпизод, встречающийся и в русских сказках, но неизвестный былинам. Отцу кажется слишком дорогой плата, которую запрашивает поп или сосед: «Торгуются отец насчет жеребца. Дорог конь, не стал его покупать. Илья велел купить, пусть хоть как дорого запросят. Опять идет старик покупать, — теперь конь стоит двести рублей».⁵⁶ Иногда эта троекратная надбавка цены на жеребца объясняется тем, что Илья последовательно бракует покупку отца, и только на третий раз купленный конь удовлетворяет Илью.⁵⁷ Своеобразно мотивируется повышение стоимости коня в чувашской сказке.⁵⁸ Илья присматривает у одного чуваша жеребенка. Но за ночь жеребенок вырастает в большую лошадь. Хозяин спрашивает новую цену. Только через неделю сошлись в цене.

Как и в русских сказках, встречаются выбор коня наложением руки (мотив сказания о Еруслане)⁵⁹ и сказочный эпизод добывания коня, спрятанного за двенадцатью замками.⁶⁰ Очень оригинально и вполне по-сказочному изобра-

⁵⁶ АКФАН, колл. 3. См. также: колл. 93 и Верхоянский сборник, стр. 254.

⁵⁷ АКФАН, колл. 100 (Пряжинский р-н, дер. Пелдожи).

⁵⁸ Магнитский, стр. 251—253.

⁵⁹ Беларускі эпас, стр. 69—70.

⁶⁰ Коми финал, запись 1948 г. на Удоре. См. также, Беларускі эпас, стр. 75.

жено получение Ильей коня в одной коми сказке.⁶¹ Странники-целители, прощаясь с Ильей, обещают, что через три дня под окно прибудет вороной конь: «Седло и богатырские доспехи, меч-кладенец — все на коне. Ты садись на коня и скачи в Киев-град». И действительно, через три дня прискакал под окно вороной конь. О сказочном облике коня, перенесенном из волшебных сказок о Сивке-Бурке, уже говорилось.⁶²

Эпизод добывания коня нередко дополняется рассказом о приобретении Ильей богатырских доспехов и оружия. Илья то сам выковывает в кузнице посох, палицу, булаву, копье, меч, то заказывает их кузнецу (карельские и белорусские сказки), причем пробует их прочность: разобьются или останутся целы при подбрасывании вверх и ударе о землю (белорусская сказка). Иногда оружие Илья получает непосредственно от целителей (финская сказка), иногда — от отца, который передает ему доспехи, меч и лук со стрелами, оставшиеся от деда, знаменитого богатыря (якутская сказка). Есть сказки, в которых упоминается и изготовление железной шапки. При этом всегда указывается огромный вес всех доспехов: меч в 40 пудов, копье в 50, палица в 10, железная шапка в 30 или 40, вся богатырская сбруя в 300, и т. д. В упоминаниях об оружии иногда появляются анахронизмы: Илья, например, покупает себе трехствольное ружье.⁶³ В другой сказке он берет с собой, уезжая из дому, пицаль.⁶⁴

Заканчивается вся эта начальная часть сказки заявлением Ильи Муромца, что он уходит из дому, и прощанием с родителями. В ряде сказок Илья мотивирует свой уход желанием «людей посмотреть и себя показать», «на белый свет поглядеть», «по свету погулять». В одной коми сказке отец спрашивает Илью: «Илья Муромец, сын Иванов, ты, должно быть, не будешь жить со мной, коли такую силу имеешь?». — «Я уж тридцать лет был седуном, — отвечает Илья, — и хочется себя показать и на добрых людей посмотреть». Иногда Илья уходит искать сильных людей, богатырей, с которыми мог бы силой померяться. «Пойду богатырем по миру, пусть будет хорошо либо плохо», — говорит он в одной карельской сказке. Во многих случаях

⁶¹ Коми филнал, запись 1945 г. в Железнодорожном р-не.

⁶² См. стр. 82.

⁶³ АКФАН, колл. 136.

⁶⁴ Там же, колл. 61.

Илья просто уходит или уезжает без всяких объяснений — как естественное, закономерное последствие совершившегося.

И очень мало сказок, в которых отразилась целенаправленность былинного Ильи Муромца, осознание им своего высокого призвания богатыря служить родине и народу. Чаще всего это встречается в карельских сказках, вообще наиболее близких к эпосу. В одной из них⁶⁵ Илья, достав себе оружие, говорит отцу с матерью: «Пойду я по миру, в Киев, куда богатыри собрались у князя Владимира». И отец наставляет его: «Иди, сын, но не делай зла татарам (подразумевается — без нужды, — А. А.), а пуще того, крестьянам». В другой карельской сказке⁶⁶ калики, наделив Илью богатырской силой, говорят ему: «Теперь иди, купи богатырского коня и поезжай в Киев служить князю Владимиру на русских заставах». А сам Илья так прощается с родителями: «Благословите меня, поеду я в Киев служить под власть киевского князя, защищать русскую землю». И далее следует известный гуманистический завет отца: «На доброе дело благословение дам, а на плохое дело нет благословения».⁶⁷ Этот завет отца помнит и удмуртская сказка.⁶⁸

В одной из лучших белорусских сказок — «Праз Ілляюшку»⁶⁹ на вопрос коня, когда Илья его кланчет, «Чаго, Ілляюшка, жалася?» — богатырь отвечает: «А паедзем белы свет ачышчаць, нягіднага Сокала (Соловья-разбойника, — А. А.) пабіваць!». В Киев как богатыря-охранителя направляют Илью странники-целители в одной из коми сказок.⁷⁰

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Сюжет о победе Ильи Муромца над Соловьем-разбойником, как и сюжет об исцелении, тоже хорошо известен многим народам СССР в сказочном переложении. В сказках об Илье Муромце он обычно составляет вторую часть, следуя непосредственно за рассказом об исцелении как первый подвиг богатыря.

⁶⁵ Там же, колл. 136 (Олонецкий р-н, дер. Тихоньсальга).

⁶⁶ Там же, колл. 61 (Медвежьегорский р-н, дер. Сельга).

⁶⁷ Сказка эта записана от Ф. Е. Туруева, знавшего и исполнявшего, как уже было сказано, былины по-русски. Естественно, что он и в прозаическом переложении былины сохранил основные ее мотивы.

⁶⁸ Верещагин, стр. 144.

⁶⁹ Беларускі эпас, стр. 53.

⁷⁰ Коми филиал, запись 1945 г. на Удоре.

Реже он занимает в общей композиции третье место, после рассказа об Идолице, а иногда, как увидим ниже, и объединяется с этим сюжетом. В эстонском фольклоре зарегистрирован случай, когда прозаический рассказ о Соловье-разбойнике бытовал и самостоятельно вне связи с другими сюжетами об Илье Муромце.⁷¹

В передаче сюжета преобладают традиционные эпические мотивы. Встреча Ильи с Соловьем-разбойником происходит в лесу, часто на той из трех дорог, которую выбирает Илья Муромец на распутье. Соловей сидит на дубах. Он свистит, от свиста осыпаются листья, а конь шарахается, спотыкается, падает на колени. Илья бранит коня и стреляет в Соловья, поражая его в глаз. Упавшего с деревьев разбойника богатырь подвязывает к седлу, к коню под брюхо или к хвосту и едет с ним дальше. Самый образ Соловья-разбойника чаще всего, как и в былинах, конкретно не раскрывается и воспринимается скорее как образ могучего и чудовищного разбойника-злодея. Однако имеются сказки, где Соловей-разбойник получает более определенные, зримые черты. Это — чудовищная птица, сидящая в гнезде.⁷² Соответственно этому в чувашской сказке изменен и характер поражения Соловья. Илья не стреляет в него, а бросает палку и отшибает крыло. Соловей падает на землю, а Илья набрасывает на него шапку и придавливает. Затем он рассекает Соловья на части и из каждой вырастают птицы, из больших — большие, из малых — малые, а из кусочков сала — шингорс, сара кайык и другие желтые птицы.⁷³ В других сказках с образом Соловья-разбойника в виде птицы Илья поражает чудовище по традиции в глаз, но представление о Соловье-птице называется и тут на заключительной сцене расправы Ильи Муромца над Соловьем после его губительного свиста в палатах князя: в якутской сказке рассказывается, что Илья Муромец «переломил птице одно крыло, одну ногу

⁷¹ Лит. муз. Крейцвальда. ЕВА II 194, 128/9 (14).

⁷² См. сказки: финскую (Веселовский. Мелкие заметки, стр. 15—17, из Олопецкого р-на), карельскую (АКФАИ, колл. 100, из Пряжинского р-на), чувашскую (Магнитский, стр. 251—253), якутскую (Верхоянский сборник, стр. 254—268).

⁷³ К этому месту сказки Магнитский делает примечание: «Что за птица шингорс — не знаю. По описанию чуваш, птица эта желтая с красной пояской, величиной с воробья. Сара кайык — желтянка» (упоминается, по словам Магнитского, в пасхальных заклинательных песенках чувашских детей).

и отпустил ее, приказав ей, чтоб не появлялась она в этих местах»;⁷⁴ в белорусской сказке из «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского⁷⁵ Илья Муромец разрубает Соловья на части, и они разлетаются соловьями. Так представление о Словье-разбойнике как о чудовищной птице, отразившееся в некоторых сказках, претворило эпизод расправы с Соловьем в легенду о сотворении птиц.

Из других необычных для эпоса изображений Соловья-разбойника следует отметить образы его в финских сказках. В одной из них, из Выборгской губернии,⁷⁶ Соловью-разбойнику соответствует богатырь, который убивает всех свистом. Наехав на него в поле, Илья бьется с ним на поединке, побеждает, богатырь просит пощады. Они вместе заезжают в одну деревню, там богатырь начинает свистеть и всех, кроме Ильи, убивает свистом. Илья отрубает ему голову. В этой части сказки нетрудно увидеть отражение известного эпизода из сказания о Еруслане Лазаревиче о встрече и поединке Еруслана с русским богатырем.⁷⁷ Кстати, свистун, с которым бьется Илья, даже именуется в сказке «русским богатырем». В другой финской сказке, из Кемского уезда,⁷⁸ рассказывается, что Илья Муромец по дороге в Киев встречается с великаном Рахматовичем, тоже убивающим свистом. Илья въезжает к нему во двор и заарканивает его.

В украинской сказке, записанной в 1860-е годы,⁷⁹ Соловей изображен необычно трусливым. При приближении к нему Ильи Соловей так перепугался, что свалился с дерева. Он пытается убежать, но Илья догоняет его, разит копьем и привязывает к коноу. Иногда былинный Соловей-разбойник превращается в сказках в змея. В эстонской сказке рассказывается: «Илья ехал через густой дубовый лес и услышал, что кто-то так громко свистит, что все листья падают на землю. Он посмотрел вокруг, но никого не приметил, хотел ехать дальше, но лошадь остановилась и дальше не идет. Тогда Илья видит, что через дорогу, от

⁷⁴ Верхоянский сборник, стр. 260.

⁷⁵ Беларускі эпас, стр. 66 (Добровольский, № 2).

⁷⁶ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 7—9.

⁷⁷ Это уже было отмечено А. Н. Веселовским (Мелкие заметки) и В. С. Миллером (Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 381).

⁷⁸ Веселовский. Мелкие заметки, стр. 12--15.

⁷⁹ Миллер. Материалы, стр. 122--125.

дерева до дерева, перекинулся большой змей, который и свистит. Илья не испугался, взял кнут и убил змея, потом свернул его, взвалил на лошадь и поехал дальше». ⁸⁰ Затем он бросил змея в озеро. Змеем изображен Соловей-разбойник и в одной белорусской сказке. ⁸¹ Сидит он на двадцати огромных дубах. Наконец, в другой эстонской сказке в рассказе о злом духе, сидящем у ворот одной королевской столицы, можно тоже видеть смутные, правда, припоминания о Соловье-разбойнике. В сказке говорится, что если чужой человек хочет войти в ворота, «этот злой дух кричит так громко, что человек сразу гложнет». Герой не устранился и кнутом прогнал злого духа. Король услышал об этом и принял его к себе на службу. ⁸²

Следующий за поражением и захватом Соловья эпизод, обычный в былинах, а также в русских сказках об Илье Муромце, — проезд Ильи мимо подворья Соловья, попытки родных разбойника выкупить или отбить его, покушение кого-либо из них на жизнь Ильи — отразился в иноязычных сказках мало и смутно. Иногда лишь упоминается о проезде Ильи Муромца мимо дома Соловья или палат его зятьев. Изредка делаются еще беглые дополнительные указания: то сыновья спорят, кто кого везет связанным (удмуртская сказка), то «девки-разбойницы», сестры Соловья, упрашивают Илью остановиться в их доме (якутская сказка). Несколько больше задерживается на этом эпизоде одна из карельских сказок. Илья проезжает мимо дома Соловья, сделанного из белого камня. Жена Соловья, посмотрев в окно, кричит сыновьям, что кто-то привязал отца цепью к седлу. Сыновьям сперва кажется, что, наоборот, отец кого-то везет. Но затем они выбегают с мечами и бросаются на Илью, тот «одним ударом меча всех трех сыновей уложил». Затем Илья выпускает на волю всех, кто был полонен Соловьем. ⁸³ В украинской сказке об Илье дом Соловья назван дворцом. Разбив двенадцать дверей дворца, Илья находит во внутренней комнате старуху и двух ее дочерей. Старуха предлагает Илье любую дочь в жены. Илья говорит, что едет по свету, и если не найдет девушек красивее, то возьмет одну из дочерей Соловья — явная реминисценция известного эпизода из сказания

⁸⁰ Лит. муз. Крейцвальда, S 89892/900(4).

⁸¹ Беларускі эпас, стр. 74—76.

⁸² Лит. муз. Крейцвальда, Н III 7, 772/8(2).

⁸³ АКФАН, колл. 136 (Олонекский р-н, дер. Тихонсельга).

о Еруслане: встречи его с царевнами, которых он расспрашивал, есть ли кто на свете их краше.⁸⁴

В противоположность эпизоду проезда Ильи мимо подворья Соловья заключительная сцена былинны — показ Соловья народу, его свист, последствия свиста, расправа Ильи Муромца над Соловьем — отражена почти во всех сказках. Правда, место действия определяется по-разному и не всегда четко: то, согласно эпосу, в Киеве, в палатах князя, то просто «у царя», «у короля», в одном случае — в какой-то деревне, в другом — возле палат зятя Соловья. Но всегда изображены губительные последствия свиста: свист убивает всех, кроме Ильи; убивает тридцать богатырей; народ валится мертвым; все падают — чуть живы; валятся потолки и крыши, все глухнут, у людей выпадают волосы. И всегда подчеркивается, что Илья остается невредимым. Иногда говорится, что он оберегает князя и княгиню или царя и царицу, укрывает их под мышками (в точности по былинам), велит им заткнуть уши и т. д. Встречаются упоминания о том, что Соловей не выполняет приказания Ильи свистеть только вполголоса. В большинстве случаев за сценой свиста непосредственно следует расправа — Илья убивает Соловья, затем иногда говорится, что народ славит Илью. Есть, правда, сказки, где судьба Соловья не досказана, но таких мало.

Таким образом, в передачах сказками сюжета о Соловье-разбойнике выделены те два центральных эпизода — столкновение Ильи с Соловьем в лесу и сцена свиста, которые и рисуют Соловья как врага народа, а Илью как его защитника, совершающего важный подвиг очищения родной земли от страшного чудовища. Все побочные эпизоды или совсем исключаются, или отражены глухо и путано.

В нескольких сказках, которые сохранили больше других связи с эпосом, находим еще некоторые припоминания эпизода нападения на Илью Муромца разбойников по дороге к Соловью⁸⁵ и эпизод освобождения города от осадив-

⁸⁴ Прикрепление этого эпизода к дочерям Соловья-разбойника встречается еще в былинне кижского сказителя В. Щеголенка. Указано, как и отражение его в названной сказке, Вс. Миллером. См. мою статью «К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане» («Труды Отдела древнерусской литературы», XIV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 504—505).

⁸⁵ Беларускі эпас, стр. 58 и 75—76; Верещагин, стр. 142.

шей его вражеской рати,⁸⁶ возглавляемой тремя царевичами, причем следы эпоса проглядывают в таких характерных деталях, как наименование города Черниговом и врагов татарами. В тех же сказках в заключительную часть включена сцена, в которой киевские богатыри к рассказу Ильи Муромца о своем приезде по прямоезжей дороге отнеслись с недоверием, за что и были потом посрамлены.

Илья Муромец и Идолище. Сюжет о победе Ильи Муромца над Идолищем получил несколько меньшее распространение в сказках народов СССР, чем сюжет о Соловье-разбойнике. Так, в известных мне якутских, чувашских, украинских сказках нет даже самых смутных припоминаний этого сюжета. Встречается он в сказках белорусских и чаще всего у северных народностей — финнов, карел, коми и удмуртов. Менее отчетлив и эпический характер сюжета. Далеко не все сказки сохранили образ врага-насилъника, побеждая которого Илья совершает подвиг общественного значения. Но в некоторых эта идейная направленность былинного сюжета об Идолище присутствует.

В одной из коми сказок Идолище, вор поганый, захватывает Киев и требует себе в жены дочь царя.⁸⁷ В другой коми сказке⁸⁸ это трехголовое чудовище, которое пришло в Киев, чтобы унести красавицу-княгиню. В карельской сказке из Калининской области⁸⁹ это богатырь соседнего царя, враждовавшего с царем, у которого в богатырях служит Илья. С ним борется Илья Муромец на поединке и убивает его шляпой в двенадцать пудов весом. Последняя деталь и предваряющий это столкновение эпизод — вражеский богатырь бросает в Илью своей шляпой, но Илья перехватывает ее и бросает обратно — и заставляют нас видеть во всем этом рассказе припоминания, правда очень смутные, сюжета об Идолище (с другой стороны, здесь отражен и сюжет о бсе Ильи с чужеземным богатырем-нахвальщиком). Такие же отдаленные припоминания сюжета проглядывают и в одной эстонской сказке,⁹⁰ в которой изображен аналогичный эпизод: Илья Муромец борется на поединке с неким богатырем-злодеем, тот стреляет

⁸⁶ АКФАН, колл. 61 (Медвежьегорский р-н, дер. Сельга, записано от Г. Е. Туруева); Украинські народні казки, стр. 127.

⁸⁷ Коми филмал, запись 1948 г. на Удоре.

⁸⁸ Там же, запись 1945 г. из Железнодорожного р-на.

⁸⁹ АКФАН, колл. 148.

⁹⁰ Лит. муз. Крейцвальда, S 89892/909(4).

в Илью, но не убивает, Илья бросает свою шапку, которая пробивает семь стен и поражает злодея. В обоих последних случаях отсутствует традиционная для сюжета сцена с изображением прожорливости Идолища и насмешками над ним Ильи Муромца. В двух первых случаях она полностью сохраняется, так же как и традиционный приход Ильи в виде калики.

Очень интересно изображен Идолище как враг в одной из белорусских сказок.⁹¹ В ней он фигурирует как царь Прожор, пожирающий в день по десять человек, которых поставляет ему «негідный Сокал» (Соловей-разбойник). Победив Сокола, Илья везет его голову на пике царю Прожору. У того от жира глаза заплыли и брови заросли, и он велит слугам поднять ему брови (веки?) вилами. Ему показывают голову Сокола. Прожор тогда требует еды, чтоб угощаться с Ильей, и предлагает тому сесть на золотое кресло, но Илья ударяет Прожора своей шапкой в двенадцать пудов. Традиционного диалога и в этой сказке нет. В удмуртской сказке важное общественное значение победы Ильи Муромца над Чудовищем-Обжорой раскрывается в указании, что народ благодарит Илью за избавление. В одной финской сказке Идолище получил выразительное наименование — Мироед.

В других сказках, отразивших сюжет об Идолище, идейный смысл сюжета стерт. Противник Ильи — просто какой-то неизвестный богатырь-обжора, с которым Илья встречается то в каком-то доме по дороге, то в палатах у князя Владимира среди других киевских богатырей. На него указывает как на сильного богатыря отец, когда узнает, что Илья ищет сильных людей, с которыми можно было бы испробовать силу. Во всех этих случаях богатырь-обжора изображен традиционно и так же традиционно передана сама сцена столкновения с похвальбой обжоры своей силой, якобы выражающейся в обилии поглощаемой им пищи, с насмешками Ильи над его прожорливостью, с бросанием обжорой ножа или вилки, с поражением его шляпой Ильи. Но эпизод приобрел лишь характер одного из приключений Ильи Муромца после обретения им силы.

Илья Муромец и Святогор. Сюжет этот тоже встречается не у всех народов. В сказках белорусских, у эстонцев, удмуртов, чувашей пока мне не известен. В сказках

⁹¹ Беларускі эпас, стр. 51—56.

некоторых народов он сильно трансформирован. В одной карельской сказке, например, Илья Муромец после победы над Идолищем ищет второго сильного богатыря, с которым мог бы силой померяться, и попадает «к неверному богатырю». Тот спрашивает Илью, куда он держит путь, и, узнав, что Илья ищет работу, предлагает ему быть его нареченным братом и охранять его дом, пока он будет на войне.⁹² В дальнейшем используются эпизоды из былины о Святогоре.

Нетрадиционно изображается встреча Ильи со Святогором в украинской сказке об Илье Мурице.⁹³ Богатыри встречаются в поле, бьются на поединке, потом братаются, едут вместе, наезжают на гроб; далее развивается эпизод смерти Святогора в гробу. В обоих случаях имя богатыря — Святогор — отсутствует.

Имени его нет и в некоторых других сказках, использовавших сюжет о Святогоре. В одной карельской сказке он назван Лазарем Лазаревичем, в финской — Росланом — еще одна из многих переключек со сказанием о Еруслане Лазаревиче. В этой же финской сказке Илья находит Рослана спящим и будит его ударом своей палицы. Но во всех этих нетрадиционных изображениях встречи Ильи со Святогором устойчиво сохраняется мотив — Илья ищет сильных людей.

Обычно все же встреча Ильи со Святогором описана совершенно по-былинному. Илья догоняет в поле неизвестного богатыря и троекратно ударяет его палицей, посохом или трехпудовым ломом (в одной карельской сказке стреляет из ружья). Богатырь, думая, что его покусывают комары или мухи, на третий раз хватает Илью с конем и кладет в карман, после же жалобы своего коня на возросшую и непомерную для него тяжесть, вынимает Илью. Богатыри братаются и едут дальше вместе. Оригинально переосмыслен этот эпизод в якутской сказке из «Верхоянского сборника»: Илья, увидя богатыря, превращается в пчелу и начинает жалить его.

Заключительный эпизод сюжета — гибель Святогора — представлен сказками в двух версиях, известных былинам: смерть в гробу и гибель от поднятия сумы с земной тяжестью. Первая версия отражена обычно со всеми тради-

⁹² АКФАН, колл. 114 (Прижский р-н, дер. Пялмозеро).

⁹³ Мидлер, Материалы, стр. 122—125.

ционными деталями: примерка обнаруженного гроба обоими богатырями, тщетные усилия Ильи сбить крышку с гроба, когда в него лег Святогор, передача Святогором Илье своей силы через смертную пену или дыханис.⁹⁴ Гибель от поднятия сумы дается в сказках подобно былинам как последствие неразумной похвалы Святогора своей силой (он может якобы стянуть небо с землею). Но обычно это эпизод связан в сказках с включением нового, в былинах не встречающегося эпизода: ссоры Святогора с Ильей по клеветническому навету жены и борьбы богатырей в горах.

Эпизод этот встретился в трех карельских и одной финской сказках. Известно, что в русских сказках и побывальщинах о Святогоре сюжет о встрече с ним Ильи осложняется иногда рассказом о попытках жены Святогора соблазнить Илью Муромца, за что Святогор и убивает ее.⁹⁵ В карельских и финской сказках этот эпизод развернут иначе. Жена мстит Илье за то, что он отвергает ее притязания. Она наговаривает на Илью, что тот будто бы избил ее (сама предварительно расцарапывает себя в кровь), и Святогор вызывает Илью на бой. Столкновение происходит в горах. Илья со скалы скатывает на Святогора огромные камни, бросает вырванные им могучие дубы, а Святогор пытается добраться до него. Но или самому Илье удастся забросить Святогора за облака, или Илью скрывает в тумане неожиданно появившийся старик, когда-то его исцеливший, или тот же старик (в варианте — бог) сбрасывает перед Святогором, когда тот начинает похваляться своей силой, суму, мешки, и Святогор, пытаясь их поднять, гибнет. При этом, умирая, Святогор тоже передает часть своей силы Илье.

Описание борьбы Ильи и Святогора в горах встречается в карельских сказках и независимо от эпизода ссоры. В этом случае борьба дана как состязание, на которое вызывает Илью Святогор, причем в сказке образуется своеобразный переход к заключительному эпизоду — смерти Святогора в гробу: один из камней, который Илья сбрасывает с горы, раскалывается, и внутри камня оказывается гроб. И далее следует примерка гроба обоими богатырями и гибель Святогора.⁹⁶

⁹⁴ О двух случаях, когда эпизод гибели в гробу был перенесен на Илью Муромца, говорилось выше (см. стр. 84).

⁹⁵ См., например: Рыбников I, № 51.

⁹⁶ АКФАН, колл. 100 (Пряжинский р-н, дер. Пелдожи).

Интересное совмещение обоих заключительных эпизодов двух разных былин о Святогоре находим в якутской сказке, записанной А. П. Окладниковым в 1943 году в низовьях реки Лены.⁹⁷

Едут вместе Ильджа Муромец-богатырь и Сильбирэй-богатырь. Встречают седого и дряхлого старика, который предлагает поднять его переметную суму. Очень выразительно и подробно описаны все попытки Сильбирэя сделать это. Наконец, он напряг всю свою богатырскую силу, поднял суму, но погруз в землю по колена. «Вот и говорит ему тот старик: „Ты, богатырь святой земли русской, раньше считал себя самым сильным и думал, что можешь землю, по которой ходишь, имея опору, повернуть с запада на восток и с востока на запад. Аи вон не смог поднять и одной четверти земли нашей“». Здесь Святогор не гибнет, подымая суму. Едут богатыри дальше и находят большой раскопанный гроб. Также со всеми подробностями изображена примерка гроба обоими богатырями и гибель Сильбирэя, понявшего, что гроб этот был приготовлен для него тем самым стариком, который нес суму и который оказался святым Николаем.

Совсем близко к якутской сказке переданы эпизоды поднятия сумы и затем гибели Святогора в сказке эвенкийской.⁹⁸

Сказка изображает едущих по степи Егора-Святогора с Ильей Муромцем. «Похвастался тут Егор-Святогор: „Если, — говорит, — был бы столб от земли до неба, то я поднял бы его“. Едут дальше и видят на земле две сумы лежат. Тут повстречали они старичка одного. Говорит он Егору-Святогору: „Подними-ка ты сумы“. Поднимал, поднимал он, и не мог поднять.

«Говорит старичок Илье Муромцу: „Подними-ка ты сумы“. Слез Илья и поднял сумы. Говорит старичок Егору-Святогору: „Вот ты хвастался, что поднимешь столб от земли до неба и землю накалишь, а сам-то на четверть в землю ушел. Ну, поезжайте дальше. Ты, Егор, помрешь“». И далее следует эпизод гибели Святогора в гробу.

⁹⁷ Сб. «Русский фольклор. Материалы и исследования». I. М.-Л., 1956, стр. 235—236.

⁹⁸ Запись и перевод М. Г. Воскобойникова. Хранится в личном собрании.

Такая близость обеих сказок ставит вопрос о наличии обмена в области фольклора у двух северных народностей.

В эпизоде передачи силы в одной из карельских сказок встречаемся с тем же отраженным специфически крестьянских идеалов и интересов, которые уже отмечались:⁹⁹ когда Илья через дыхание воспринял силу Святогора, пришел старик, который его исцелил, дунул на него, и «осталась лишь сила одного мужика» у Ильи. После этого он пошел домой и стал у отца заниматься крестьянством.¹⁰⁰

Другие сюжеты былины об Илье Муромце, отраженные в сказках народов СССР. Другие былинные сюжеты об Илье Муромце в нерусских сказках о нем отразились мало и преимущественно в виде неясных припоминаний. Мне известны только два случая отчетливой передачи чужих сюжетов, кроме рассмотренных выше. Это, во-первых, пересказ прозой былины «Илья и Сокольник», записанный в 1937 году от карельского сказителя Т. Е. Туруева,¹⁰¹ во-вторых, отражение былины о Калине-царе в украинской сказке об Илье Муромце, записанной Г. С. Сухобрус в 1955 году.¹⁰²

Пересказ Туруева, представляющий самостоятельное произведение, не входящее в сводную сказку, не связанное с другими сюжетами, по сути говоря, и не сказка, а побы-ваальщина, так как пересказывает былину очень точно, сохраняя не только всю композицию ее со всеми подробностями, но и былинную фразеологию и даже кое-где ритмический склад. Ясен и источник этого рассказа — текст «Илья Муромец и Сокольник» из «Книги былин» В. П. Авенариуса,¹⁰³ усвоенный Туруевым и исполнявшийся им на русском языке. Сам сказитель воспринимал, видимо, свой пересказ именно как былину, так как заключил его традиционной для оловецких исполнителей былины прибауткой: «Эта была старинушка Черному морю на устрашение, великому морю на послушание».

Украинский текст «Казка про Іллю Муромця і Солов'я-разбойника» является, наоборот, подлинной, типичной ге-

⁹⁹ См. стр. 80.

¹⁰⁰ АКФАН, колл. 93 (Пряжвинский р-н, дер. Сысоево).

¹⁰¹ Там же, колл. 61.

¹⁰² Українські народні казки, стр. 126—131 (запись от сказачника А. Д. Лужанського).

¹⁰³ См.: В. П. Авенариус. Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии. 8-е изд., М., 1913, № XXII.

ронической сказкой по всему своему стилю, превосходно рассказанной.

Сюжет о Калине-царе образует в ней последнюю, заключительную часть, следующую за рассказом о победе над Соловьем-разбойником. По навету богатырей, поссорившихся с Ильей Муромцем, князь Владимир заключает Илью в тюрьму, которую засыпает землей. Втайне от отца Илью кормит дочь князя. Через три года грозит наступлением татарский царь Калин. Он отправляет в Киев гонца со следующей грамотой: «Я татарський цар Калін. Мало мені моїх татар, хочу забрати і твою Київщицу. І коли ты мені добровольно не оддаси своє царство, то я прийду з військами, завоюю тебе, і ти будеш с своєю жінкою у мене на кухні воду носити». Дочь напоминает перепуганному князю об Илье Муромце. Узнав, что богатырь жив, князь, как обычно в былинах, бежит к тюрьме. Выразительно, с сохранением социального смысла передан эпизод упрощения Илью идти на врага.

«— Ану гайда! — князь бігом до нього. Прийшов одімкне усі двері, випустив Іллю Муромця і почав просити:

— Іллюшко, — каже, — Іллюшко, прости за те, що я на тебе прогнівався і посадив тебе в тюрму! Виручай тепер нас із біди!

— Ні-і! — відповіда Ілля Муромець, — іди ти собі. Ти хотів заморити мене голодом, ти мене тут томив, щоб я вмер, а тепер хочеш, щоб я йшов виручать тебе? Нема!

Послав князь княгиню.

Прийшла княгиня, просила, просила, оп'ять Ілля отказався:

— Ні-і! Нізащо вас не буду захищати.

Тоді дочка каже:

— Ану піду я попрошу.

Прийшла дочка, він не одказується, каже:

— Ти мене кормила, ти мене держала на світі, за тебе йду, буду захищати руську землю!».

Ілля разбиває все військо Калина, а с самим Калином, изображенным сильным богатырем, борется на поединке. Тут в эпический рассказ о бое врывается сказочный мотив. У Калина, оказывается, есть три дочки, и он не хочет убивать Илью, а только захватить его в плен, чтобы затем женить на одной из дочерей. Подмяв под себя Илью, он, угрожая кинжалом, требует его согласия жениться на до-

чери и поступить к нему в богатыри. Но Илья помнит предсказание исцеливших его стариков, что он всегда будет набираться силы от земли, и спокойно лежит под Калином. Наконец, почувствовав, что силы прибыло, подбрасывает Калина вверх, затем схватывает его за ноги и избивает им остальных татар. «Потім, — говорит сказка, — вернувся назад у Київ, узяв у князя Володимира дочку заміж і живе собі, царстvue».¹⁰⁴

Смутные припоминания о борьбе Ильи Муромца с вражескими нашествиями находим в одной коми сказке.¹⁰⁵ В ней совсем кратко говорится после рассказа о победе над Идолищем: «Потом там началась война, стали наступать. Илья Муромец вышел и всех перебил». Вражеский царь еще два раза высылает несметные свои полчища, но Илья каждый раз уничтожает всех. В той же сказке отражен сюжет «Илья Муромец и сын» (поединок с неизвестным грозным богатырем, узнавание сына по пательному кресту, возвращение сына к матери с известием об отце). Ни убийства матери сыном, ни покушения сына на Илью нет. В другой коми сказке¹⁰⁶ тоже смутно отражено припоминание о Камском побоище и гибели богатырей. На пиру богатыри, исключая Илью, расхвастались своей силой, стали говорить, что могли бы землю перевернуть, если бы была «тяга». На следующий день, выехав в поле, они увидели за рекой несметное войско. Поочередно они вступают в бой. Но враг все прибывает и прибывает. Богатыри перескакивают речку обратно, но обращаются в камни. Та же судьба постигает и Илью после всех. Об окаменении Ильи говорится еще в белорусской сказке.¹⁰⁷ В другой же белорусской сказке рассказывается, что он приплыл к киевским пещерам и остался в них навсегда.¹⁰⁸

Отдельные случаи припоминания о встрече Ильи Муромца с разбойниками отмечены были выше.¹⁰⁹

4

Как уже было отмечено, у карел и коми были записаны сказки о Добрыне Никитиче. Все известные мне карельские

¹⁰⁴ Українські народні казки, стр. 130—131.

¹⁰⁵ Коми фанал, запись 1948 г. на Удоре.

¹⁰⁶ Там же, запись 1945 г. из Железнодорожного р-на.

¹⁰⁷ Беларускі эпас, стр. 61.

¹⁰⁸ Там же, стр. 56.

¹⁰⁹ См. стр. 94.

сказки основаны на сюжете былины о неудачной женитьбе Алеша Поповича на жене Добрыни в его отсутствие. Былина эта во второй половине XIX и начале XX века была одной из самых распространенных в русской эпической традиции на территории нынешней Карелии; она сохранилась здесь в ряде мест вплоть до настоящего времени. Не удивительно поэтому, что эта былина отразилась в сказочном фольклоре карел.

Один из вариантов принадлежит не раз уже упоминавшемуся Т. Е. Туруеву, крестьянину Сегозерского района.¹¹⁰ Рассказ записан самим сказителем в 1940 году. Былину о Добрыше Т. Е. Туруев знал и исполнял, как и многие другие былины, на русском языке.¹¹¹ Таким образом, текст, переданный им в Карельский филиал Академии наук СССР, является прозаическим переложением на карельский язык хорошо известной сказителю былины, как это мы уже видели и в отношении других рассказов на былинные сюжеты, записанные от Туруева. Содержание рассказа вполне традиционно и, как и другие тексты, записанные от этого сказителя, близко к былине и по фразеологии. В рассказе отражен и социальный мотив, столь характерный для олоонецких вариантов данной былины — укор Добрыни князю Владимиру за его неблагоприятный поступок: «...я дивлюсь на князя с княгиней. Я за них стоял на заставах двенадцать лет, очищал дороги прямо-езжие, а они от живого мужа жену берут». В отдельных формулировках проглядывают следы влияния того же источника былинного знания Туруева, о котором уже говорилось, — «Книги былин» В. П. Авенарнуса. Характерно, что хотя сказитель и закончил свой рассказ по-сказочному: «и стали жить да добра наживать», но к этому прибавил: «Да на том и кончается эта былина».

В противоположность пересказу Туруева две другие записи, произведенные — одна в с. Паданы Медвежьегорского района,¹¹² другая — в дер. Костомукша Суоярвского района,¹¹³ представляют подлинные сказки в стиле бытовой новеллы.

Если первая из них еще сохранила имена действующих лиц — Никитушка, Добрынюшка, Олеша Попович, Миля

¹¹⁰ АКФАН, колл. 61.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, колл. 63.

¹¹³ Там же, колл. 79.

Тимофеевна (мать Никитушки; «Миля» — явно из Амелфы), Настасья (жена, но со сказочным прозвищем «Прекрасная»), как-то связывающие ее с былинной, то вторая утерjala и эти имена. Обе сказки излагают сюжет вне былинной «историчности». О Киеве и князе Владимире нет никаких упоминаний. Действие в обеих сказках происходит в некой деревне. Герой, сын вдовы, женившись на девице из своей же деревни, через некоторое время взят в солдаты. Уходя, он велит жене ждать его семь лет. Но вот проходит этот срок, и жена решает выйти за второго мужа. В первой из названных сказок говорится об этом так:

«Жена ждала семь лет, а муж не приехал. Ее сватает Олеша Попович из своей деревни. Она говорит матушке: — Я выйду замуж, потому что Никитушка нейдет домой.

Сватовья пришли, взяли ее и повели к венцу. Матушка осталась одна на печке плакать, дверь закрыла на замок. Слышит стук за дверью. Кричат там:

— Открой, открой, Миля Тимофеевна, открой!

— Кто ты такой?

— Прохожий человек, открой!

Открыла дверь и говорит:

— Я, парень, тоскую, что невестка вышла замуж за другого, потому что сын пошел в солдаты и уже исполнилось семь лет.

— За кого вышла замуж? — спросил прохожий.

— Вышла в своей деревне за Олешу Поповича».

И вот сын, открывшись матери, решает пойти посмотреть «как они там играют свадьбу». Берет свою гармошку. «Гармонь была у него очень хорошая», говорится в сказке. «Пришел в избу. Идет чарка с рук в руки, за столом молодые стоят и поднос в руках, их все поздравляют и невесте бросают деньги. Стали звать Никитушку.

— Иди, прохожий, возьми рюмочку».

Далее происходит традиционное узнавание мужа по кольцу, опущенному в вино, которое прохожий подносит невесте.

«Выпила Настасья Прекрасная, видит там кольцо и узнает, что это ее кольцо, узнала мужа и говорит:

— Не оставь меня, Никитушка.

Прыгнула через стол, бросилась на шею, и они пошли, а Олеша Попович остался.

Пришли домой, матушка обрадовалась, начала кормить, поить, и стали хорошо жить».

Из приведенных фрагментов видно, как опрощен сюжет превратившийся в простой бытовой рассказ из крестьянской жизни.

Во второй сказке сохранены кое-какие эпизоды былины, совсем выпавшие из первой: узнавание сына по родимому пятну, приход героя на свадьбу под видом гусяра, его игра на гусях. Однако и этот последний эпизод получил бытовой крестьянский колорит:

«Пришел туда и в углу около дверей на табуретку сел и стал играть. Народ стал прислушиваться, что это за незнакомец так хорошо играет. Ему и говорит народ:

— Поиграешь потом, а теперь садись за стол».

Незнакомый гость садится рядом со своей женой. «Поставил бутылку коньяка, налил жениху, жене и себе». Тут сказительница заметила: «Раньше женщины вина не пили, а он заставил и жену выпить». Происходит узнавание по кольцу. Жена бросается на шею мужу. «Так та жена осталась жить с прежним мужем, — заканчивает сказка, — а жених остался ни с чем».

Устойчивое бытование былины «Добрыня и Алеша», варианты которой записывались в довольно большом числе уже в советское время даже в местах, где былинная традиция явно угасала, обусловлено было, конечно, тем, что больше, чем какая-либо другая былина, эта могла быть в восприятии связана с реальным крестьянским бытом. Отсюда и возможность переосмысления ее как бытового случая из крестьянской жизни, даже в рамках былинной формы.¹¹⁴ Тем естественнее такое переосмысление в художественной системе сказки.

Коми сказка о Добрыне¹¹⁵ объединяет три былинных сюжета — «Добрыня и змей», «Добрыня и поляница», «Добрыня и Алеша». Добрыня по сказке дважды борется со змеями, трехголовым и шестиголовым, спасая каждый раз похищенную ими дочь князя Владимира Забаву Путя-

¹¹⁴ Так переосмыслена была, например, эта былина в исполнении пудожского сказителя П. Н. Журавлева. См.: Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов. Пудожские былины. Петрозаводск, 1941, № 64.

¹¹⁵ Записана А. К. Микушевым в начале 1959 г. в Троицко-Печерском районе от бакенщика В. Е. Игнатова. Микушев называет его «великолепным печорским сказителем», знающим много коми сказок (письмо от 9 апреля 1959 г.).

тичну. Первый раз Добрыня едет на поиски Забавы с Ильей Муромцем, второй раз — с Алешей Поповичем. И тот и другой помогают Добрыне и спасают его от змея. Еще в первую поездку Добрыня, сдав освобожденную им Забаву Илье, ныряет в какую-то яму, там по гигантским следам коня настигает наездницу-богатырку, ищущую жениха. Встреча изображена традиционно: Добрыня бьет богатырку палицей, она принимает это за укус комара, потом берет Добрыню в карман и т. д. Добрыня женится на ней. Во вторую поездку Добрыня поручает Алеше Поповичу отвезти Забаву к князю Владимиру, а сам едет в Турцию на много лет. Так связан второй сюжет с первым. Во время отсутствия Добрыни Алеша сватает его жену и т. д. В конце Добрыня прощает Алешу, потому что тот спас его от змея. В сказке, таким образом, сохранилось многое от былины, но имеются и отклонения в сказочном духе.

Полное сказочное переоформление получил у карела сюжет былины о Дюке Степановиче. В двух сказках (из Пряжинского и Калевальского районов)¹¹⁶ действие происходит — в одной в каком-то царстве, в другой — королевстве. В центре обеих — осмотр дома и богатств героя. В одной этот осмотр вызван похвальбой героя на пиру у царя в стране, куда он приехал торговать, причем осмотр производят царские генералы. В другой этот осмотр мотивируется тем, что герой (по смешению имен он назван Чуру Пюнкков сын) сватается к королеве, а в жены «может взять ее только тот, у кого одежда краше и добра побольше». Обе сказки заканчиваются женитьбой героев на царской и королевской дочерях. Только в третьей сказке (тоже из Пряжинского района)¹¹⁷ действие происходит в Киеве и упоминаются князь Владимир, царева жена, Чурилушка, с которым и состязается в одежде, богатстве и конях приехавший из Мурома герой — «двенадцатилетний парень». В действии принимают также участие богатыри Илья Муромец, Никитушка Добрынюшка и Алеша Попович, которым поручается осмотреть имения героя. Сюжет в сказке в основном развивается в соответствии с традицией, но похвальба приехавшего богатыря изображена как реплика, вызванная обидным замечанием царевой жены: «У вас, верно, такие

¹¹⁶ АКФАН, колл. 112.

¹¹⁷ Там же, колл. 100.

булки пекут, что верхнюю корку надо выбросить, нижнюю корку под стол бросить, а середину и есть цельза». В сказке сохраняется просьба киевского народа пощадить проигравшего заклад Чурилушку. Развязка сообщает сказке определенный моральный смысл: «Он [герой] взял дал ему [Чурилушке] пинка и сказал: „Ни с кем не бейся об заклад ты, пустой и лживый человек“».

5

Рассмотрение сказок о богатырях русского эпоса в фольклоре народов СССР показывает, что охват этими сказками былинных сюжетов значительно уже, чем в русских сказках. В основном это сказки об Илье Муромце. Но и они используют меньшее число сюжетов, входящих в цикл былин об этом богатыре.

Среди этих сказок имеются такие, которые сохранили более близкие связи с эпосом по своему конкретному содержанию, но преобладают все же сказки, сильно переоформляющие былинные сюжеты и эпизоды и насыщающие их чисто сказочными ситуациями. И таких сказок в иноязычном фольклоре больше, чем в русском.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русских и национальных сказках о богатырях наблюдаются нередко одни и те же или сходные эпизоды, взятые из волшебных и авантюрных сказок: борьба Ильи Муромца со змеями, освобождение им девушек и другие эпизоды сказки о трех царствах, отдельные мотивы из «Еруслана Лазаревича» и т. п. И в данном случае необязательно предполагать перенесение этих эпизодов из русских сказок: возможно, здесь действует известная закономерность — заимствуются такие сказочные сюжеты и отдельные эпизоды героического характера, которые наиболее подходят к повествованиям о богатырях.

Сказки других народов в значительно большей мере, чем русские, лишены «эпической историчности». Сказки такого типа, как туруевские, как превосходная украинская запись 1955 года Г. С. Сухобрус, сохранившая память о Муроме и Киеве, о князе Владимире, о татарских нашествиях, в частности о Калине-царе, крайне редки. В огромном большинстве сказок действие происходит вне определенного времени и места, в каких-то безыменных царствах, королевствах, городах, деревнях, без какого-либо конкрет-

ного указания, что подчеркивается традиционным сказочным началом: «жили-были», «жил-был», «жил старик со старухой».

Все это, очевидно, может быть объяснено характером возникновения сказок о русских богатырях в иноязычном фольклоре. Здесь реже могло быть непосредственное влияние самого эпоса как источника сказок, чаще они перенимались из сложившейся уже сказочной традиции. В меньшей степени также оказывали воздействие лубок и народная книга с публикациями былины или с составленными на их основе сказками, как то мы видим в отношении русских сказок о богатырях.

Поэтому во многих случаях мы встречаем лишь очень далекие, смутные реминисценции былинных эпизодов и мотивов, а там, где они явственны, они даны в сказочном оформлении.

Характерно — впрочем, это наблюдается и в русских сказках — стремление досказать историю героя до конца, заключить сказку рассказом о женитьбе Ильи Муромца часто на княжеской, царской или королевской дочери или хотя бы возвращением Ильи после всех приключений и подвигов домой к родителям. Так, карельская сказка об Илье Муромце и Соловье-разбойнике¹¹⁸ заканчивается рассказом о том, как Илья приезжает к родителям и выбирает дорогу, «которая ведет к смерти». Он едет по ней, «а там много Идолищ (возможно, реминисценция встречи с разбойниками, — А. А.). Илья все убивает их. Забирает все их добро с собой. Едет домой. Тридцать пять лет не видел своих. Отец с матерью обрадовались. Вскоре и умерли. А Илья женился». В другой карельской сказке («Исцеление Ильи, Святогора и Идолище»)¹¹⁹ после рассказа о смерти Святогора говорится: «А Ильмо Муромец ушел домой и зажил припеваючи». Украинская сказка заканчивается так: «І розбив усі війська татарські. Потім вернувся назад у Київ, узяв у князя Володимира дочку заміж і живе собі, царствує».¹²⁰ Белорусская сказка, хотя и безыменная, но явно основанная на сюжетах об исцелении Ильи, встрече с разбойниками и о Соловье-разбойнике, тоже заканчивает повествование упоминанием о свадь-

¹¹⁸ Там же, колл. 3.

¹¹⁹ Там же, колл. 114.

¹²⁰ Українські народні казки, стр. 131.

бе героя, сопровождая это упоминание традиционной сказочной прибауткой: «Тэды (после сцены свиста, — А. А.) кроль казаў ему змея забіць і аженіў яго з сваёю дачкою. Васелё было гучнае: і я там быў, мед-віно піў, па ўсах пацекло, ў губу не папало...».¹²¹ Возвращением Ильи домой заканчивается и эвенкийская сказка. «Со своей женой стал он жить хорошо, — говорится в ней. — До сих пор они хорошо живут. И я там был, обедал».

Более значительный отход в большинстве иноязычных сказок по сравнению с русскими от фактического содержания эпоса привел и к большему разнообразию сказочных композиций.

Все же, несмотря на значительное переоформление былинных сюжетов и эпизодов в сказочном духе, на подчинение эпического содержания совершенно иной художественной системе, иноязычные сказки о богатырях русского эпоса сыграли немаловажную культурную роль, обогатив фольклор других народов некоторыми сюжетами и образами русского героического эпоса. Хотя многие сказки развертывают повествование об Илье Муромце как цепь его походов, приключений (часто соединительным звеном между частями является искание Ильей Муромцем богатыря сильнее себя), но в какой-то мере они сохраняют не только героическую, но и патристическую направленность, изображая Илью Муромца как защитника родной страны и народа от всякого зла и насилия. В этом отношении изображение победы над Соловьём-разбойником, один из самых популярных былинных сюжетов в сказках, всегда дается как подвиг в защиту народа. Так же изображены и победа над неизвестным чужеземным богатырем, над змеем, над вражеской ратью (изредка упоминаются татары), иногда и победа над Идолицем. В сказках, как мы видели, встречается гуманистический наказ родителей.

Исследователь марийского фольклора К. А. Четкарев в одной из своих работ пишет: «Содержание марийского фольклора свидетельствует о том, что патристический образ Ильи Муромца стал родным и близким народу. Илья Муромец является верным помощником героев марийских сказок. В марийских сказках он помогает корчевать лес, спасает героя от злой ведьмы „Вувер кува“, спасает свой народ и родину от врагов. Илья Муромец в марийском

¹²¹ Беларускі эпас, стр. 76.

фольклоре сыграл громадную роль в создании образов положительных героев марийских сказок и легенд».¹²²

Следует, однако, сказать, что социальные конфликты в национальных сказках обычно или отсутствуют, или приглушены, не столь выразительны, как в русских сказках. Эта сторона русского эпоса оказалась не донесенной сказками. Имеются и сказки чисто авантюрные, с явной установкой только на занимательность.

В сказках о богатырях у некоторых народов наблюдается еще стремление придать отдельным эпизодам характер предания, связывая, например, с именем богатыря отдельные приметные места какого-либо ландшафта. Выше уже пришлось упомянуть о нескольких сказках с мотивом окаменения Ильи Муромца и других богатырей.¹²³ Во всех этих сказках обязательно указание на реально существующие камни, в которые превратились богатыри. Так, коми сказка,¹²⁴ рассказав об обращении богатырей в камни, добавляет: «И сегодня есть там еще 12 камней. Жаль мне Илью, да что поделаешь!». В белорусской сказке из Гомельской области последний эпизод — борьба Ильи Муромца с двенадцатиглавым змеем, у которого на месте каждой отрубленной головы нарождается новая. До тех пор Илья бился, рассказывает сказка, пока по колени не вошел в землю и не сделался камнем. «Ён і цяпер стаіць там. Я сам там відаў яго, — прибавил сказочник. — І так расказаюць людзі, як ён уедзе ўвесь у зямлю, то і свету канец».¹²⁵ В другой белорусской сказке, об исцелении Ильи-Сидня, которого бог взял затем живым на небо, сохранен эпизод корчевания. Илья, говорится в сказке, начал корни вырывать. И рассказчик прибавил, что, по слухам, в Полтавской губернии «дак ров ё такій, што ён узрываў».¹²⁶

Легендарный характер получили, как мы уже видели, некоторые сказки о Соловье-разбойнике, отразившие представление о Соловье как чудовищной птице, после гибели которой из частей ее тела рождаются разные птицы.

¹²² «Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. IV, Литература, фольклор, искусство. Йошкар-Ола, 1951, стр. 149.

¹²³ См. стр. 102.

¹²⁴ Коми филиал, запись 1948 г. на Удоре.

¹²⁵ Беларускі эпас, стр. 61.

¹²⁶ Е. Р. Романов. Белорусский сборник. вып. IV. Витебск, 1891, стр. 17.

Материал, которым мы располагаем, не дает еще возможности по-настоящему осветить вопрос о национальной специфике сказок различных народностей: он слишком для этого скуден, от некоторых народов известны всего одна, две сказки. Кроме того, пришлось иметь дело с переводами на русский язык и с пересказами.

Одно лишь можно отметить: сказки порой включают местные мотивы, отражают народные представления и черты быта, иногда даже местную природу, имеют свой художественный стиль, и все это сообщает им особый, неповторимый колорит.

В этом отношении исключительный интерес представляет якутская сказка, записанная И. А. Худяковым. Характерно уже самое напутствие родителей Илье Муромцу: «Поезжай, дитя мое! Пусть духи гор, лесов и вод сопровождают тебя благословениями и добрыми предсказаниями. Пусть ветер умеряет против тебя свой порыв, солнце охлаждает свои лучи!». ¹²⁷ Илья Муромец едет по дороге, которая ведет к Соловью-разбойнику. Рисуетя пейзаж: «... земля черная, травы нет, серые камни побелели, зеленый лес почернел — обгорел. Непостоянный ветер дует-бушует во все стороны, дикий крик потрясает пространство... Вихри поднимаются в двенадцати местах разом, взвивают к нему столбы красной и черной горелой земли». В этой же сказке очень своеобразны насмешки Поповича над прожорливостью Смерти Тамаровича. Поповский сын сперва вспоминает отцовскую черную кошку, которая обварила себе горло горячей похлебкой, затем отцовскую собачонку, которая подавилась угиной костью. Когда слуга перехватывает брошенный Смертью Тамаровичем в Поповича меч, Попович говорит: «Пригодится старушкам, чтобы сдирать жилы с кожи». К этому месту Худяков делает примечание: «Самый плохой нож якуты употребляют на это будто бы постыдное дело, как позорный инструмент». ¹²⁸

Мы уже видели отражение некоторых черт быта и местной природы в сказках об исцелении. При этом некоторые детали устойчиво повторяются в сказках одной и той же народности: заготовка дров в финских сказках, огораживание полей в финских и карельских, причем в карельских

¹²⁷ Верхоянский сборник, стр. 258.

¹²⁸ Там же.

это всегда рспейное поле, упоминание о густых хвойных лесах, о толстых елях и соснах в карельских сказках. Иногда в отдельных сказках встречаются в этом отношении исключительно выразительные детали, как например упоминание в эстонской сказке о тяжелом покое в лесу, рассказ о скрывании Ильи туманом на горе в финской сказке. В одной из финских сказок Илья делает изгородь не только из деревьев и корней, но и из камней, а вместо двери ставит скалу. В удмуртской сказке из Сарапульского уезда, т. е. с реки Камы, упоминается пихта, которую расщепляет Илья (вместо традиционного дуба), чтобы устрашить врага (эпизод, являющийся реминисценцией встречи Ильи Муромца с разбойниками).

Характерный местный колорит неожиданно приобрела заключительная часть эвенкийской сказки об Илье Муромце. Когда Илья на орле достиг, наконец, земли и своих родных мест, «была, — рассказывает сказка, — зима, шел снег. Илья шагает по дороге». Придя к тому месту, где «они стояли стойбищем», Илья видит женщин, которые тащат жерди для чумов.

Все это лишь отдельные штрихи, но они не случайны, они своеобразно окрашивают повествование. Имея в распоряжении количественно больший материал, несомненно можно было бы сделать интересные наблюдения над национальными отличиями сказок о богатырях у разных народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Далеко не все вопросы, которые встают перед исследователем, изучающим сказки о богатырях русского эпоса, могли быть освещены в этой книге, и причина этого в характере самого материала.

Уже отмечалось, что вследствие недостаточного количества выявленных сказок у каждого из народов невозможно отчетливо представить национальное своеобразие их в пределах определенной народности. Можно было только наметить как общие черты сказок иноязычных с русскими, так и некоторые характерные отличия, которые были определены разными условиями возникновения и бытования, что и сделано в соответствующих местах книги. Можно было также уловить кое-какие общие тенденции сказок национальных, как например некоторый легендарный налет и сообщение повествованию известного национального колорита. Последнее, впрочем, не могло быть полностью вскрыто, поскольку приходилось изучать сказки в переводах.

Только в тех случаях, когда сказок оказывалось несколько больше, являлась возможность уяснить какие-то общие черты, отличающие сказки именно данной народности, например большую близость к содержанию русского эпоса сказок карел и коми, как народов, тесно соприкасающихся с русскими именно в районах активного бытования былин, или повторяющиеся образы в финских и карельских сказках.

В отношении сказок нерусских не мог быть освещен и чрезвычайно перспективный в теоретическом плане вопрос о том, как отразилась сама сказочная традиция разных народностей Советского Союза на материале сказок о русских былинных богатырях. Для этого необходимо глубокое

знание специфики сказочного жанра в пределах той или иной народности. Желательно, чтобы этот вопрос был поставлен учеными, изучающими сказки определенного народа.

Мы ограничились в настоящем исследовании только материалами сказок народов СССР, причем, кроме сказок русских, рассматривались сказки других восточных славян, народов Севера, Сибири и средней полосы Европейской части Союза. В дальнейшем интересно было бы поискать следы влияния русского былинного эпоса на сказки народов Кавказа и Средней Азии, а также отголоски русских былин в сказках зарубежных народов. Тот или иной результат поисков будет иметь значение для освещения общей проблемы взаимодействия эпического и сказочного жанров и вопроса о культурном обмене между народами.

Один из важнейших вопросов в изучении каждого фольклорного явления — это вопрос его истории. Возникновение сказок о богатырях как в русском, так и в национальном фольклоре, различные пути их образования в основном ясны и в книге намечены. Но вопрос об историческом развитии сказок на протяжении всех лет их устной жизни пока не может быть решен. Подвергались ли сказки каким-либо существенным изменениям или нет, менялось ли восприятие их аудиторией и в каком направлении — для ответа на эти вопросы нет нужных материалов, подобных тем, какие мы имеем в области былин, сказок волшебных и новеллистических, многих песенных жанров.

Имеющиеся в нашем распоряжении устные народные сказки о богатырях записывались в разное время начиная с первой половины XIX века и вплоть до наших дней. Среди них имеются и очень ранние записи и совсем поздние, современные. Несомненно, время бытования могло наложить на содержание сказок, на их состав, идейно-художественную направленность известный отпечаток.

В частности, можно предположить, что в пореволюционное время должна была и в этих сказках, как во многих других жанрах фольклора, обнаружиться тенденция к усилению и конкретизации патриотических и социальных мотивов. Однако сравнительного материала для категорического утверждения этого у нас нет.

Поясню это одним примером. В главе I названа одна из современных записей сказки о Садко и Василии Буслаеве, определенно восходящая к сказке П. Н. Полевого в «Би-

блиотечке Ступина». При разборе сказки, записанной в Ленинградской области, отмечено, что исполнитель, следуя точно всей композиции и содержанию текста источника, опустил религиозно-морализующие сентенции книжной сказки. Это было отмечено как характерный факт отбрасывания народом чужеродных народному сознанию элементов.¹ Но может быть, здесь сказалось уже сознание советского сказочника? Имел ли место этот факт в других случаях использования в устном исполнении той же сказки, если таковые были? Мы не знаем.

В силу сказанного пришлось главным образом сосредоточиться на выявлении особенностей содержания сказок, их состава, художественной природы, соотношения их с эпосом. Здесь совершенно очевидным стало одно: эпические сюжеты, переключаясь в художественную систему сказки, теряли в известной мере свой строгий, величавый характер, отступали от «эпической историчности», нередко растворялись в авантюрно-занимательном повествовании.

Использование былинных сюжетов сказкой часто влечет за собой насыщение их чисто бытовыми сценами (см., например, эпизод выторговывания коня Ильей в рассказе об исцелении, превращение сюжета о неудачной женигбе Алеши Поповича на жене Добрыни в бытовую крестьянскую повелу и т. п.). Это было отмечено еще Белинским, когда он указывал на некоторые отличия сказки от былины: «В тоне сказок больше простонародного, житейского, прозаического; в тоне поэм больше поэзии, полету, одушевления, — хотя те и другие рассказывают часто об одном и том же предмете».² Однако полностью сказочная стихия былинные сюжеты не поглощала, не ассимилировала. В основном сохранялась героическая и патриотическая направленность отраженных былинных сюжетов. Лучшие сказки сохраняли и социальные мотивы эпоса. Образ Ильи Муромца как идеального борца со злом, всяческим насилием в целом остался непоколебимым.

И здесь снова следует повторить то, что отмечалось в разных местах работы, — сказать о том большом значении, которое имели лучшие из устных сказок о богатырях в народнопоэтической культуре, как своеобразные хранители героических образов русского эпоса.

¹ См. стр. 65.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 5, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 355.

Вопрос о народных сказках по сюжетам и мотивам былинного эпоса связан не только с проблемой судеб былинных сюжетов и богатырских образов в поздней фольклорной традиции. Образование этих сказок — интересный факт в истории развития самой сказочной традиции, поскольку здесь возникает еще новая разновидность волшебной героической сказки с некоторыми специфическими особенностями.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Акимова — Фольклор Саратовской области, книга 1. Составлена Т. М. Акимовой под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.
- АКФАИ — Архив Карельского филиала Академии наук СССР.
- Андреев — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Анисимова — Песни и сказки Пензенской области. Составитель А. П. Анисимова, под ред. Э. В. Померанцевой. Пенза, 1953.
- Астахова — Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.
- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Т. I, «Academia», 1936; т. III, Гослитиздат, Л., 1940.
- Беларускі эпас — Беларускі эпас. Под ред. акад. АН БССР П. Ф. Глебкі и чл.-кар. АН БССР И. В. Гуторова. Изд. АН БССР, Минск, 1959.
- Былины XVII—XVIII вв. — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Русские народные сказки о богатырях былинного эпоса	9
Глава II. Сказки и предания о богатырях русского эпоса в фольклоре других народов СССР	72
Заключение	113
Принятые сокращения	117

Лина Михайловна Астахова

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ РУССКОГО ЭПОСА

* * *

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

* * *

Редактор Издательства *М. В. Дмитриенко*. Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *Г. П. Арсфьева*. Корректор *Н. М. Шилова*

Сдано в набор 3/ХІ 1961 г. Подписано к печати 18/І 1962 г. РИСО АН СССР
№ 86-10В. Формат бумаги $84 \times 108\frac{1}{32}$. Бум. л. $17\frac{1}{8}$. Печ. л. $33\frac{1}{4}$ = 6,15 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 6,56. Изд. № 1605. Тип. зак. № 394. М-36019. Цена 39 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

Г-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Исправление

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
64	14 сверху	при помощи композиции	при наличии композиции

А. М. Астахова.

